

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Сборник статей

Ижевск
2015

УДК 347
ББК 67.404
К 649

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ИПСУБ

Ответственные редакторы:

кандидат юридических наук, профессор Н.В. Кузнецова,
кандидат юридических наук, доцент П.М. Ходырев.

Реализация Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. ст. / отв. ред. Н.В. Кузнецова, П.М.Ходырев. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2015. - 216 с.

ISBN 978-5-4312-0411-1

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике, доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко. В сборник вошли научные статьи преподавателей и аспирантов российских вузов по проблемам гражданского права, гражданскому процессуальному праву.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также практикующих юристов.

ISBN 978-5-4312-0411-1

УДК 347
ББК 67.404

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2015

Н.В. Кузнецова

к.ю.н., доцент

профессор кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ

ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

д.ю.н., профессора В.В. ОВСИЕНКО

16 января 2015 года в Удмуртском государственном университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Реализация Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации: проблемы теории и практики», посвященная памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике, доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко.

Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения В.В. Овсиенко. Его вклад в создание экономико-правового факультета Удмуртского университета в 1972 году сложно переоценить. По этому поводу, к сожалению, также несвоевременно ушедший из жизни, доцент кафедры криминалистики В. Игошин писал в одном из своих стихотворений в честь одного из юбилеев профессора Овсиенко:

Вошло в нашу летопись это.

И скажет любой толкователь:

«Вы – первый декан факультета,

Подвижник, отец и создатель!».

В 1972 году в связи с созданием на базе педагогического института г. Ижевска Удмуртского государственного университета В.В. Овсиенко был приглашен в УдГУ сначала на должность доцента, а затем профессора кафедры политэкономии.

Много сил и энергии отдал профессор В.В. Овсиенко становлению и развитию юридического образования в Удмуртии. Он был первым деканом тогда еще экономико-правового факультета. В 1973 году на факультете была организована единственная юридическая кафедра (кафедра правоведения), которую и

возглавил профессор В.В. Овсиенко. Позже он шутил: «На факультете нас было двое: я и уборщица». По его инициативе в 1975 году в рамках экономико-правового факультета была создана одна из первых в стране на тот период времени кафедра хозяйственного права (ныне кафедра гражданского права), которой он заведовал до 1981 года. Именно по инициативе профессора В.В. Овсиенко были созданы на факультете лаборатория правовой информатики, кабинет правоведения. Он принимал все возможные меры к тому, чтобы обеспечить студентов необходимой литературой, уделял огромное внимание систематизации законодательства.

Работая в должности декана, а затем заведующего кафедрой, В.В. Овсиенко большое внимание уделял кадровому обеспечению преподавания юридических дисциплин. А с кадрами в то время было непросто. Приглашали практиков (судей, прокуроров) для чтения лекций и ведения практических занятий, приезжали ученые из других вузов, но надолго не задерживались. Как точно в свое время подметил В. Игошин:

Сначала все было непросто
Студенты, отчеты, бумаги...
И шли для престижа и роста
На новое место варяги.
Понуро, почти обреченно
Чуть позже юрфак покидали
«Своих подготовим ученых» -
Пророчески Вы предсказали.

И, действительно, в настоящее время костяк кадрового состава Института права, социального управления и безопасности (бывший юридический факультет) составляют его выпускники, начиная с директора к.ю.н., профессора кафедры уголовного права криминологии В.Г. Ившина. Но профессор Овсиенко вел большую работу и по привлечению представителей из других учебных заведений. Именно благодаря ему в свое время были приглашены на факультет и до настоящего времени работают в УдГУ С.Д.Бунтов, В.Я.Юдин, В.С. Колеватова, В.Н.Черняев.

В.В. Овсиенко был одним из ведущих специалистов в области хозяйственного права. Им было опубликовано более 60 научных работ, в том числе монографии, посвященные актуальным проблемам правового регулирования экономики. Большое внимание он уделял учебно-методической работе, качеству подготовки специалистов. Длительное время профессор В.В. Овсиенко был членом Научно-методического совета по правоведению Минвуза СССР.

Все преподаватели и сотрудники Института права, социального управления и безопасности, а также ученики профессора В.В. Овсиенко вспоминают его с большой благодарностью и любовью.

Е. В. Вавилин

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры гражданского

и международного частного права

Саратовской государственной юридической академии,

судья Высшего Арбитражного Суда

Российской Федерации в отставке

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ

Одним из существенных факторов по оптимизации всего механизма осуществления и защите субъективных прав является наличие юридической доктрины, наиболее полно и адекватно отражающей современные общественные отношения.

Происшедшие в последнее десятилетие глобальные политические, социальные, экономические и правовые изменения привели к необходимости сформировать новую национальную юридическую доктрину. Юридическая доктрина выражает сущность, дух, основные ценности и направления развития российского права, его главные цели и средства достижения, образно говоря, образуя идеологию права.

Современные словари дают следующие определения рассматриваемой дефиниции. Доктрина (лат. *doctrina*) может означать: во-первых, учение, научную или философскую теорию; во-вторых, политическую систему; в-третьих, руководящий теоретический или политический принцип [1. С. 403]. Часто используется термин «доктринальное толкование», смысл которого определяется как разъяснение правовых предписаний юристами-теоретиками [2. С. 211].

Таким образом, юридическая доктрина – это не нормативный акт, так как учение, правовая теория не могут самостоятельно выступать общеобязательным правилом поведения, регулятором общественных отношений (только опосредованно, через юридические предписания), то из этого следует, что юридическая доктрина не может быть отдельным источником права. Однако исходя из

природы своего формирующего начала законодательства она выступает вспомогательным источником права.

Другой вывод - юридическая доктрина многоаспектна, а значит, важно определить, в каком значении используется данный термин, о какой разновидности юридической доктрины идет речь.

Можно выделить следующие значения юридической доктрины:

а) учение (теория) как совокупность теоретических положений о правовых явлениях;

б) государственная программа (концепция) регулирования тех или иных общественных отношений, постановка целей, задач, определение средств для их реализации;

в) совокупность общих начал, исходных конституирующих принципов права, поддерживаемых или санкционированных государством;

г) руководящие теоретические принципы, основополагающие правовые дефиниции;

д) научные труды юристов.

Юридическую доктрину можно классифицировать по различным основаниям.

По отраслевой принадлежности: конституционная, международно-правовая, цивилистическая, административно-правовая, финансово-правовая, уголовно-правовая и другие.

Деление можно продолжить, например, по подотраслям или институтам. Так, в гражданско-правовой доктрине таковыми будут являться доктрины в сфере понятия гражданского права, правового статуса субъектов права, осуществления и защиты права, права собственности, обязательственного права, договорного права, наследственного права, авторского права, патентного права и др.

В зависимости от отношения к ней государства, проявления (влияния) ее в отечественном законодательстве: национальная юридическая доктрина; доктрины различных научных школ.

Национальная юридическая доктрина – это сфокусированная в ряд общих и абстрактных правил (представлений) система взглядов, выраженных в учениях, теориях или руководящих

принципах, которые имеют основополагающее и решающее значение при принятии тех или иных нормативно-правовых актов, в правоприменении - при вынесении судебных решений, толковании права, формирования правосознания граждан.

В качестве структурных элементов национальная юридическая доктрина включает в себя доминирующие правовые учения, теории, базирующиеся на основных юридических принципах, положениях Конституции РФ и сформированной устойчивой правоприменительной практике.

Национальная юридическая доктрина пронизывает весь механизм правового регулирования и, в частности, механизм защиты субъективных прав, образуя общую идейную основу для достижения результатов, соответствующих целям юридической доктрины. Для того чтобы разработать проект правового акта, сформулировать те или иные правила, законодатель руководствуется, прежде всего, положениями юридической доктрины, выраженной в учении о данных институтах, правовых явлениях. Они находят свое выражение в базовых нормативно-правовых актах и далее, в продолжение системы, выстраивается все законодательство.

Надлежащая реальная возможность осуществлять права и исполнять обязанности – одно из актуальных направлений реализации правовой политики государства. Правовая политика в рассматриваемой сфере представляет собой законодательно установленную, основанную на Конституции РФ и национальной юридической доктрине, системную, последовательную и стабильную деятельность государственных и муниципальных органов по формированию эффективного механизма осуществления и защиты субъективных прав и исполнения обязанностей. Одна из основных целей российской государственной политики – обеспечить с помощью последовательно организованных юридических средств реальную гарантированную возможность осуществления и защиты субъективных прав и законных интересов, создание целостной системы правового регулирования этих отношений.

В связи с этим для достижения практического результата актуальным является совершенствование системы правовых средств и правовых связей, которые бы обеспечили эффективное осуществление прав (защиту прав) и исполнение обязанностей. Необходимо формирование единого универсального понимания процесса гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей. Подобная совокупность взглядов на реализацию прав должна быть отнесена к фундаментальным принципам и методологическим аспектам осуществления права. Именно тогда она станет системообразующим элементом по оздоровлению социальных отношений, в частности, повысит самосознание граждан, станет сдерживающим фактором таких негативных явлений в обществе, как коррупция и взяточничество. В конечном итоге она будет способствовать установлению в обществе определенного нравственного порядка, правовой безопасности и содействовать общественному прогрессу.

Концепция гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей представляет собой систему взглядов о необходимости и путях оптимизации механизма реализации прав и исполнения обязанностей, когда осуществление права неизбежно следует (становится неизбежным) исключительно воле самого субъекта данного права, поскольку все правовые средства и механизмы, деятельность государственного аппарата и иных субъектов права направлены на обеспечение не только юридической, но и фактической реализации субъективного права и поощрение к исполнению субъективной обязанности. По сути концепция представляет собой модель осуществления определенных стратегических целей, она необходима для изучения существующих и разработки новых юридических механизмов для юридического и фактического достижения цели права. Она должна быть основана на следующих базовых положениях.

1. Осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей проявляется как: а) деяние – определенное поведение субъекта (действия или бездействия) в конкретном и определенном состоянии общественных отношений, жизненных реалий, направленное на достижение желаемого юридического (фор-

мального) и фактического результата; б) заложенный в праве (обязанности) итог деятельности, то есть достижение юридической (правовой) цели.

Фактическое использование субъективного права складывается из двух элементов: формальной составляющей, которая фиксирует совокупность и алгоритм действий или бездействия, и сущностную сторону данного процесса – справедливое действие (бездействие), отражающее выполнение надлежащего. В объективном праве должен быть предусмотрен фактический результат, к которому должно прийти управомоченное лицо при достижении идеальной (основной, а не факультативной) цели субъективного права.

Субъективное право с момента своего возникновения находится в состоянии исключительно своей реализации. Субъективные права, правоотношения опосредуют объективную реальную действительность. Они также постоянно изменяются в содержательном (структурном), функциональном и временном качествах. Статики осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей, правоотношений (состояния отношений), по сути, не существует, поэтому подобная характеристика правовых отношений может рассматриваться лишь для решения определенных методологических, учебных, исследовательских задач.

2. Принципами осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей являются основополагающие руководящие начала, которые всесторонне характеризуют, моделируют процесс достижения правовой цели в ходе реализации прав и исполнения обязанностей. Принципы осуществления прав и исполнения обязанностей представляют собой важнейший базовый элемент механизма осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей, действуют на всех этапах механизма.

Система принципов осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей подразделяется на две классификационные группы: целеполагающие принципы и принципы-методы, представляющие собой по степени обобщенности, сфере действия два взаимодействующих уровня императивов.

Первый уровень принципов осуществления прав и исполнения обязанностей включает в себя самые общие положения, формирующие представление о целях и задачах правового регулирования, концентрирующие в себе представления о нормальном, должествующем развитии правовых отношений. Они составляют идейную основу механизма осуществления прав и исполнения обязанностей. К этой группе начал относятся принцип гарантированного осуществления прав, принцип эффективности реализации прав, принцип сочетания общих и частных интересов. Данные начала указывают на цель и задачи, которые призван решить механизм правоосуществления.

Второй уровень принципов осуществления прав и исполнения обязанностей – группа принципов-методов – представляет собой более частное, конкретное проявление начал первого уровня. К числу принципов-методов в сфере частного права относятся принцип диспозитивности, равенства участников правоотношений, беспрепятственного осуществления прав, сохранения прав в случае отказа граждан и юридических лиц от этих прав, недопустимости злоупотребления правом и принцип соразмерности прав и обязанностей. Принцип-метод представляет собой основное направление организации правовой связи субъектов, их деятельности, которое адекватно отрасли права и правовой цели. Основопологающим принципом в механизме реализации субъективных прав является принцип гарантированного осуществления. Важнейшим условием гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей выступает формирование благоприятной правовой среды.

3. В зависимости от осуществления того или иного вида субъективного права, способа его реализации, правового положения управомоченного лица устанавливается содержание стадий осуществления – комплекс тех или иных правовых средств и инструментов, предусмотренных и упорядоченных в системе, составляющих конкретный механизм реализации права и исполнения обязанности. Следовательно, основу гарантированного осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей должны составлять механизмы реализации прав и обязанностей.

Под механизмом осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей следует понимать законодательно санкционированный порядок организации фактических и/или юридически значимых действий участников правоотношений, обеспечивающий действительное достижение субъектами правовой цели (предоставление/получение блага).

Механизм осуществления и защиты субъективных прав и исполнения обязанностей представляет собой последовательную, комплексную организацию правовых средств и обеспечение условий, направленных на достижение конечной цели, заложенной в содержании права и обязанности, по юридическому и фактическому осуществлению права и исполнению обязанности. Механизм осуществления и защиты прав должен быть направлен не только на достижение результата официального, но и на действительную, фактическую реализацию тех возможностей для уполномоченного лица, которые предоставляются правом. Аналогично цель механизма исполнения обязанностей в идеале должна выражать не исключительно юридическое (формальное) выполнение необходимых требований, но и фактический, социально-экономический результат действия (бездействия) обязанного лица. Поскольку именно при данном теоретическом, законодательном и правоприменительном подходе юридическая цель может считаться достигнутой.

Механизм осуществления прав и исполнения обязанностей – это системное явление, которое непосредственно либо опосредованно связано с иными видами правовых механизмов: механизмом правового регулирования, механизмами правотворчества, правоприменения, правотолкования. Механизм осуществления прав, с одной стороны, в некоторых своих стадиях совпадает с действием механизма правового регулирования, а с другой стороны, в силу особенностей складывающихся гражданских отношений (например, преобладания диспозитивного метода регулирования), рассмотренный с позиции носителя прав и обязанностей, включает в себя определенные, свойственные только данной правовой модели элементы и стадии действия. Это связано, в первую очередь, со стадиями установления права, факти-

ческого осуществления права и исполнения обязанности (реального получения/предоставления блага), не входящих в структуру механизма правового регулирования.

Элементами механизма осуществления прав и исполнения обязанностей являются субъективные права, субъективные обязанности, юридические факты, способы осуществления прав (исполнения обязанностей), средства и формы осуществления (установления, деяния, юридические процедуры).

В широком значении в состав механизма входят следующие элементы:

- а) благоприятная правовая среда;
- б) национальная юридическая доктрина, образующая идейную основу механизма осуществления прав и исполнения обязанностей;
- в) принципы осуществления прав и исполнения обязанностей;
- г) нормы права, обычаи делового оборота;
- д) юридические факты (юридический состав);
- е) юридические средства;
- ж) правоотношения;
- з) организационно-субъектные составляющие (круг лиц, их правовое положение);
- и) обеспечительные (гарантийные) элементы.

Все перечисленные структурные части в наличии и единстве формируют механизм осуществления прав и исполнения обязанностей. Если данные структурные составляющие присутствуют, учтены в рассматриваемом механизме, то эта система, определяющая порядок функционирования, движения субъективного права от своего возникновения до непосредственной фактической реализации, становится действующей, «работающей». И только в этом случае можно выстраивать гарантированную реализацию осуществления субъективного права и исполнение субъективной обязанности. Система должна быть сконструирована таким образом, чтобы она могла функционировать «автоматически». Если механизм запущен — «движение началось», то оно должно происходить автономно и неизбежно, во многих

случаях без необходимости «подключения» к нему управомоченного лица.

Стадиями механизма осуществления прав и исполнения обязанностей являются:

а) подготовительный этап (стадия состояния), предреализационный, который характеризуется наличием конкретных предпосылок осуществления прав и исполнения обязанностей: освоенных доктриной принципов осуществления прав и исполнения обязанностей, соответствующих юридических норм, правосубъектности, юридически значимых фактов;

б) формирование субъективного права (этот этап выражается в процессе создания завершенного юридического (фактического) состава, в котором особое значение имеют решающие факты);

в) этап установления субъективного права и обязанности представляет собой процесс осознания самим управомоченным своего права (обязанности) и признание этого права (обязанности) иными лицами – субъектами хозяйственного оборота;

г) этап процедурной реализации данного права, акты реализации прав и обязанностей;

д) стадия защиты нарушенного субъективного права (факкультативная);

е) стадия фактического и юридического осуществления права (получение искомого блага) и исполнения обязанности.

Системность механизма реализации прав и исполнения обязанностей проявляется в соответствии определенных элементов его конкретным стадиям. Нарушение этого порядка приводит к возникновению препятствий на пути осуществления прав и исполнения обязанностей. Каждое звено механизма защиты должно быть сформировано таким образом, чтобы оно не только реализовало свою внутреннюю цель, оправдывало свою сущность, но и создавало все условия для наступления и осуществления следующего этапа.

Действие механизма защиты прав завершает не охранительный правоприменительный акт, а стадия реального, фактического устранения нарушений права, восстановления (признания) субъективного права и (или) компенсация потерь, вызванных

нарушением права. Аналогичные процессы происходят и при исполнении субъективной обязанности, поскольку субъективные права и обязанности обладают корреспондирующими свойствами, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

* * *

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 8. М., 1972.
2. Современный словарь иностранных слов. М., 1999.

О.А. Кузнецова

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ТЕРМИНОСИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Российское гражданское законодательство в последние несколько лет подверглось реформированию, граничащему с революционными преобразованиями. В эпоху законодательных перемен важно сохранить и укрепить систему правовых терминов, устранить имеющиеся терминологические коллизии, гармонизировать старые и вновь вводимые термины.

По справедливому замечанию В.Б. Исакова, «юридическому языку свойственна *простота и надежность грамматических конструкций*, исключаящие двусмысленность. Это свойство связано с тем, что правовая норма по своей природе – команда. Совершенно очевидно, что команда, если она выражена неточным и двусмысленным языком, не будет понята и не будет выполнена так, как этого хотел бы законодатель» [2. С. 86].

К сожалению, законодатель допускает множество лексических, семантических, стилистических ошибок, и в период массовых изменений законов их количество увеличивается.

Так, недавно обновленная (усовершенствованная (!) в соответствии с Концепцией совершенствования гражданского законодательства) гл. 4 Гражданского кодекса РФ о юридических лицах содержит коллекцию таких ошибок.

Самой распространенной лексической ошибкой законодателя является неоправданное использование синонимов. Синонимы – слова, различные по звучанию и написанию, но имеющие похожее лексическое значение. Русский язык богат синонимами, которые, безусловно, украшают любой художественный текст и демонстрируют писательское мастерство автора. Законодатель тоже писатель, но писатель особого рода. Закон – не художественное произведение, и украшать его синонимами не только

бессмысленно, но и опасно. Нормы права должны обладать определенностью и по форме и по содержанию, что требует от законодателя сделать синонимический выбор из набора слов одинакового (похожего) значения. Причем этого выбора он должен последовательно придерживаться во всем нормативном материале при использовании предпочтительного термина. Нарушение данного правила приводит к тому, что правоприменители за разными терминами, обозначающими одно и то же явление, пытаются находить и находят различный смысл и, как следствие, используют различное правовое регулирование.

Согласно усовершенствованному гражданскому законодательству юридические лица могут «образовываться», «возникать», «учреждаться» и «создаваться»: «юридическое лицо, *образовавшееся* в результате реорганизации» (п. 2 ст. 60.1 ГК РФ), «юридическое лицо, *созданное* в результате реорганизации» (пп. 2, 4 ст. 57, п. 2 ст. 59, п. 5 ст. 60, п. 3 ст. 60.1, пп. 1, 2 ст. 60.2), «юридическое лицо, *возникшее* в результате реорганизации» (пп. 1, 3 ст. 58). В ст. 50.1 ГК РФ появился новый для гражданско-правовой терминологии оборот «юридическое лицо, созданное путем *учреждения*» (ст. 50.1). Четыре (!) синонима используются в одном и том же контексте, причем в различных соотношениях.

Возникают вопросы и по поводу использования в обновленной гл. 4 ГК РФ в различных словосочетаниях синонимов «организации» и «юридические лица». Абзац 2 п. 3 ст. 48 ГК РФ указывает, что к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные *организации*, и прямо отсылает к ст. 65.1 ГК РФ, которая имеет название «Корпоративные и унитарные *юридические лица*» и оперирует исключительно терминами «корпоративные юридические лица (корпорации)» и «унитарные *юридические лица*». Статья 50 ГК называется «Коммерческие и некоммерческие *организации*» и использует термины «коммерческие организации» и «некоммерческие организации».

Очень странным выглядит лексический выбор законодателя: коммерческие и некоммерческие в ГК РФ – организации, а корпо-

ративные и унитарные в ГК РФ – юридические лица. Однако далее, по всему тексту гл. 4 ГК РФ корпоративные, унитарные, коммерческие и некоммерческие определяются через термин «организация». Возникает вопрос: с какой целью всего лишь в одну (!) статью кодекса (65.1) введены новые термины «корпоративные *юридические лица*» и «унитарные *юридические лица*»?

Совершенно излишними выглядят и синонимы «корпоративная организация» и «корпорация».

В измененной гл. 4 ГК РФ по необоснованным причинам появляются новые названия понятий, которые уже были терминологизированы в кодексе.

В соответствии с вновь появившимся п. 6 ст. 50 ГК РФ «к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (статья 2), правила настоящего Кодекса не применяются, если законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное». При этом в кодексе уже имеется иной термин «отношения, регулируемые гражданским законодательством» (ст. 2 ГК РФ).

К сожалению, в ходе преобразований гл. 4 ГК РФ законодатель так и не устранил старые образцы неоправданной синонимии. В частности, по-прежнему беспорядочно используются слова-синонимы *уведомление* и *сообщение*.

Согласно п. 1 ст. 60 ГК РФ о реорганизации юридическое лицо обязано *уведомить* в письменной форме уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, о начале процедуры реорганизации. При этом в силу п. 1 ст. 13.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – ФЗ № 129) юридическое лицо обязано в письменной форме *сообщить* в регистрирующий орган о начале процедуры реорганизации.

При регулировании ликвидации юридического лица законодатель в кодексе и законе меняет терминологию. В соответствии с п. 1 ст. 62 ГК РФ учредители юридического лица обязаны *со-*

общить в письменной форме решение о ликвидации в уполномоченный государственный орган, а согласно п. 1 ст. 20 ФЗ № 129 учредители юридического лица обязаны *уведомить* в письменной форме о принятии решения о ликвидации регистрирующий орган.

Реорганизуемое юридическое лицо обязано опубликовать в средствах массовой информации, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, *уведомление* о своей реорганизации (абз. 2 п. 1 ст. 60 ГК РФ). А вот ликвидационная комиссия обязана опубликовать *сообщение* о ликвидации (п. 1 ст. 63 ГК РФ).

Закрепленные в единой терминосистеме, беспорядочно используемые термины попадают в нормативные акты, субординированные с ГК РФ. Так, соответствующие законы сообщают, что хозяйственное партнерство публикует *сообщение* о реорганизации (п. 9 ст. 24 ФЗ от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»), а кредитный кооператив публикует *уведомление* о реорганизации (п. 8 ст. 9 Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»).

В гражданском законодательстве наблюдается также неудачное обращение к языковой полисемии. С полисемией мы сталкиваемся тогда, когда у одного и того же слова существуют разные значения, имеющие общие элементы смысла. Так, слово *корпорация* означает 1) общество, союз, группу лиц, объединенных общностью сословных или профессиональных интересов; 2) акционерное общество, управляемое менеджерами [1. С. 720]; 3) одну из форм монополистического объединения [5. С. 368].

При этом законодатель в процессе реформирования гл. 4 ГК РФ слово *корпорация* использует (опустим известные юридические нюансы классификации корпораций) во втором значении и вносит утоняющий признак – наличие участников, членов. Но в ст. 65 ГК РФ сохраняется термин «государственная *корпорация*» в ином значении. И уж во всяком случае, государственная корпорация не является корпорацией [4. С. 327] в смысле, который придается ей в ГК РФ, поскольку не имеет участников (членов).

У корпорации и государственной корпорации есть общие элементы смысла – они являются объединениями, организациями, но с позиций классификации юридических лиц это разные, непересекающиеся явления.

ГК РФ демонстрирует нам и такой дефект языка, как тавтология – необоснованный повтор одного и того же слова.

Действительно, «юридический язык стандартизирован, тавтологичен, в нем используются языковые клише, он сух и однообразен» [3. С. 219]. Повторение одного и того же слова для правовой терминосистемы является большим благом: противостоит неправильной синонимии, способствует терминологическому единообразию, снижает вероятность интерпретационных ошибок правоприменителей. Однако *избыточное* повторение одного и того же слова только размывает терминологию закона, захламывает его текст.

Пункт 5 ст. 123.1 ГК РФ гласит: «Уставом некоммерческой корпоративной организации может быть предусмотрено, что решения о создании *корпорацией* других юридических лиц, а также решения об участии *корпорации* в других юридических лицах, о создании филиалов и об открытии представительств *корпорации* принимаются коллегиальным органом *корпорации*».

Неужели устав конкретного юридического лица может регулировать принятие указанных решений другими организациями и чужим коллегиальным органом? Исключение указанного термина никак не скажется на смысле этой нормы права.

В гл. 4 ГК РФ законодатель допустил ошибку и в использовании таких важных для правового института юридических лиц терминах, как *участник* и *учредитель*.

По смыслу ГК РФ участники могут быть только в корпоративных организациях. Таким образом, в унитарных организациях участников нет.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации определены как организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели и не распределяющие полученную прибыль между *участниками*. Однако среди некоммерческих организаций есть пять юридических лиц, кото-

рые являются унитарными и, как следствие, не имеют *участников* (фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, публично-правовые компании). В такой терминологической непоследовательности можно сделать неправильный вывод, что прибыль между *участниками* некоммерческой организации не распределяется, а между *учредителями* некоммерческой организации может распределяться. Очевидно, что в этой норме необходимо было использовать оба термина – и «учредители», и «участники».

В ст. 50.1 ГК РФ верно использован термин «учредитель»: юридическое лицо может быть создано на основании решения учредителя (учредителей) об учреждении юридического лица, поскольку при создании путем учреждения как корпоративной, так и унитарной организации выступают только учредители, участников на этой стадии нет.

Статья 60.1 ГК РФ предоставляет право признать решение о реорганизации недействительным почему-то только *участникам* юридического лица. А разве учредители, не являющиеся участниками, не должны быть наделены этим правом? В этой статье необходимо было использовать оба термина.

Главными причинами лексико-семантических ошибок при реформировании гражданского законодательства являются: большой объем актов, содержащих нормы гражданского права; множество авторов, готовящих проекты изменений в акты гражданского законодательства и не согласующих свои тексты друг с другом; игнорирование лексических значений слов; неучет межотраслевых связей гражданского законодательства.

Важнейшим средством противодействия засорению гражданско-правовой нормативной терминосистемы является повышение уровня владения юридическим языком и юридико-технической культуры самого законодателя. Стилистика новых статей гл. 4 ГК РФ свидетельствует о том, что их проекты писали разные авторы, к сожалению, не согласовавшие друг с другом свои тексты. Большую роль в укреплении терминосистем способна сыграть лингвистическая экспертиза законопроектов. Для укрепления единства правовой терминологии важно соблюдать

также правило: при введении нового термина своевременно вносить в действующие нормативные акты соответствующие терминологические изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный): в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1. 1233 с.

2. Исаков В.Б. Правовые словари и терминосистемы // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегород. исслед. науч.-прикл. центр «Юридическая техника», 2007. С. 86–101.

3. Кулакова Ю.Ю. Язык права // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 217–220.

4. Серова О.А. Ещё раз о государственных корпорациях или о новых задачах научных исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 325–330.

5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Н.В. Кузнецова

к.ю.н., доцент

профессор кафедры гражданского права

Удмуртского государственного университета

ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Принцип свободы договора является основополагающим принципом как гражданского права в целом, так и договорного права в частности. Действующее гражданское законодательство в качестве элементов принципа свободы гражданско-правового договора предусматривает право сторон самостоятельно решать вопросы о возможности и целесообразности заключения договора; выбора вида соответствующего договора; заключения непоименованных, смешанных и комплексных договоров; формирования его условий; способах и времени ведения переговоров; выбора формы договора; включения в договор тех или иных способов обеспечения обязательств, а также форм и размера гражданско-правовой ответственности; оснований и порядка изменения и расторжения договора. Безусловно, каждый из указанных элементов принципа свободы договора имеет определенные ограничения. Большинство таких ограничений установлено гражданским законодательством, другие выработаны судебной практикой при рассмотрении и разрешении соответствующих гражданско-правовых споров. При этом нельзя не заметить, что судебная практика активно вмешивается в регулирование договорных отношений, связанных с реализацией принципа свободы договора. В большинстве случаев такое вмешательство касается реализации права сторон самостоятельно формировать условия заключаемого гражданско-правового договора.

Одним из направлений в данной сфере является определение судом характера правовой нормы, устанавливающей условия соответствующего договора. Длительное время в практике рассмотрения гражданско-правовых споров не возникало особых проблем в определении характера правовой нормы, регулирующей договорные отношения. Данное обстоятельство объясня-

лось и сейчас во многом объясняется тем, что норма п.4 ст.421 ГК РФ предусматривает, по сути, презумпцию императивности норм, регулирующих договорные условия, поскольку отсутствие ссылки в норме права на возможность предусмотреть в договоре иное должно свидетельствовать об её безусловной обязательности для контрагентов. В настоящее время в правоприменении наметилась явно выраженная тенденция изменения подхода к квалификации правовых норм, регулирующих договорные отношения как императивных или диспозитивных. Так, например, в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. №16 «О свободе договора и её пределах» предлагается иной подход к квалификации таких норм. Пленум считает, что при толковании соответствующих норм необходимо исходить не только из буквального значения содержащихся в них слов, но и учитывать те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило. В связи с этим, по мнению суда, норму следует считать императивной в следующих случаях: 1) если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия, отличного от предусмотренного этой нормой правила; 2) при отсутствии явно выраженного запрета установить иное содержание нормы призвано защитить особо значимые охраняемые законом интересы (например, интересы слабой стороны в договоре, публичные интересы и т. д.). Кроме того, предлагается также учитывать недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон при квалификации соответствующих правовых норм. Такой подход к определению характера правовых норм вызывает определенные сомнения. Судебное усмотрение является категорией субъективной, а потому различные подходы к квалификации той или иной нормы неизбежны. Кроме того, участники гражданского оборота при сохранении в законодательстве презумпции императивности норм, регулирующих договорные отношения, на момент заключения договора сами не имеют возможности определить границы дозволенного поведения при формировании договорных условий. В самой судебной практике, на наш взгляд, не всегда выдерживается рекомендованный подход к квалификации соответствующих норм права. Так, на-

пример, одним из вопросов является проблема квалификации нормы п.3 ст.614 ГК РФ. Долгое время как в теории, так и в судебной практике императивный характер указанной нормы в части невозможности изменения размера арендной платы даже по соглашению сторон чаще, чем один раз в год, не подвергался сомнению. В настоящее же время судебная практика указанную норму квалифицирует как диспозитивную, дающую право сторонам договора аренды изменять арендную плату по своему соглашению чаще, чем один раз в год [1]. Вместе с тем, если следовать общим рекомендациям Пленума ВАС РФ относительно квалификации норм договорного права как императивных или диспозитивных, то очевидно, что, во-первых, норма п.3 ст.614 ГК РФ содержит явно выраженный запрет на изменение арендной платы чаще, чем один раз в год даже по соглашению сторон, во-вторых, явно прослеживается цель такого законодательного регулирования арендных отношений – обеспечить защиту имущественных интересов арендатора как слабой, зависимой стороны в переговорном процессе. Представляется, что указанные причины дают основание норму п.3 ст.614 ГК РФ в её действующей редакции квалифицировать именно как императивную.

В судебной практике также возникают проблемы квалификации нормы ст.319 ГК РФ, устанавливающей очередность погашения долга по денежному обязательству. Указанная норма промаркирована как диспозитивная, поскольку предусматривает, что установленная в ней очередность подлежит применению, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Следует заметить, что конкретизация положения ст.319 ГК РФ в части того, какие проценты подлежат погашению до суммы основного долга (проценты за правомерное пользование чужими денежными средствами), по сути, дополнила её содержание, добавив четвертую очередь, в которую входят проценты за неправомерное пользование, а также неустойка. Очевидно, что указанное обстоятельство само по себе не должно было повлиять на характер рассматриваемой нормы. Однако судебная практика установила в части четвертой очереди императивное правило о невозможности по соглашению сторон включать в договор условие о пога-

шении процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами, равно как и неустойки до суммы основного долга [2]. Данное положение судебной практики, безусловно, является ограничением свободы договора, в частности, права сторон по своему усмотрению включать в соглашение любые условия, не противоречащие закону или иным правовым актам, что противоречит п.4 ст.421 ГК РФ. Кроме того, указанное ограничение противоречит и п.2 ст.1 ГК РФ, согласно которому участники гражданского оборота свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству его условий.

Одной из тенденций реализации принципа свободы договора является установление правоприменительной практикой конкретного правового содержания предусмотренных нормами договорного права оценочных понятий в сфере определения условий заключаемых соглашений. Значение данной судебной функции сложно переоценить, поскольку выработанные ею подобного рода положения зачастую являются основанием для совершенствования действующего гражданского законодательства. Примером являются положения о конкретизации такого вида существенных условий договора, как условия, «необходимые» для договора определенного вида (п.1 ст.432 ГК РФ). Так, применительно к договору поручительства судебная практика предусматривала положение о том, что если указанный договор содержал заранее данное согласие поручителя в случае изменения обязательства отвечать перед кредитором на измененных условиях, то необходимым условием для данного договора должно было быть условие о пределах такого изменения обязательства, иначе договор следовало считать заключенным на первоначальных условиях обеспеченного обязательства [3]. В другом случае при включении в договор поручительства условия о согласии поручителя отвечать за любого должника, на которого может быть переведен долг, суд считает, что необходимым для данного договора является условие о критериях, позволяющих с высокой степенью определенности установить круг лиц, при переводе долга на которых поручительство сохраняет силу [4]. Не-

обходимо заметить, что оба указанные выше правоположения, выработанные судебной практикой, нашли впоследствии свое законодательное закрепление (ст.367 ГК РФ в ред. ФЗ от 08.03.2015 №42 –ФЗ).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о реализации принципа свободы договора в случаях заключения соглашений по типу договора присоединения (ст.428 ГК РФ). Значительная роль в решении проблем защиты слабой стороны при использовании указанного способа заключения договора принадлежит именно судебной практике. Первоначальная редакция нормы ст.428 ГК РФ предусматривала право присоединившейся к условиям договора стороны требовать его изменения или расторжения в судебном порядке в зависимости от статуса контрагента. Такое право было предоставлено так называемой слабой стороне по договору, например, гражданам, не являющимся предпринимателями. Субъекты же предпринимательской деятельности таким правом не обладали. Однако судебная практика считала такое положение вещей в законодательстве несправедливым и обращала внимание на необходимость защиты прав присоединившейся стороны вне зависимости от ее статуса. Такая позиция была высказана, например, применительно к договорам поручительства [5], а также к кредитным договорам [6]. Позднее данная позиция была закреплена в качестве общего правила применительно ко всем договорам, заключаемым по типу договора присоединения в п.9 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. №16 «О свободе договора и ее пределах». Очевидно, что на тот период правила, установленные судебной практикой, противоречили положениям ст.428 ГК РФ, хотя впоследствии во многом явились основанием для изменения редакции нормы указанной статьи. С 1 марта 2015 г. право на изменение и расторжение договора, заключенного по типу договора присоединения, принадлежит присоединившейся стороне независимо от ее статуса (п.3 ст.428 ГК РФ в ред. ФЗ от 08.03.2015 №42 – ФЗ).

Изложенные выше тенденции реализации принципа свободы договора в судебной практике позволяют обозначить про-

блему ограничения свободы самой судебной практики в квалификации и толковании норм права, устанавливающих договорные условия. Так, оценивая положительно активную роль судебной практики в регулировании договорных отношений, А.Г. Карапетов и А.И. Савельев отмечают: «Система арбитражных судов во главе с ВАС РФ активно модифицирует гражданское законодательство посредством телеологического толкования, интенсивно заполняет пробелы в законе, в ряде случаев формирует практику вопреки букве неудачной законодательной нормы..., продуцирует огромное количество правотворческих по сути разъяснений судебной практики» [7. С.43]. Указанные авторы выступают за установление в современном ГК РФ презумпции диспозитивности гражданско-правовых норм, регулирующих договорные отношения [7. С. 51].

На наш взгляд, без серьезной переработки гражданского законодательства, установления чётких запретов не только для участников гражданского оборота, но и для правоприменителей устанавливать презумпцию диспозитивности норм договорного права преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 года №73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского Кодекса Российской Федерации о договоре аренды». П.21.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 октября 2010 г. №141 «О некоторых вопросах применения положений статьи 319 Гражданского Кодекса Российской Федерации».
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. №42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством». П.16.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. №42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством». П. 17.

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. №42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством». П.18.

6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. №147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений ГК РФ о кредитном договоре». П.2.

7. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012.

Е.А. Анчишина

к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ НЕЗАКЛЮЧЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Действующее гражданское законодательство РФ не содержит норм о незаключенном договоре и его правовых последствиях.

Закон определяет лишь условия, при которых договор считается заключенным. Так, согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор заключен, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

В ряде норм ГК РФ прямо указаны основания признания договора незаключенным, однако порядок и правовые последствия такого признания не определены. Таковым, в частности, является правило п. 2 ст. 465 ГК РФ о незаключенности договора купли-продажи в случае несогласования сторонами условия о количестве товара.

Обращает на себя внимание и тот факт, что гражданское законодательство РФ содержит указание на одни и те же обстоятельства и как на основания незаключенности договора, и как на основания его ничтожности. Так, по смыслу ст. 432 ГК РФ предмет договора является его существенным условием, при несогласовании которого договор считается незаключенным. Вместе с тем в силу абз.2 п.2 ст. 572 ГК РФ обещание подарить без указания на конкретный предмет дарения в виде вещи, права или освобождения от обязанности ничтожно.

В цивилистической доктрине также отсутствует единообразное понимание юридической природы и правовых последствий незаключенного договора. На сегодняшний день существуют следующие позиции по обозначенной проблеме. Первая из них заключается в том, что незаключенный договор представляет собой разновидность ничтожной сделки и, соответственно, влечет правовые последствия в виде реституции[13.С. 3;15.С. 9,

18]. Согласно второй - данная категория является самостоятельной. При этом одни ученые полагают, что правовым последствием имущественного предоставления по такому договору является возврат неосновательного обогащения по правилам гл. 60 ГК РФ [9.С.57; 11. С. 113; 7. С. 67; 12. С. 71], а другие – возврат такого имущества при сохранении его в натуре в порядке виндикации, в остальных случаях - по правилам о неосновательном обогащении [5.С. 438;6.С. 80-83]. Третья позиция сводится к тому, что такой категории, как незаключенный договор не существует, поскольку если соглашение сторон не достигнуто, то нет и договора. Может ставиться лишь вопрос об ответственности стороны, по вине которой договор не был заключен (в частности, о взыскании с нее убытков) [14.С. 36].

Неоднозначное понимание рассматриваемой категории было характерно и для судебной практики. В настоящее время принято Информационное письмо от 24 февраля 2014 года № 165, в котором Президиум ВАС РФ рассмотрел «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»). Вместе с тем содержащиеся в письме положения носят рекомендательный характер и отражают лишь отдельные аспекты применения данного способа защиты гражданских прав.

Следует также отметить, что предъявление требования о признании договора незаключенным в большинстве случаев вызвано стремлением недобросовестной стороны уклониться от исполнения договорных обязательств или избежать ответственности за неисполнение или ненадлежащее их исполнение [8. С. 35; 16]. В таких случаях суды применяют правила п. 1 ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом [4. П.4]. Однако единственным последствием злоупотребления правом является отказ в защите права лицу, чьи действия суд квалифицирует как злоупотребление. В данном случае это отказ в иске о признании договора незаключенным. Вместе с тем такая ситуация способна лишь сохранить неопределенность в отношениях сторон, поскольку договор будет считаться заключенным, а следовательно, подлежать исполнению, при том, что один из его конститутивных элементов отсутствует.

Недостаточность и, в отдельных случаях, противоречивость соответствующих норм гражданского законодательства, неоднозначное понимание правовой природы незаключенного договора и возникающие в связи с этим проблемы в правоприменительной практике, в том числе рост злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданского оборота, предопределили необходимость законодательного закрепления данной юридической конструкции.

Концепция развития гражданского законодательства в п. 7.2 раздела «Общие положения о договоре. Заключение договора» [1] указала следующее направление совершенствования законодательства в отношении категории незаключенного договора: определить возможность предъявления иска о признании договора незаключенным как самостоятельного средства правовой защиты; рассмотреть вопрос о необходимости ограничения права стороны, принявшей исполнение от контрагента по договору, на предъявление такого иска; определить правовые последствия признания договора незаключенным.

В рамках реализации Концепции разработан проект Федерального закона № 47538-6, который предусматривает введение в Гражданский кодекс РФ ст. 446.1 «Оспаривание заключенного договора» [2].

Согласно проекту единственным основанием признания договора незаключенным является отсутствие соглашения сторон по всем существенным условиям договора. При этом в случае неопределенности предмета договора он признается незаключенным по требованию одной из сторон (п. 1 проекта ст. 446.1 ГК РФ). Когда не достигнуто соглашение по иным существенным условиям, договор может быть признан незаключенным, в том числе по требованию одной из сторон (п. 2 проекта ст. 446.1 ГК РФ).

Неясно, что в данном случае следует понимать под словосочетанием «в том числе».

Допускает ли таким образом законодатель обращение любого заинтересованного лица с иском? В цивилистической литературе отмечается, что в рассматриваемой ситуации иные лица

также могут иметь юридически значимый интерес, при этом суд должен установить реальность и значимость такого интереса [11. С. 81; 6. С. 82]. Аналогичное решение предложено судебной практикой [4.П. 4]. Вместе с тем высказано и противоположное мнение, главным аргументом которого является нарушение стабильности гражданского оборота [16].

Или может быть идет речь о признании договора незаключенным по инициативе суда? Следует отметить, что судебная практика признает право суда по собственной инициативе без соответствующего заявления стороны договора признать его незаключенным [4.П. 1].

Возникает также вопрос: почему такое положение неприменимо к случаям несогласованности предмета договора? Согласно справедливому замечанию С.В. Левичева, такая дифференциация необоснованна и может породить ненужные споры о двойственной природе категории незаключенного договора [16]. Во избежание недоразумений в применении данного положения на практике представляется необходимым его уточнить.

В силу указанной статьи договор может быть признан незаключенным только судом.

Следует подчеркнуть, что употребление термина «договор» в словосочетании «незаключенный договор» условно. Ведь незаключенный договор следует рассматривать исходя из его природы как незавершенный юридический состав [10. С. 58-59]. Такой договор как незавершенный (завершенный с пробелами) процесс создания правомерного юридического факта - гражданско-правовой сделки проявляется отсутствием в этом факте одного из его конститутивных элементов [11. С.15]. Признать данную категорию юридическим «ничто», которое вообще не порождает юридических последствий [6. С. 83], нельзя. Так, судебная практика признает, что договор в отсутствие необходимой государственной регистрации может быть оспорен по правилам о недействительности сделок [4. П. 2].

Учитывая изложенное, суд может установить лишь факт незаключенности договора, не оказывая тем самым «преобразующего воздействия на сложившиеся отношения» [11. С.84].

Из этой особенности следует также право суда по требованию одной из сторон договора признать его заключенным, исполнив отсутствующее условие [4. П. 8]. Такое положение предусмотрено абз. 2 п. 2 проекта ст. 446.1 ГК РФ и подлежит применению только, если иное не предусмотрено законом или не вытекает из существа договора, с учетом необходимости обеспечить баланс интересов обеих сторон договора и исходя из требований разумности и справедливости. В юридической литературе высказано мнение, что суд вправе самостоятельно приступить к поиску такого условия [16]. Однако данная позиция представляется противоречащей принципу свободы договора, поскольку предполагает навязывание сторонам условий, на которых бы они договор не заключили.

По смыслу проекта ст. 446.1 ГК РФ право суда исполнить отсутствующее условие неприменимо в случае, когда стороны договора не достигли соглашения о его предмете. Такое исключение из правила представляется необоснованным, поскольку, как было указано выше, может привести к представлению о двойственной природе рассматриваемой категории.

Правило п. 3 проекта ст. 446.1 ГК РФ направлено на исключение недобросовестного поведения стороны договора, ссылающейся на его незаключенность. Так, сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору или иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если иное не предусмотрено законом. Исходя из смысла указанной нормы, как справедливо отмечает С.В. Левичев, невозможность требовать признания договора незаключенным возникает не только у стороны, принявшей исполнение, но и предоставившей его [16]. Аналогичная позиция выработана судебной практикой [4. ПП. 3, 7].

В качестве последствия имущественного предоставления по незаключенному договору проект ст. 446.1 ГК РФ предусматривает применение правил гл. 60 ГК РФ об обязательствах вследствие неосновательного обогащения. Ранее данное положение было выработано судебной практикой [3. П.3; 4. П.10]. Проект предусматривает, что иное может быть указано в законе или со-

глашении сторон. Тем не менее других правил ГК РФ не устанавливает. В связи с этим представляется необоснованным мнение А. А. Савина о возможности взыскания убытков в связи с неосновательной передачей по незаключенному договору (в частности, при утрате приобретателем индивидуально-определенной вещи, переданной по незаключенному договору) [11. С. 113].

Вместе с тем проект ст. 446.1 ГК РФ не решает ряд вопросов.

По смыслу вышеуказанных правил договор может быть признан незаключенным только тогда, когда сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Однако существуют и иные основания незаключенности договора.

Согласно п.1 ст. 432 ГК РФ такое соглашение должно быть заключено в требуемой в подлежащих случаях форме. В силу абз. 2 п. 1 ст. 434 ГК РФ если стороны договорились заключить договор в определенной форме, он считается заключенным после придания ему условленной формы, хотя бы законом для договоров данного вида такая форма не требовалась. Эти положения закона некоторым авторам дают основание полагать, что несоблюдение формы договора влечет его незаключенность [5.С. 437;9. С. 11, 58]. В то же время в ряде статей ГК РФ несоблюдение формы договора указано как основание его недействительности (п. 3 ст. 163, п. 2 ст. 560 ГК РФ). Представляется необходимым устранить вышеуказанную неопределенность.

В силу п. 3 ст. 433 ГК РФ договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не предусмотрено законом. Судебная практика признает за договором без необходимой государственной регистрации силу заключенного договора в отношениях между сторонами с момента достижения ими соглашения по всем существенным условиям, если это не затрагивает прав третьих лиц [4.ПП. 2, 3]. Вместе с тем в силу п. 1 ст. 164 ГК РФ правовые последствия сделки, требующей государственной регистрации, наступают после такой регистрации. Какие-либо исключения законом не установлены.

Согласно п. 2 ст. 433 ГК РФ реальный договор считается заключенным с момента передачи имущества. Значение передачи вещи в этом случае также является конститутивным элементом (аналогично обязательной государственной регистрации договора), при отсутствии которого состав договора как юридического факта считается неполным, а договор - незаключенным [11. С. 60].

В связи с вышеизложенным неясно, подлежат ли применению к указанным случаям правила проекта ст. 446.1 ГК РФ о порядке признания договора незаключенным, правовых последствиях незаключенности договора и возможности его «исцеления» посредством восполнения недостающего конститутивного элемента или подтверждения стороной действия договора.

В целом анализ проекта ст. 446.1 ГК РФ позволяет прийти к следующим выводам.

Согласно проекту договор может быть признан незаключенным только судом.

Законодатель признает лишь одно основание признания договора незаключенным – отсутствие соглашения сторон по всем существенным условиям, разграничивая предмет и иные существенные условия.

Предусмотрена возможность признания договора заключенным в случае восполнения судом недостающего иного существенного условия.

Исключена возможность предъявлять требование о признании договора незаключенным стороной, подтвердившей его действие.

Правовым последствием имущественного предоставления по незаключенному договору является применение правил об обязательствах вследствие неосновательного обогащения. Тем самым проведено четкое разделение категорий незаключенного и недействительного договора и вызываемых ими последствий.

Проект ст. 446.1 ГК РФ является важным этапом в развитии категории незаключенного договора в российском гражданском праве. Внесение вышеприведенных изменений в действующее гражданское законодательство позволит исключить неоднозначное понимание юридической природы незаключенности догово-

ра и его правовых последствий, что, в свою очередь, ограничит возможность применения данных правил для защиты недобросовестной стороны договора. Однако проведенный анализ проекта закона, показал необходимость его дальнейшей доработки с учетом отмеченных противоречий и неточностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2000 года № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А.Б. Бабаев и др.; под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-издат, 2007. 993 с.
6. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга вторая: отдельные аспекты защиты. М.: Юстицинформ, 2014. 206 с.
7. Егоров Ю.П. Несостоявшиеся сделки // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 62-68.
8. Егорова М.А. Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 3. С. 34-36.

9. Козяр Н.В. Категория ничтожной сделки в гражданском праве Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. М.: РГБ, 2011 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). 235 с. URL: <http://www.diss.rsl.ru>.

10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.

11. Савин А.А. Последствия договоров, считающихся незаключенными по российскому гражданскому праву: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. М.: РГБ, 2010 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). 144 с. URL: <http://www.diss.rsl.ru>.

12. Сбитнев Ю.В. Споры о признании договора незаключенным: позиции истца и ответчика // Арбитражная практика. 2011. № 3. С. 70-77.

13. Семенов М.И. Что такое незаключенная сделка? // Эж-Юрист. 2001. №9. С.3.

14. Толстой Ю.К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31-38.

15. Тузов Д.О. О понятии «несуществующей» сделки в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. №10. С. 4-26.

16. Левичев С.В. Оспаривание незаключенных договоров в контексте реформы Гражданского Кодекса Российской Федерации. URL: <http://www.szrf.ru>.

Л.М. Батычко

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1. Проблема реализации основных функций прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве

Реформа социально-экономической стороны жизни общества всегда влечет за собой внесение изменений в действующее законодательство в начале и более глубинную его трансформацию впоследствии. Особое место в настоящее время занимают преобразования в отрасли гражданского процессуального права, поскольку они взаимосвязаны с проведением в этот сложный период судебной реформы и реформы прокурорского надзора.

С момента создания Прокуратуры в России в 1722 г., обусловленной реформами Петра I, основными ее функциями были: надзорная и «собственно судебная обвинительная или исковая деятельность» [1. С.359].

Значимость этих функций в разные исторические периоды российского государства менялась.

В конце 80 - начале 90-х гг. XX в. концепция прокурорского надзора стала вновь подвергаться пересмотру, и было положено начало реформе в области правосудия.

С распадом Союза Прокуратура СССР перестала существовать как самостоятельный государственный орган. В каждом из суверенных государств были образованы самостоятельные прокуратуры, возглавляемые Генеральными прокуратурами. Наступил период децентрализации органов прокуратуры. Вводится «двойное» (как в 20-е гг.) подчинение прокуроров - Генеральному прокурору суверенного государства и высшим органам государственной власти. Существенно снижается престиж, авторитет, квалификация и влияние органов прокуратуры в вопросах укрепления законности и правопорядка. С момента ликвидации Прокуратуры СССР как центрального органа прокурорской системы на территории суверенных государств перестал действовать Закон СССР «О прокуратуре СССР» 1979г. и в России при-

нят Федеральный закон «О прокуратуре РФ» 1992 г. Закон трансформирует содержание и назначение прокурорского надзора в уголовном и гражданском судопроизводстве, отводя прокурорам роль стороны при рассмотрении судами уголовных и гражданских дел, хотя за прокурорами сохранялось право опротестования незаконных и необоснованных судебных решений [2. С. 39-40]. Таким образом, обе функции в той или иной степени были представлены в Законе, но «градус» значимости обеих становится ниже.

Согласно ФЗ «О прокуратуре РФ» уже в редакции 1995 г. и ФЗ 1999 г. №31-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ «О прокуратуре РФ» [3. Ст.878] границы реализации функции исковой деятельности прокурора сократилась еще в большей степени, причем ранее, чем были внесены соответствующие изменения в ГПК РСФСР. Прежде всего, была ограничена государственная исковая защита граждан. Так, согласно ч.4 ст.27 ФЗ «О прокуратуре РФ», прокурор вправе возбудить гражданское дело в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы, или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан, либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение [3. Ст.878].

Следующим серьезным шагом по сворачиванию функции исковой деятельности прокуратуры в гражданском судопроизводстве становится принятие нового ГПК РФ 2002 г. За указанный период содержание ч.4 ст.27 ФЗ «О прокуратуре РФ» было отредактировано и воспринято ч.1 ст.45 ГПК РФ 2002 г., что существенно ограничило право граждан на государственную исковую защиту в лице прокурора.

Так, если по ГПК РСФСР 1964 г. прокурор вступал в процесс для защиты интересов других лиц по своему усмотрению, в силу закона или сложившейся практики, то по новому ГПК РФ, как правило, в случаях, предусмотренных законом (ч.1,3 ст.45 ГПК РФ). По новому ГПК РФ усмотрение прокурора ограничено возрастом, недееспособностью, состоянием здоровья лица, заин-

тересованного в государственной исковой защите, а также усмотрением суда.

Таким образом, согласно новому ГПК РФ, существенно была ограничена возможность получения защиты со стороны государства большей части граждан и юридических лиц.

В начале двухтысячных начинается формироваться потребность в оздоровлении ситуации в финансовом и других секторах экономики, а также в сфере конституционных прав свобод и законных интересов социально незащищенных категорий населения.

В частности, в соответствии с Приказом по Генеральной прокуратуре от 2 октября 2007 г. № 155 « Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных актов органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления», Генеральный прокурор возложил персональную ответственность, за обеспечение надлежащей организации надзора в указанной сфере, на прокуроров субъектов РФ, городов, районов, приравненных к ним военным прокуроров и прокуроров других специализированных прокуратур [4].

Далее, в соответствии с Указаниями Генеральной прокуратуры РФ от 14 ноября 2008 г. № 229/7р в целях обеспечения законности, защиты прав граждан в социальной и экономической сферах, руководствуясь ст.17 ФЗ «О прокуратуре РФ», принять меры к усилению прокурорского надзора за исполнением законодательства о труде, занятости населения, пенсионном обеспечении, а также законодательства, направленного на противодействие правонарушениям в экономической сфере (п.1 Указаний). В п.2 Указаний конкретизируются возможные категории дел социальной сферы во взаимосвязи с финансовой и другими секторами экономики.

Согласно пп.2.9 п.2 Указаний, органы прокуратуры при осуществлении полномочий по сбору и проверке сведений о нарушении законодательства должны наладить тесный контакт и взаимодействие с профсоюзными и другими общественными организациями [5].

Исходя из Указаний представляется возможным сделать следующие выводы: во-первых, взят курс на восстановление значимости функции прокурорского надзора в жизни общества с

учетом изменений, произошедших в его социально-политической и экономической сферах; во-вторых, перечисленные мероприятия представляется возможным расценить как первый шаг к расширению функции участия прокуратуры в гражданских делах, может быть в прежнем формате – по усмотрению прокурора (но это дело будущего).

В целях обеспечения органами прокуратуры реализации плана действий Правительства РФ, направленных на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики, 19 ноября 2008 г. по Генеральной прокуратуре РФ издан Приказ № 236 «Об утверждении программы действий органов прокуратуры РФ с применяемыми Правительством РФ мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики».

Так, пп.2.1 п.2 указанного Приказа посвящался защите социальных прав граждан. В нем отмечалась необходимость усиления контроля за участием прокуроров в рассмотрении судами дел о восстановлении на работе в связи с высвобождением работников, о задержке и невыплате в срок заработной платы, о выселении из жилых помещений, связанном с расторжением ипотечных и кредитных договоров. Данное указание предполагает обязательное участие прокурора хотя бы по некоторым категориям гражданских дел [6. Абз. 11 пп.2.1 п.2], что в ст.45 нового ГПК РФ 2002 года не предусматривалось.

Срок исполнения по Указаниям, связанным с усилением прокурорского контроля, согласно приказу № 236 от 19 ноября 2008 г., устанавливался: ноябрь-декабрь 2008 г., 1-й квартал 2009 г. Исполнители - управление по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе, прокуроры субъектов РФ [6. Абз. 11 пп.2.1 п.2]. Таким образом, значимость функций надзора и исковой деятельности прокуратуры неизменно предполагается повышать, что говорит о существенных изменениях в экономике и общественных отношениях в целом.

Так, согласно ФЗ РФ от 5 апреля 2009 г. [7] содержание ч.1 ст.45 ГПК дополнено и существенно расширен спектр оснований, по которым была предоставлена государственная исковая защита гражданам без ограничений, предусмотренных в ч.1

ст.45 ГПК РФ. Это, прежде всего, защита нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования (ч.1 ст.45 ГПК РФ).

Следующими действиями со стороны прокуратуры, как будто расширяющими возможность граждан получить государственную защиту через систему гражданского судопроизводства, являются указания, содержащиеся в Приказе Генеральной Прокуратуры РФ № 181 от 26.04.2012 г. «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе». В частности, в преамбуле Приказа указывается: в связи с внесением изменений в ГПК РФ в целях эффективной реализации органами прокуратуры задач по защите в гражданском судопроизводстве охраняемых законом прав и интересов граждан, государства и общества, руководствуясь п.1 ст.17 ФЗ «О прокуратуре РФ», считать основными обязанностями прокуроров, обеспечивающих участие в гражданском процессе, участие в рассмотрении судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции дел, возбужденных по искам (заявлениям) прокуроров в защиту прав, свобод и законных интересов лиц, указанных в ч.1 ст.45 ГПК РФ, неопределенного круга лиц, интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований (ч.1 п.2. Приказа №181) [8]. Как видим, предлагается интересная формулировка. С одной стороны, ссылка на всех лиц, указанных в ч.1 ст.45 ГПК РФ, с другой стороны, далее содержится перечень всех субъектов, указанных в ч.1 ст.45 ГПК РФ, кроме граждан, составляющих наиболее многочисленную группу, которым такая помощь может потребоваться и право которых на получение государственной защиты ограничено рядом условий, предусмотренных ч.1 ст.45 ГПК РФ. Ясно, что такая конструкция ч.1 п.2 Приказа №181 неоднозначна и требует комментариев. Однако, согласно ч.3 ст.35 ФЗ «О прокуратуре» в редакции от 31.12.2014г., прокурор защищает

права граждан и охраняемых законом интересов общества или государства в соответствии с процессуальным законодательством РФ [9]. Поэтому, строго говоря, в настоящее время несоответствие в законодательстве отсутствует. Но все зависит от того, в каком диапазоне будет формироваться практика прокурорской деятельности при реализации исковой формы защиты. Тем более, как указывалось выше, есть примеры формирования «самостоятельной» позиции органов прокуратуры по данному вопросу, обусловленной экономическими потребностями определенной части общества.

Таким образом, Приказ по Генеральной Прокуратуре РФ №181 [8] не выходит за границы ч.1 ст.45 ГПК РФ, а предлагает активизировать функцию деятельности прокуратуры в направлении предоставления государственной исковой защиты, хотя бы в границах действующего законодательства.

2. Проблема форм участия прокурора в гражданском процессе

Отсутствие единого подхода к разрешению проблемы правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве обуславливает неослабевающий интерес ученых к исследованию данного вопроса, как в науке гражданского процессуального права, так и в науке прокурорско-надзорного права [11. С. 16-18].

В то же время в теоретических исследованиях уже несколько десятилетий назад решение вопроса было предложено, обосновано и принято многими авторами. Причем теоретическое решение вопроса ни в коей мере не противоречит сложившейся практике. Концептуальной является позиция авторов, согласно которой прокурор, обратившийся в суд с заявлением в защиту интересов государства, общества и граждан, является процессуальным истцом [12. С.292]. Прокурор, участвующий в деле, дает заключение по существу дела в целом (ст.187 ГПК РСФСР) [13. С.312].

С другой стороны многие авторы две формы участия прокурора в гражданском процессе обозначают как - обращение в суд с заявлением о возбуждении производства по делу и дача заключения по делу (ст.41 ГПК РСФСР, ст.45 ГПК РФ). Есть мнение, согласно которой, вторая форма - есть вступление в

процесс, начатый по инициативе других лиц, с целью дачи заключения по делу [15. С.53-54].

При обсуждении Проекта ГПК РФ предполагалось упразднить такие полномочия прокурора, как дача заключения по гражданским делам, возможность вступления в дело на любой стадии процесса, полномочие на принесение кассационных жалоб и частных протестов, то есть была сделана попытка свести участие прокурора к минимуму [16. С.40-41]. Другими словами, провести ревизию содержания и границ института участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Данная установка была реализована, однако не за счет форм участия прокурора в гражданском процессе, а за счет условий их реализации. Таким образом, поставленная задача была решена.

В связи с принятием нового ГПК РФ 2002 г. в Информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 27 января 2003 г. № 8-15-2003 было дано разъяснение, согласно которому полномочия по участию в гражданском процессе в судах общей юрисдикции реализуются прокурором в трех формах:

а) путем обращения в суд с заявлениями, указанными в ч.1 ст.45 ГПК РФ, - как в порядке искового производства (исковые заявления), так и по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также по делам, рассматриваемым в порядке особого производства;

б) путем вступления в процесс для дачи заключения по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий;

в) путем подачи апелляционных представлений на решения мировых судей, кассационных представлений на не вступившие в законную силу решения суда и надзорных представлений на вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Президиума Верховного Суда РФ, если в рассмотрении указанных дел участвовал прокурор [17].

Представляется, что в данном случае говорить о трех формах реализации полномочий прокурора недопустимо.

Так, согласно ст.34 ГПК РФ (ст.29 ГПК РСФСР) прокурор, независимо от форм участия в процессе, является лицом, участвующим в деле, которому доступны все права и обязанности, предусмотренные ч.1 ст.35 ГПК РФ. В соответствии со ст.35 ГПК РФ (ст.30 ГПК РСФСР) среди прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, значится обжалование судебных постановлений, то есть данная «форма» участия прокурора является доступным «правомочием» для всех лиц, участвующих в деле, а не только прокурору.

3. Проблема определения круга субъектов, интересы которых подлежат защите со стороны государства в границах части 1 статьи 45 ГПК РФ

С принятием нового ГПК РФ изменился круг субъектов, чьи интересы подлежат защите со стороны государства в лице прокурора как его представителя (ч.1 ст.45 ГПК РФ).

Так, согласно ч.1 ст.41 ГПК РСФСР прокурор имел право обратиться в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, государственных или общественных интересов или прав и охраняемых законом интересов граждан. Защите подлежали интересы физических и юридических лиц [18. С.292], причем в самом широком смысле. В теории особо говорилось о защите интересов несовершеннолетних и недееспособных граждан.

По новому ГПК РФ 2002 г. государственной защите в лице прокурора подлежат права, свободы и законные интересы граждан, неопределенного круга лиц или интересы Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (ч.1ст.45 ГПК РФ). Однако государственный интерес, защищаемый в суде, может быть и опосредованным, когда прокурорским иском защищается интерес государственного предприятия, учреждения, а также акционерного общества, в котором значительная доля государственного имущества [18. С. 104].

Таким образом, с одной стороны, круг организаций, которым законодатель предоставил государственную защиту, суще-

ственно сократился. С другой стороны, условий, которые ограничивали бы возможность реализации этого права, законодатель не предусмотрел. Однако следует отметить, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования и организации в состоянии самостоятельно успешно защищать свои интересы.

Что касается «других лиц», - это, прежде всего, граждане - они в принципе не были лишены права на защиту со стороны государства, но были существенно ограничены условиями его реализации. Согласно действующему процессуальному законодательству, государственная защита предоставляется только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Обоснование невозможности предъявления иска самим гражданином возлагается на прокурора при его подаче (абз.2 ч.3 ст.131 ГПК РФ). Однако в досудебных взаимоотношениях заявитель-прокурор достаточно широко усмотрение прокурора относительно рассмотрения вопроса о наличии условий предъявления иска в интересах граждан, предусмотренных ч.1 ст.45 ГПК РФ.

Кроме того, что касается условий, ограничивающих право граждан на получение государственной защиты, то в ГПК РФ четко сформулировано лишь одно - недееспособность гражданина. Однако у недееспособных (признанных таковыми в судебном порядке), как правило, имеются законные представители из числа родственников или официальных органов (специализированных психиатрических учреждений). Следовательно, актуальность защиты интересов этой группы населения не так велика.

Что касается возраста как условия предоставления государственной защиты, в законе не указано, о ком идет речь - о несовершеннолетних и малолетних или, в том числе, о людях преклонного возраста. Несовершеннолетние и малолетние, как правило, имеют законных представителей из числа родственников или официальных детских специализированных учреждений. Следовательно, актуальность защиты и данной группы граждан со стороны государства не является особо востребованной, но в ряде случаев весьма полезной.

А вот относительно граждан преклонного возраста ситуация обратная. Законных представителей они не имеют, хотя помощь со стороны родных не исключается, кроме одиноких граждан. В то же время они не всегда готовы и имеют возможность к активным действиям в силу своего возраста даже в границах простого обращения за помощью в органы прокуратуры, а потребность в такой помощи существует в значительно большей степени (даже во взаимоотношениях с родственниками).

Достаточно неопределенным является такое условие предоставления государственной защиты гражданам, как состояние здоровья. Отсутствие каких-либо официально определенных критериев относительно состояния здоровья ведет к тому, что принятие искового заявления зависит только от усмотрения прокурора, суда и судебной практики. Чем шире диапазон подобных усмотрений, тем неоднородней формируемая судебная практика. Тем более данное условие часто связано с возрастом гражданина.

По новому процессуальному законодательству к лицам, которым предоставляется государственная защита в границах ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, отнесен «неопределенный круг лиц». Однако в законодательстве отсутствуют официально закрепленные понятие неопределенного круга лиц и его признаки, в том числе признак численного состава группы. Одна из точек зрения состоит в том, что неопределенный круг лиц сам по себе не может быть предметом доказывания. Лишь расширительно толкуя ч. 2 ст. 225.10 АПК РФ, можно сделать вывод, что неопределенный круг лиц составляют шесть и более субъектов [20].

Согласно другой точке зрения неопределённый круг лиц имеет место в тех случаях, когда количественный состав группы может быть определен, но он настолько многочисленный, что использование конструкции процессуального соучастия затруднительно и даже невозможно, либо определенная группа лиц подвержена постоянной ротации, как, например, акционеры открытого акционерного общества [21].

В литературе есть предложение и о необходимости законодательно определить понятие неопределенного круга лиц [22. С. 6]. Представляется, что при отсутствии серьезного теоретического исследования данного вопроса с учетом отдельных указа-

ний, действующего законодательства и судебной практики говорить о законодательном закреплении данного понятия преждевременно. Кроме того, должна определиться законодательная политика государства в сфере предоставления государственной защиты интересов неопределенного круга лиц - будет ли она направлена на расширение этого круга или на его сужение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муравьева Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т.1. М.,1889. С.359.
2. Басков В.И. Прокурорский надзор. М.:БЕК, М. 1995. С. 39,40.
3. СЗ РФ.1995.№47.4472.
4. СЗ РФ. 1999.№7.Ст.878.
5. Приказ Генеральной прокуратуры от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления» // ИПС «Гарант».
6. Указания Генеральной прокуратуры РФ от 14 ноября 2008 года № 229/7р «Об организации прокурорского надзора в связи с принимаемыми правительством РФ мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики // ИПС «Гарант».
7. Приказ по Генеральной прокуратуре РФ № 236 от 19 ноября 2008 «Об утверждении программы действий органов прокуратуры РФ в связи с принимаемыми Правительством РФ мерами по оздоровлению ситуации в финансовом и других секторах экономики». Абз. 11 пп.2.1 п.2 // ИПС «Гарант».
8. Федеральный закон от 5 апреля 2009 №43-ФЗ «О внесении изменений в ГПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Приказ по Генеральной Прокуратуры РФ №181 от 26.04.2012г. «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе» // ИПС «Гарант».
10. Федеральный закон « О прокуратуре РФ» от 17.01.1992г. №2202-1в ред. от 31.12.2014г. // ИПС «Гарант».

11. Гареева О.А. Проблемы определения правового статуса прокурора в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С. 16 - 18.
12. Курс советского гражданского процессуального права / под ред. А.А.Мельникова, П.П.Гуреева, А.А.Добровольского, Т.Д.Тадевосяна, П.Я.Трубникова Т.1:Теоретические основы правосудия по гражданским делам.М.: Наука, 1981.С.292.
13. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1977гг. М.: Известия, 1978.Ч.1.С.312.
14. Вихут М.А. О процессуальных формах участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник СГАП.1998. №1. С.67-68.
- 15.Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Вихут. М.: Юрист, 2005.С.53,54.
16. Степина Л. Проект ГПК РФ и роль прокурора в гражданском судопроизводстве // Законность. 2001. №7. С.40-41.
17. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 27 января 2003 года № 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие ГПК РФ». П.1 // ИПС «Гарант».
18. Курс советского гражданского процессуального права. М.: Наука. 1981.С.292.
19. Комментарий к ГПК РФ. М.: Норма, 2004. С.104.
20. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ (с изм. от 08.12.2012 г.) // СЗ РФ.2002. №30. С. 3012.
21. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 2002. № 138-ФЗ (ред. с изм. от 14.06.2012) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
22. Бухтоярова О.А. Защита интересов неопределенного круга лиц // Законность. 2010. № 3. С. 6.

А.Л. Бажайкин

к.ю.н., доцент

кафедры гражданского права

Удмуртского государственного университета

СТРАХОВАНИЕ РИСКА УТРАТЫ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Страховщики на практике называют данный вид страхования по-разному: страхование титула (титульное страхование), страхование чистоты титула, страхование риска утраты права, страхование имущественных прав.

Данный вид страховых отношений относится к имущественному виду страхования, точнее, к страхованию имущества, что определено нормами ст. 930 Гражданского кодекса РФ [1. Ст.410] (далее – ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ, к недвижимому имуществу относят земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть земля (земельный участок) обладает такими свойствами, которые вызывают преимущественный интерес к защите своих прав у собственника, арендатора, землевладельца и землепользователя, по отношению к другим видам недвижимого имущества (недвижимости). Соответственно, чтобы обеспечить страховой защитой указанный имущественный интерес, законодатель установил пп. 1 п. 2 ст. 929 ГК РФ необходимость страхования риска утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества. Из данной нормы следует, что речь может идти как о страховании риска физической утраты (гибели), недостачи или повреждения вещи, так и о *страховании риска юридической (правовой) утраты владения вещью*, вернее, утраты (лишения) права собственности, аренды, предмета залога в силу применения последствий недействительности ничтожной или оспоримой сделки (заключения сделки под влиянием обмана, насилия и других противоправных действий третьих лиц по отношению к потерпевшему), в результате пороков воли стороны, заключающей договор о переходе права на земельный участок (заключения сделки с недееспособным или ограниченно дееспособным гражданином), либо несоответствия документов

кадастрового учета, или ошибок в действиях регистрационных отделов Управлений Федеральной регистрационной службы РФ.

Например, для предотвращения убытков при утрате права собственности из-за ошибок регистраторов п. 3 ст. 31 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» закреплено положение, по которому вред, причиненный физическим или юридическим лицам в результате ненадлежащего исполнения государственными органами возложенных на них обязанностей, в том числе в результате внесения в Единый государственный реестр прав записей, не соответствующих закону, иному правовому акту, правоустанавливающим документам, возмещается за счет казны Российской Федерации в полном объеме [2].

Титульным страхованием должны быть охвачены сделки на вторичном рынке оборота земельных участков, а также действия органов власти по предоставлению земельных участков из государственной и муниципальной собственности, так как во всех этих случаях титульный владелец не застрахован от действий третьих лиц (включая в некоторых случаях государство), имеющих потенциальный интерес к земельному участку.

Есть мнение, что для эффективной реализации «титульного страхования» недвижимости целесообразно разработать систему страхования риска возникновения убытков из-за утраты права собственности или его обременения, и необходимости в первую очередь законодательно закрепить титульное страхование, что как частный случай гарантировало бы денежную компенсацию и в случае принудительного отчуждения земельного участка для государственных нужд. Отмечается, что применение данного основания прекращения права собственности на землю осложнено недостаточностью четкой законодательной регламентацией. Гражданский кодекс РФ, составляющий правовую основу изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, в ст. 239 (п. 1) указывает, что требование об изъятии недвижимого имущества не подлежит удовлетворению, если государственный орган или орган местного самоуправления, обратившийся с этим требованием в суд, не докажет, что использование земельного участка в целях, для которых он изымается, невозможно без прекращения права собственности на данное

недвижимое имущество. Согласно ст. 279 ГК РФ решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд принимается федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Если собственник не согласен с решением об изъятии у него земельного участка, государственный орган, принявший решение, может предъявить иск о выкупе земельного участка в суд. В соответствии с п. 2 ст. 279 ГК РФ государственные органы, уполномоченные принимать решения об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд, порядок принятия и подготовки этих решений определяются федеральным земельным законодательством. В свою очередь, Земельный кодекс РФ умалчивает о порядке принятия и подготовки этих решений, указывая лишь, что решение об изъятии принимает исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления. Таким образом, складывается ситуация, когда один нормативный акт отсылает к другому, который данный вопрос не регламентирует, образуя тем самым правовой вакуум. Возможно, такая ситуация является следствием сложности и неоднозначности исследуемой проблемы, которая заключается в том, что в научной литературе ей уделено недостаточно внимания, а в законодательстве попытка урегулировать этот вопрос предпринимается впервые [3].

Имущественный интерес в сохранении земельного участка у собственника, арендатора, землевладельца или землепользователя, исходя из п. 1 ст. 930 ГК РФ, может быть основан на законе, ином правовом акте или договоре. Права указанных субъектов должны быть оформлены юридически надлежащим образом, что влечет за собой закрепление права на земельный участок (его часть или земельную долю) путем оформления документов — оснований, *закрепляющих титул на землю*. К такого рода документам можно отнести свидетельство о праве либо различные договоры, либо акт государственных органов на постоянное бессрочное пользование или пожизненное наследуемое владение земельным участком и иные.

Исходя из практики титульного страхования в европейских странах и Соединенных Штатах Америки, необходимо отметить, что страхование титула может применяться как самостоятель-

ный вид страхования, так и в качестве способа обеспечения исполнения основного обязательства. Например, в случае получения кредита для покупки земельного участка, банк может потребовать включения в кредитный договор условия, обязывающего потенциального титульного владельца застраховать свой риск утраты права собственности на земельный участок, назначив выгодоприобретателем банк. В таком случае сумма страхового возмещения при наступлении страхового случая будет распределяться между кредитором (банком) и заемщиком (титульным владельцем) пропорционально выплаченной банку со стороны заемщика денежной суммой.

Согласно ст. 42 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [4] утрата залогодателем имущества автоматически прекращает договор ипотеки. Как следствие, у банка возникают существенные риски невозврата кредита. Проблема острая, но решение у нее есть, к примеру, в США или Канаде редкая сделка с недвижимостью совершается без страхования. При возникновении каких-либо проблем, связанных с имуществом, страховая компания компенсирует убытки выгодоприобретателя. Залогодержателю выплачивается стоимость заложенного имущества при утрате прав на него залогодателем [5].

Так, в США такое законодательство принимается и контролируется соответствующими государственными институтами каждого штата. На Аляске существует специальный закон о титульном страховании, принятый в 1974 г., который регламентирует условия страхования, тарифы, права страховщиков на запрос документов по оценке рисков, меру ответственности за разглашение конфиденциальной информации по сделкам. Кроме того, в ряде штатов США сосуществуют две системы обеспечения гарантий зарегистрированных прав - система финансовых гарантий зарегистрированных прав и система частного страхования. Анализ международного опыта организации финансовых схем страхования рисков утраты прав на недвижимое имущество показывает, что существующие схемы условно можно разделить на три основные группы: государственное страхование ответственности регистраторов и частное страхование рыночных рисков, возникающих при осуществлении сделок на рынке недвижимости, - типично для большинства стран континентальной

Европы, законодательство которых о земельных титулах основывается на поземельной книге; государственное страхование ответственности регистраторов и части рыночных рисков, возникающих при регистрации прав, - типично для стран, действующих на основании положений системы Торренса (система регистрации прав на недвижимость, предусматривающая обязательность регистрации. Незарегистрированные права не имеют юридической силы для третьих лиц. Однако они могут иметь силу для сторон сделки при условии, что это не нарушает прав третьих лиц); частное страхование ответственности регистраторов и рыночных рисков, возникающих при регистрации сделок, - типично для большинства штатов США [6].

В титульном страховании имущественный интерес может возникнуть как у собственника и иного законного владельца, так и у кредитора (банка), а это влечет за собой возмещение убытков указанным лицам, что и является целью страхования риска утраты прав.

Соответственно, страхователем по рассматриваемому виду страхования может выступать не только собственник земельного участка, арендатор или иное лицо - «титульные владельцы», обладающее имуществом по праву [7], но и иные лица (кредиторы «титульных владельцев», залогодержатели), юридическая связь которых с вещью также основана на *Justus titulus* («правовое основание»), но не вытекающих из титульного владения.

Характеристика существенных условий договора страхования титула (утраты права) на земельный участок

Пунктом 1 ст. 942 ГК РФ определены четыре существенных условия договора имущественного страхования: *имущественный интерес (или имущество), являющиеся объектами страхования; страховое событие, вызывающее наступление страхового случая; размер страховой суммы; срок действия договора страхования.*

Имущественный интерес в страховании титула связан с риском утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества, в данном случае земельного участка. Но в страховании титула страхуется не сам земельный участок, а право на него (вернее, риск утраты права). Такой вывод позволяет сделать норма пп. 1 п. 2 ст. 4 Закона РФ «Об организации страхового

дела в РФ» [8], которая определяет, что объектом имущественного страхования могут быть интересы, связанные с правами по владению, пользованию и распоряжению имуществом.

Соответственно, чтобы принять на страхование указанный имущественный интерес (имущество) страховщик (страховая организация) кроме документов, подтверждающих имущественный интерес (закрепляющих право – титул на земельный участок), должен определить наличие страхового риска, который согласно п. 1 ст. 9 Закона РФ «Об организации страхового дела РФ» должен обладать признаками вероятности и случайности его наступления. И здесь возникает дискуссионный вопрос, а имеются ли в страховании титула признаки страхового риска, так как страхуется имущественный интерес, связанный с событиями, которые уже могли произойти и поэтому будут ли эти события обладать признаками вероятности и случайности. А если это не так, то договор страхования титула, по сути своей, изначально ничтожная сделка при отсутствии такого существенного условия, как *страховое событие*. С другой стороны, в страховании существует понятие ретроспективности – страхования событий, которые уже произошли. А проявит себя это событие в дальнейшем (будущем) или нет, это уже как раз вопрос вероятности и случайности, зависящий от многих факторов. В частности, страховщики, заключая договор страхования титула, обязаны проверять не только законность возникновения права на земельный участок у обладателя титула, но и всю цепочку сделок, предшествовавших последней, либо только тех, которые были заключены в пределах сроков исковой давности, во избежание нарушения прав на земельный участок добросовестного приобретателя. В этих целях необходимо проревизировать по частному случаю все отраженные в системе Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним акты, договоры, завещания, судебные решения, постановления, распоряжения и иные.

Страховое событие – это основание возникновения страхового риска (наступления страхового случая). Применительно к страхованию утраты права на земельный участок к таким основаниям (возможному страховому событию) можно отнести следующие: ненадлежащее оформление и одобрение сделок (на-

пример, купли-продажи, мены, дарения, наследования, ипотеки, внесения в уставный капитал и иных); виндикационные и негаторные иски; обращение взыскания по долгам предыдущих собственников (ипотечные); изъятия и запреты; иски по оспоримым и ничтожным сделкам и иные.

Страховая сумма в титульном страховании, как правило, определяется рыночной стоимостью земельного участка, либо ценой – указанной в договоре (п. 3 ст. 947 ГК РФ), так как п. 2 ст. 947 ГК РФ установлено, что страховая сумма не должна превышать действительную стоимость имущества в месте его нахождения в день заключения договора страхования. Данная простота в исчислении страховой суммы, заметно облегчает процедуру заключения договора титульного страхования земельного участка.

Соответственной, страховая сумма служит основанием для определения размера страховой премии (взноса), который исходя из практики страхования имущества в Российской Федерации может составлять до 10% страховой стоимости приобретения титула по сделке либо его рыночной стоимости. Руководствуясь п. 3 ст. 253 и ст. 263 Налогового кодекса РФ [9], затраты страхователей на оплату страхового взноса (премии) по имущественным видам страхования включаются в состав расходов, уменьшающих налогооблагаемую базу.

Срок действия договора страхования. Договор страхования титула, по общему правилу, установленному п. 1 ст. 957 ГК РФ, вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса, если иное не предусмотрено договором. В титульном страховании страховщикам при заключении договора страхования, целесообразно, исходя из специфики принимаемого на страхование имущественного интереса предусматривать в договоре условие о вступлении его в силу с момента возникновения права у титульного владельца. Опасности в этом никакой для страховщиков не имеется, так как согласно п. 3 ст. 954 ГК РФ у страховщика при наступлении страхового случая остается право уменьшить сумму страховой выплаты (возмещения) пропорционально неоплаченной страхователем части страховой премии (взноса). Поэтому сдвинуть договор страхования титула из ряда «реальных» в «консенсуальные» юридически не представ-

ляется возможным, исходя из системного анализа норм гл. 48 «Страхование» ГК РФ.

По нашему мнению необходимо и целесообразно заключать договоры страхования титула на срок действия до трех лет, это связано с максимальным трехгодичным сроком исковой давности о применении последствий недействительности ничтожной сделки, исходя из того, что судебные решения выносятся, как правило, по нарушениям, допущенным при проведении предыдущих сделок с земельным участком.

Понятие рассматриваемого вида страхования

Понятие страхования титула, так же как и сам термин, по-разному характеризуется и не имеет легального закрепления в нормативных правовых актах. Существует мнение, что страхование титула - это страхование юридической чистоты документов, устанавливающих и подтверждающих право собственности на недвижимое имущество, которое означает страхование от событий, произошедших в прошлом, последствия которых могут отразиться в будущем [10].

Ряд авторов отмечают, что страхование потери имущества в результате прекращения права собственности (страхование титула) осуществляется с целью защиты прав приобретателя от правопритязаний третьих лиц на объект недвижимости после его приобретения с момента регистрации прав в специально уполномоченном государственном органе [10].

Также существует определение понятия страхования титула как защиты собственника от финансовых потерь, возможных в случае наличия прав третьих лиц или каких-либо обременений, связанных с объектом недвижимости, существующих, но не известных собственнику, путем покупки страхового полиса. Страхование титула - перекладывание возможного риска с собственника или арендатора на страховую компанию [11].

На наш взгляд, все приведенные понятия титульного страхования корректны и отражают базовую сущность титульного страхования. По результатам проведенного исследования предлагаем следующий вариант правового понятия: *страхование титула - это страхование имущественного интереса страхователя, основанного на законе, ином правовом акте или догово-*

ре от риска юридической (правовой) утраты права владения вещью на случай (в результате) действий третьих лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст.410.
2. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст.3594.
3. Свечникова И.В. Общегражданские способы защиты права собственности на землю: вопросы правоприменения // Право и экономика. 2007. № 9.
4. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
5. Сидорчук Р. Семь раз проверь. Оценка титульных рисков // Банковское дело в Москве. 2006. № 2.
6. Ахвелидиани Ю.Т. Финансовый менеджмент в страховой компании // 2006. № 2.
7. Гасников К.Д. Страхование риска утраты прав на недвижимое имущество // Журнал российского права. 2008. № 5.
8. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 12 янв.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. Часть вторая // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст.3340.
10. Абрамов В.Ю., Рыбкин И.В., Григорьева О.Н., Брызгалов Д.В., Цыганов А.А., Колесниченко Н.А. Развитие агентской сети страховой компании: метод. пос. Кн. 2. М.: БДЦ-пресс, 2006.
11. Филиппова Е.С. Жилищное право: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2007.

А.Г. Невоструев

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ И ПОДСУДНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИЛИЩНЫХ ДЕЛ

Дела, связанные с жилыми помещениями, согласно действующему законодательству, уполномочены разрешать различные органы: суд общей юрисдикции, арбитражный суд, иные органы и организации.

Подведомственность жилищных споров нескольким органам обусловлена тем, что данные жилищные дела неоднородны по своему характеру и возникают из различных правоотношений (административные, гражданские, финансовые и т.д.), а также тем, что в них участвуют разные субъекты (граждане, организации, государственные органы, органы местного самоуправления). Возможность осуществления защиты жилищных прав не только судебными органами, но и административными предусмотрена в ст. 11 ЖК РФ.

Однако подавляющее большинство данных дел уполномочен разрешать суд общей юрисдикции.

Для правильного применения норм ГПК РФ о подведомственности применительно к жилищным делам имеет значение п. 1 и п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [1], в которых разъяснено:

1. В соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации [2] каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Исходя из данной конституционной нормы ч. 1 ст. 11 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ) [3] устанавливается приоритет судебной защиты нарушенных жилищных прав, то есть прав, вытекающих из отношений, регулируемых жилищным законодательством.

Защита жилищных прав в административном порядке путем обращения с заявлением или жалобой в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу, яв-

ляющемуся вышестоящим по отношению к лицу, нарушившему право, осуществляется только в случаях, предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации или другим федеральным законом (ч. 2 ст. 11 ЖК РФ). При этом судам необходимо учитывать, что право на обращение в суд за защитой жилищных прав сохраняется за лицом и в том случае, когда закон предусматривает административный порядок защиты жилищных прав. В случае несогласия с принятым в административном порядке решением заинтересованное лицо вправе обжаловать его в судебном порядке.

2. Защита нарушенных жилищных прав осуществляется судом общей юрисдикции в соответствии с подведомственностью дел, установленной Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - ГПК РФ) [4].

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из жилищных правоотношений.

В дополнение следует также привести постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.08.1993 № 8 (ред. от 02.07.2009) «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации"» [5], в котором, в частности, отмечено: в соответствии со ст. 22 ГПК РФ и ч. 3 ст. 8 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» судам подведомственны дела, возникающие в связи с осуществлением и защитой прав граждан при приватизации занимаемых ими жилых помещений (в том числе забронированных) в государственном и муниципальном жилищном фонде, включая ведомственный жилищный фонд (жилищный фонд, находящийся в полном хозяйственном ведении предприятий или оперативном управлении учреждений) (п. 1).

Учитывая, что в связи с отказом в приватизации занимаемого гражданином жилого помещения между ним и местной администрацией, предприятием, за которым на праве полного хозяй-

ственного ведения закреплен, или учреждением, в оперативное управление которого передан жилищный фонд, возникает спор о праве гражданском, он разрешается судом по правилам искового производства.

Дела по жилищным спорам рассматриваются в судах на основании исковых заявлений (заявлений) заинтересованных лиц, по заявлению прокурора, поданному на основании и в порядке, предусмотренных ст. 45 ГПК РФ, либо по заявлению лиц, указанных в ст. 46 ГПК РФ.

В п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ указано, что суды рассматривают и разрешают: исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных и иных правоотношений.

Из данной статьи следует, что законодатель в ГПК РФ, в отличие от ГПК РСФСР 1964 [6], особо закрепил подведомственность дел, возникающих из жилищных правоотношений, судам наряду, например, с делами, возникшими из гражданских правоотношений.

Представляется, что наиболее актуальные вопросы по определению подведомственности возникают в жилищных делах, связанных с предоставлением жилых помещений.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие категории подведомственных суду жилищных дел, возникающих в связи с предоставлением жилых помещений:

1) дела о признании решений компетентных органов о предоставлении жилья незаконными по причине нарушения данными органами очередности его предоставления (в случае, если в соответствии с ЖК РФ не заключался договор социального найма) и о возложении на компетентные органы обязанности предоставить истцу спорное жилое помещение.

Согласно ЖК РФ, для того чтобы у гражданина возникло субъективное право на жилое помещение, необходим юридический состав - решение компетентных органов о предоставлении жилья и заключение договора социального найма. Однако отсут-

ствие договора не всегда означает, что гражданин не имеет права на жилое помещение.

В юридической литературе отмечалось, что в отдельных исключительных случаях и при отсутствии ордера судом может быть признано наличие юридического состава, необходимого для возникновения права на жилую площадь.

В решении коллегиального органа находит выражение его воля на распределение жилой площади. На основании решения коллегиального органа выдается ордер на предоставление жилого помещения.

Исходя из этого, нельзя считать, что только воля компетентного органа, выраженная в ордере, служит основанием возникновения права на жилую площадь [7. С.75-76].

В ЖК РФ, в котором ордер исключен из юридического состава по предоставлению жилого помещения, нашел подтверждение вышеприведенный вывод, сделанный Р.Е. Гукасяном, так как по-прежнему решение компетентного органа является волевым актом по распределению жилых помещений и в настоящее время выступает единственным основанием для предоставления жилого помещения.

Данный вывод предоставляет заинтересованным лицам возможность для оспаривания решений компетентных органов и одновременно с этим требовать предоставления жилого помещения.

Поскольку в соответствии с жилищным законодательством решение вопроса о предоставлении жилого помещения на основании договора социального найма находится в компетенции органов местного самоуправления, предпосылкой права на обращение в суд по делу о предоставлении жилого помещения, возникшего из публичных правоотношений, является вынесение компетентным органом соответствующего решения (о предоставлении или об отказе в предоставлении жилого помещения).

В дополнение к изложенному следует отметить, что после введения в действие ЖК РФ возможно появление новых категорий дел, возникших в связи с предоставлением жилого помещения, например, о признании гражданина малоимущим¹;

2) споры о признании договора социального найма жилого помещения недействительным в связи с нарушением очередно-

сти предоставления жилого помещения и о возложении на компетентные органы обязанности предоставить истцу спорное жилое помещение.

По указанной категории жилищных дел необходимо также отметить, что в соответствии с ЖК РФ заключению договора социального найма предшествует принятие уполномоченным органом решения о предоставлении жилого помещения, поэтому для признания права на предоставление жилого помещения недостаточно оспорить только договор социального найма, нужно также признать недействительным решение о предоставлении жилого помещения. Исходя из этого, при рассмотрении и разрешении дела по иску о предоставлении жилого помещения суд, наряду с решением вопроса о признании договора социального найма жилого помещения недействительным, должен также выяснить: есть ли основания для признания недействительным решения уполномоченного органа о предоставлении жилого помещения; причем, по нашему мнению, суд обязан разрешить требование о признании решения соответствующего органа о предоставлении жилого помещения недействительным и в том случае, когда истцом оно не было заявлено.

В связи с изложенным считаем, в ЖК РФ следует включить норму, в которой было бы предусмотрено, что суд в случае рассмотрения требования о признании договора социального найма недействительным обязан решить вопрос и о признании решения уполномоченного органа о предоставлении жилого помещения недействительным;

3) дела о возложении обязанности на компетентные органы вынести решение о предоставлении помещения для проживания, заключении договора социального найма на помещение, непризнанное в установленном порядке жилым и являющееся единственным местом жительства граждан;

4) дела по требованиям нанимателей о предоставлении жилого помещения меньшего размера взамен занимаемого.

Согласно действующему законодательству нельзя отказывать в праве на обращение в суд за неподведомственностью спора нанимателям жилых помещений, обращающихся с требованием о предоставлении жилого помещения меньшего размера

взамен занимаемого (ст. 81 ЖК РФ), которое, в сущности, также касается предоставления нового жилого помещения. «Вне отношений между жилищным органом и нанимателем по поводу изъятия излишней изолированной комнаты требование нанимателя к жилищному органу о переселении его в отдельную квартиру меньшего размера представляет, по существу, требование о предоставлении нового жилого помещения» [7. С.13].

Кроме того, в юридической литературе уже было высказано мнение о том, что при вынесении уполномоченным органом решения об отказе в требовании нанимателя о предоставлении жилой площади меньшего размера последнему должно быть предоставлено право обжаловать данное решение в суд, руководствуясь статьей Конституции о праве обжаловать действия органов государственной власти в суд [8. С. 151.];

5) дела о предоставлении жилых помещений взамен тех, которые признаны непригодными для проживания или аварийными.

А) Если многоквартирный дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, не включен в адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, жилищные права собственника жилого помещения в таком доме обеспечиваются в порядке, предусмотренном статьей 32 ЖК РФ, то есть путем выкупа изымаемого жилого помещения.

Как показывает анализ судебной практики, чаще всего граждане обжалуют заключения межведомственных комиссий с целью признания незаконным заключения комиссии, возложения на нее обязанности составить заключение в соответствии с установленными законом требованиями.

При рассмотрении данной категории дел судами, в частности, проверялось, вынесено ли заключение компетентным составом межведомственной комиссии, включались ли в ее состав лица, указанные в п. 7 Положения 92], - представители органов, уполномоченных на проведение государственного контроля и надзора в сфере санитарно-эпидемиологической, пожарной, промышленной, экологической и иной безопасности, защиты прав потребителей и благополучия человека, на проведение инвентаризации и регистрации объектов недвижимости, находящихся в городских и сельских поселениях, других муниципаль-

ных образованиях; в необходимых случаях представители органов архитектуры, градостроительства и соответствующих организаций, привлекался ли к работе комиссии собственник жилого помещения либо уполномоченное им лицо, а также эксперты проектно-изыскательских организаций.

Кроме того, судами выяснялось, производилась ли оценка фактического состояния жилого помещения на предмет его соответствия требованиям, установленным Положением, для чего в необходимых случаях назначались экспертизы.

В связи с возникающими в судебной практике вопросами о возможности возложения обязанности на орган государственной власти или местного самоуправления, принявший решение об изъятии земельного участка и жилого помещения, предоставить собственнику жилого помещения в многоквартирном доме, признанном аварийным и подлежащем сносу, но не включенном в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, другое пригодное для проживания жилое помещение на праве собственности следует исходить из разъяснений, которые даны в пп. «и» п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

Правильной является практика судов, учитывающих, что в случае, если многоквартирный дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, не включен в региональную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, суд не вправе обязать органы государственной власти или местного самоуправления обеспечить собственника изымаемого жилого помещения в таком доме другим жилым помещением, поскольку из содержания ст. 32 ЖК РФ следует, что на орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявший решение об изъятии жилого помещения, возлагается обязанность лишь по выплате выкупной цены изымаемого жилого помещения.

Б) Собственник жилого помещения в признанном аварийным и подлежащим сносу многоквартирном доме, если такой

дом включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, вправе требовать либо выплаты выкупной цены за изымаемое жилое помещение, либо предоставления другого благоустроенного жилого помещения на праве собственности.

По общему правилу, жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 ЖК РФ, то есть в случае, когда собственники жилых помещений в таком доме в предоставленный им срок не осуществили его снос или реконструкцию, органом местного самоуправления принимается решение об изъятии земельного участка, на котором расположен указанный аварийный дом, для муниципальных нужд и, соответственно, об изъятии каждого жилого помещения в доме путем выкупа.

Другое жилое помещение взамен изымаемого в таком случае может быть предоставлено собственнику только при наличии соответствующего соглашения, достигнутого с органом местного самоуправления, и только с зачетом его стоимости в выкупную цену (ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Вместе с тем, если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 года № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» [10] имеет право на предоставление другого жилого помещения либо его выкуп.

При этом собственник жилого помещения имеет право выбора любого из названных способов обеспечения его жилищных прав.

В) Дела по искам о выселении граждан из занимаемых жилых помещений, заявленным по основаниям, предусмотренным ст. 86, 87 ЖК РФ.

При рассмотрении дел необходимо проверять соблюдение установленного Положением порядка признания жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции [11];

б) Дела, связанные с реализацией детьми-сиротами права на обеспечение жилыми помещениями. В частности, это споры о предоставлении жилых помещений таким категориям граждан во внеочередном порядке.

С принятием нового ЖК РФ утратили свою актуальность вопросы, связанные с подведомственностью органам прокуратуры дел о выселении с санкции прокурора лиц, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом. ЖК РФ не предусматривает данных оснований для выселения граждан из жилых помещений. Однако в ЖК РФ содержится норма о выселении граждан в том случае, если жилое помещение признано непригодным для проживания (ст. 87) (считаем, эта статья ЖК РФ может служить основанием, в том числе, для выселения граждан, проживающих в домах, грозящих обвалом). Несмотря на то что в ЖК РФ отсутствует основание для выселения лиц, самоуправно занявших жилое помещение, в судебной практике данная категория жилищных споров сохранится.

Применительно к указанным делам законодателю при разработке нового ЖК РФ нужно было учесть положения действовавшего законодательства, а именно, Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1985 г. № 2471-Х1 «О порядке применения части второй статьи 36 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» [12], где предусматривалось, что дела о выселении в административном порядке рассматривались прокурором в 15-дневный срок со дня принятия заявления. Полагаем, для споров о выселении лиц, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом, следовало предусмотреть более сокращенные сроки их разрешения по сравнению с общим двухмесячным сроком рассмотрения дел в суде (ст. 154 ГПК РФ).

Данная необходимость продиктована тем, что самоуправное занятие жилого помещения на фоне высокой потребности граждан в жилье и его особой социальной значимости существенным образом ограничивает права владения, пользования или распоряжения жилым помещением проживающего в нем нанимателя или собственника, либо иного владельца жилого помещения. В свою очередь, очевидно, что проживание граждан в домах, гро-

зящих обвалом, в любой момент может привести к трагическим последствиям².

Исходя из изложенного, в ЖК РФ необходимо внести специальную процессуальную норму, закрепляющую сокращенный срок рассмотрения и разрешения судами дел о выселении лиц, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом. Думается, что его продолжительность по аналогии со сроком, существовавшим в Постановлении Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения ч. 2 ст. 36 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 20 мая 1985 года № 2471-Х1 должна составить 15 дней. В настоящее же время есть все основания рекомендовать судам рассматривать подобные дела в максимально короткие сроки, учитывая особую социальную значимость таких дел.

Помимо жилищных дел о предоставлении жилого помещения судам также подведомственно и много других категорий жилищных споров, возникающих как из прав по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением, так и из договора социального найма.

Решая вопрос о подсудности жилищных споров, необходимо учитывать п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», в котором разъяснено, что жилищные споры (о признании права на жилое помещение, о выселении из жилого помещения, о прекращении права пользования жилым помещением бывшего члена семьи собственника этого жилого помещения, о сохранении права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения, об изъятии жилого помещения у собственника путем выкупа в связи с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд, о предоставлении жилого помещения по договору социального найма, о признании недействительным решения о предоставлении жилого помещения по договору социального найма и заключенного на его основании договора социального найма, о принудительном обмене занимаемого жилого помещения, о признании обмена жилыми помещениями не-

действительным и другие), исходя из положений ст. 23 и 24 ГПК РФ, рассматриваются по первой инстанции районным судом.

Принимая во внимание, что жилое помещение законом отнесено к недвижимому имуществу (ч. 2 ст. 15 ЖК РФ, п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее - ГК РФ [13]), мировым судьям в силу п. 7 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ подсудны дела об определении порядка пользования жилым помещением, находящимся в общей собственности нескольких лиц, если между ними не возникает спор о праве на это жилое помещение или если одновременно не заявлено требование, подсудное районному суду. Если спор об определении порядка пользования таким жилым помещением (жилым домом, квартирой) связан со спором о праве собственности на него (в частности, о признании права на долю в общей собственности и ее выделе для владения и пользования), то его подсудность как имущественного спора мировому судье или районному суду зависит от цены иска (пункт 5 части 1 статьи 23 ГПК РФ). В этом отношении совершенно правильно было изменено разъяснение Президиума Верховного Суда РФ о подсудности дела об устранении препятствий в пользовании жилым помещением как спора об определении порядка пользования жилым помещением мировым судьям.

Требование об устранении препятствий в пользовании жилым помещением является самостоятельным материально-правовым требованием, отличным от требования об определении порядка пользования имуществом, подсудного мировому судье.

Г. обратилась в интересах несовершеннолетних детей в суд с иском к С., А. о нечинении препятствий в пользовании квартирой, сославшись на то, что несовершеннолетние дети зарегистрированы и проживают в указанной квартире, ответчики установили новые дверные замки на входную дверь, чем препятствуют истцу и ее детям пользоваться жилым помещением.

Определением судьи, оставленным без изменения апелляционным определением, исковое заявление Г. возвращено в связи с неподсудностью спора районному суду.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Г., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления,

направив вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции, учитывая, что судебными инстанциями были допущены нарушения норм процессуального права, выразившиеся в следующем.

Возвращая исковое заявление, судья пришел к выводу о том, что данный спор подсуден мировому судье по месту нахождения спорной квартиры.

С таким выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции, указав при этом, что устранение (нечинение) препятствий в пользовании квартирой является одним из элементов определения порядка пользования квартирой.

Вместе с тем в силу ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если дело неподсудно данному суду.

О возвращении искового заявления судья выносит мотивированное определение, в котором указывает, в какой суд следует обратиться заявителю, если дело неподсудно данному суду, или как устранить обстоятельства, препятствующие возбуждению дела (ч. 2).

Перечень гражданских дел, подсудных по первой инстанции мировому судье, приведен в ст. 23 ГПК РФ.

На основании п. 7 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции, в том числе дела об определении порядка пользования имуществом.

Между тем истцом было заявлено требование о возложении на ответчиков обязанности не чинить препятствия в проживании в жилом помещении и передать ключи от замков входных дверей.

Таким образом, требования Г. были направлены на устранение препятствий в пользовании жилым помещением, обеспечение свободного доступа в жилое помещение, то есть на защиту права пользования жилым помещением в связи с невозможностью осуществления истцом данного права.

По своей правовой природе требование о возложении обязанности не чинить препятствия в пользовании имуществом является самостоятельным материально-правовым требованием.

Требование об определении порядка пользования жилым помещением заявлено не было.

В связи с этим заявленные Г. требования являются самостоятельными, данные требования не направлены на определение порядка пользования жилым помещением и, как следствие, неподсудны мировому судье, так как не входят в перечень дел, подсудных мировому судье, закрепленный в ст. 23 ГПК РФ.

Исходя из изложенного судами первой и апелляционной инстанций допущено неверное толкование норм процессуального права, что привело к необоснованному возврату искового заявления [14].

Мировым судьям также подсудны дела по таким имущественным спорам, как взыскание с граждан и организаций задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, при цене иска, не превышающей суммы, установленной п. 5 ч.1 ст. 23 ГПК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что вопрос территориальной подсудности должен решаться с учетом ст. 28-32 ГПК РФ.

Из данных статей следует, что на определение вида территориальной подсудности оказывает влияние предмет спора. Если предмет спора связан с правом на жилое помещение (спору об определении порядка пользования жилым помещением, обмене жилыми помещениями, признании права пользования жилым помещением, признании утратившим права пользования жилым помещением, о сохранении права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения и т.д.), территориальная подсудность должна определяться по правилам исключительной подсудности, то есть по месту нахождения жилого помещения. Если предметом спора являются права и обязанности непосредственно не связанные с правами на жилое помещение, а сопутствуют ему, например, когда пользователь жилого помещения (собственник, наниматель, член семьи нанимателя или собственника) выступает как потребитель услуг, работ (дела о взыскании платы за жилое по-

мещение и коммунальные услуги, о возмещении убытков в связи с затоплением квартиры, возложении обязанности произвести ремонт системы отопления, водоснабжения в жилом помещении и т.д.), относимость дела суду должна определяться по правилам общей, договорной или альтернативной территориальной подсудности. В этом смысле интерес вызывает п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [15], в котором указывается, что законодательством о защите прав потребителей не регулируются отношения граждан с товариществами собственников жилья, жилищно-строительными кооперативами, жилищными накопительными кооперативами, садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями граждан, если эти отношения возникают в связи с членством граждан в этих организациях. На отношения по поводу предоставления этими организациями гражданам, в том числе и членам этих организаций, платных услуг (работ) Закон о защите прав потребителей распространяется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.
2. Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (Часть 1). Ст. 14.
4. СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 11.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
7. Гукасян Р.Е. Рассмотрение судами жилищных дел. Саратов, 1966. С.75-76.
8. Щеглов В.Н. Подведомственность гражданских дел в свете Основ жилищного законодательства // Вопросы совершенствования гражданско-правового регулирования». Томск, 1983. С. 151.
9. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 08.04.2013) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

10. СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3799.

11. Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 21.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

¹ В соответствии со ст. 49 ЖК РФ жилое помещение по договору социального найма предоставляется гражданам, признанным малоимущими и нуждающимися в жилом помещении.

² Именно в связи с возможностью возникновения реальной угрозы для жизни и здоровья граждан в ЖК РСФСР была закреплена подведомственность дел о выселении из домов, грозящих обвалом, органам прокуратуры с установлением при этом специального порядка для рассмотрения и разрешения данной категории дел, который обеспечивал наиболее быстрое рассмотрение данной категории жилищных дел.

Е.А.Останина

к.ю.н., доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Южно-Уральского государственного университета

ОГРАНИЧЕННЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ И ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Как известно, исчерпывающий перечень вещных прав не в последнюю очередь служит снижению расходов, связанных с отчуждением и приобретением вещи. Благодаря исчерпывающему перечню потенциальный продавец и потенциальный покупатель точно знают, какое именно право предполагается передать [1].

Кроме того, замкнутый перечень вещных прав служит не только снижению затрат сторон по определению содержания вещного права, но и упрощает процесс выяснения существующих обременений [2].

В отношении жилых помещений перечень вещных прав более чем открытый. Раздел 2 Жилищного кодекса РФ именуется «Право собственности и другие вещные права на жилое помещение». При этом перечень ограниченных вещных прав не до конца определен.

Наиболее проблемной частью этого перечня остается право бывших членов семьи собственника жилого помещения, имевших право участвовать в приватизации, проживать в жилом помещении.

Законодатель изначально не определял право пользования членов семьи собственника в качестве вещного.

«К названным в статье 19 Вводного закона бывшим членам семьи собственника жилого помещения не может быть применен пункт 2 статьи 292 ГК РФ, так как, давая согласие на приватизацию занимаемого по договору социального найма жилого помещения, без которого она была бы невозможна ..., они исходили из того, что право пользования данным жилым помещением для них будет носить бессрочный характер, и следовательно, оно должно учитываться при переходе права собственности на жилое помещение по соответствующему основанию к другому лицу».

В результате этого разъяснения, по сути, возникло новое ограниченное вещное право, не вносимое в реестр, о котором, следовательно, может не знать даже добросовестный и осторожный приобретатель жилого помещения.

Вред, причиненный этим не внесенным в реестр ограниченным вещным правом, проявляется в том, что отчуждение жилых помещений на вторичном рынке стало более затратным, связанным с необходимостью проследить, из какого основания возникло право собственности на жилое помещение у продавца, и, если оно возникло в результате приватизации, выяснить, кто еще имел право участвовать в приватизации жилого помещения.

В результате появилось множество споров о правах на жилое помещение бывших членов семьи бывшего собственника.

К счастью, еще больший вред обороту, которым грозило расширительное толкование ст. 19 Вводного закона, был предотвращен Постановлением Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 №5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева», признавшего ст. 19 Вводного закона не соответствующей Конституции РФ, «в той мере, в какой на основании содержащейся в ней нормы разрешается вопрос о возможности сохранения права пользования жилым помещением в доме жилищно-строительного кооператива за лицами, которые были включены в ордер на его предоставление, в случае обращения взыскания на данное жилое помещение как на заложенное имущество и его реализации с публичных торгов, что в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования препятствует эффективной судебной защите прав и законных интересов собственника (приобретателя) жилого помещения, который при заключении договора купли-продажи не знал и не должен был знать о наличии права пользования приобретаемым им жилым помещением у членов семьи его прежнего собственника».

Представляется, что в ходе реформы гражданского законодательства, вопрос о членах семьи собственника жилого помещения, имевших право участвовать в приватизации (в случае,

когда право собственности собственника возникло именно в результате приватизации), должен быть решен до конца и определенно. Причем видится возможным два варианта такого решения: первый состоит в том, чтобы отказаться от сохранения за ними права пользования в случае отчуждения жилого помещения; второй - в том, чтобы признать за ними ограниченное вещное право, по сути подобное usufructu, и внести изменения в Жилищный кодекс, чтобы сохранение права пользования было очевидно из закона, а не из судебной практики. И самое главное состоит в том, чтобы это usufructное по своей природе право было внесено в реестр.

* * *

1. Merrill Th. W., Smith H. E. Optimal Standardization in the Law of Property: The NumerusClausus Principle // Yale Law Journal. Vol. 110, october. 2000. URL: <http://ssrn.com/abstract=250973>.

2. Hansmann H., Kraakman R. Property, Contract, and Verification: The Numerus Clausus Problem and the Divisibility of Rights (August 2002). Harvard Law School, Public Law Research Paper №37; Harvard Law and Economics Discussion Paper №388. URL: <http://ssrn.com/abstract=323301>.

Д.В. Пятков

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Алтайского государственного университета

КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО: НОВОЕ ЛИЦО ИЛИ НОВОЕ ИМЯ

В.А. Удинцев, исследуя на рубеже XIX и XX вв. вопрос о сближении торгового права с правом гражданским, приводил высказывание одного из немецких авторов о том, что гражданское и торговое право исходят из одного источника, и единственной причиной самостоятельного существования торгового права считается состояние права гражданского [2. С. 161]. По-видимому, речь идет о состоянии отрасли, далеко от совершенства. Тогда же и Г.Ф. Шершеневич одной из причин дуализма частного права признавал несоответствие гражданского права новейшим условиям жизни. Торговое право как бы компенсировало недостатки «отставших гражданских институтов» [4. С. 79-87].

Как и прежде, сегодня существует немало проблем в отечественной практике регулирования общественных отношений, решением которых должно бы заниматься гражданское право, но их удобнее вынести за рамки цивилистики по причине неготовности гражданского права решать эти проблемы на должном уровне. Одна из таких проблем – правовое положение крестьянских (фермерских) хозяйств (далее – к(ф)х или фермерские хозяйства). В данном случае имеются в виду только те к(ф)х, которые были созданы с 1995 г. без статуса юридического лица.

Если пренебречь оттенками в позициях разных авторов, писавших о к(ф)х, все многообразие точек зрения на правовое положение к(ф)х, не являющихся юридическими лицами, можно свести к двум противоположным утверждениям:

- либо к(ф)х признается особым субъектом гражданского права, отличным от физических и юридических лиц;
- либо к(ф)х рассматривается как частный случай совместной деятельности нескольких физических лиц, объединившихся в простое товарищество на основе соответствующего договора.

В обоих случаях исследователь должен испытывать серьезные затруднения. Если признавать за к(ф)х некую специфическую правосубъектность, камнем преткновения становится не только вся доктрина гражданского права, но и правило п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГК РФ), которое заставляет любую, даже самую специфическую, правосубъектность в гражданском праве относить к физическим лицам, юридическим лицам или публично-правовым образованиям. Законодательство прямо отказывается признавать исследуемые здесь к(ф)х юридическими лицами; как будто, ничто в законодательстве не располагает к тому, чтобы считать фермерское хозяйство физическим лицом или публично-правовым образованием. По крайней мере, традиционный для современной российской цивилистики взгляд на все известные субъекты гражданского права не позволяет задержать внимание ни на одном из них, когда мы имеем дело с к(ф)х. Неизбежно возникает желание заявить о существовании особой категории субъектов, радикально изменить систему лиц в гражданском праве. Понятно, что цивилистическая доктрина и законодательство становятся противниками, а не помощниками в этом деле.

Если к(ф)х рассматривать как частный случай совместной деятельности нескольких физических лиц, непреодолимым препятствием становится все содержание Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [6], который изобилует словами и выражениям в единственном числе, что и служит одним из поводов говорить о некой особой правосубъектности к(ф)х: фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность; фермерское хозяйство считается созданным со дня его государственной регистрации; имущество фермерского хозяйства; отвечает фермерское хозяйство; интересы фермерского хозяйства и т.п. Если признавать к(ф)х частным случаем совместной деятельности, основываясь на существующей в России цивилистической доктрине и действующем в настоящий момент законодательстве, необходимо отказаться от всех выражений, приведенных выше, требуя от участников оборота обычной для физических лиц индивидуализации: всякий раз необхо-

димо при совершении сделок и других юридически значимых действий называть всех членов фермерского хозяйства по фамилии, имени, отчеству, дополняя эту информацию иными сведениями о членах к(ф)х по мере необходимости.

И тот и другой взгляд на правовое положение к(ф)х весьма обременителен для юриспруденции и вряд ли облегчит правоприменительную практику. Но почему эти позиции малопродуктивны и подталкивают к ошибочным умозаключениям? Почему существующий богатейший арсенал гражданского права до сих пор не дал ощутимого эффекта: дискуссия сохраняется, а законодательство и практика его применения по-прежнему противоречивы?

Попробуем ответить на поставленные вопросы. Физическое лицо сегодня не может осуществлять свою индивидуальную предпринимательскую деятельность под именем ИП «Нива», или ИП «Как за каменной стеной», или ИП «Чародейка», или иным подобным именем. Маловероятно, чтобы гражданское право с его современным уровнем освоения его же собственных средств регулирования согласилось с такими вариантами индивидуализации субъекта. Скорее всего, оно потребует от человека, чтобы он представлялся в гражданском обороте по всем правилам ст. 19 ГК РФ: по фамилии, имени, отчеству. Во всяком случае, на законодательстве о государственной регистрации предпринимателей и всей практике государственной регистрации отчетливо виден отпечаток этой статьи ГК РФ в ее самой ограничительной интерпретации. По какой-то причине в современном гражданском праве не принято говорить об аналогии между индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами в том, что касается индивидуализации субъекта в гражданском обороте. Почему-то не стало общим местом в нашем гражданском праве знание о фирменном наименовании индивидуального предпринимателя. Потенциал ст. 23 ГК РФ, которая располагает к самому широкому применению института фирменного наименования, не реализован и просто остается незамеченным.

Могут ли сегодня несколько физических лиц одновременно, по соглашению между собой, участвовать в правовых отношениях под одним общим для них именем? Могут ли несколько профессиональных участников гражданского оборота из числа физических лиц по соглашению между собой заниматься предпринимательской деятельностью под одним общим фирменным наименованием? В современной литературе по гражданскому праву такие варианты не рассматриваются. Потому и во всем гражданском законодательстве не найти даже намека на такие возможности физических лиц. Впрочем, нет и запрета.

Но какое отношение к правовому положению к(ф)х имеет все вышеизложенное об индивидуализации субъектов? Самое непосредственное. Разгадка феномена к(ф)х находится не в русле учения о правосубъектности. Цивилистика располагает хорошо разработанным учением о субъекте и пытается проблему к(ф)х представить в виде череды вопросов:

- является к(ф)х особым субъектом гражданского права или нет;
- если же к(ф)х не является особым субъектом права, только ли глава фермерского хозяйства или также все члены этого фермерского хозяйства являются предпринимателями;
- правильно ли считать, что к(ф)х – это объединение граждан на основе договора о совместной деятельности, но предпринимателем из них является только глава фермерского хозяйства?

Между тем найти решение многих проблем к(ф)х можно, занявшись разработкой общего учения о средствах индивидуализации субъектов и, в частности, более глубокой разработкой учения о фирме, фирменном наименовании. Очень может быть, что специфика правового положения фермерского хозяйства заключается не в особой его правосубъектности, а в необычном способе индивидуализации традиционных субъектов гражданского права – физических лиц.

Вот одно из упоминаний о к(ф)х, которое можно встретить в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (далее ЕГРИП): крестьянское (фермерское) хозяйство, главой которого является Шепелин Евгений Владимирович. Проще говоря: к(ф)х Шепелина Е.В. По сведениям из ЕГРИП и

по законодательству сложно определить, надо ли писать такое словосочетание с заглавной буквы. Очевидно, такое упоминание о к(ф)х можно встретить не только в ЕГРИП. По всей видимости, словосочетание «к(ф)х Шепелина Е.В.» используется для обозначения стороны договоров, для указания на должника в обязательствах и т.п. Но если говорить о сущности слов «к(ф)х Шепелина Е.В.», как и всех других подобных выражений, – что они означают? Слова эти есть специфическое фирменное наименование совершенно обычного физического лица - индивидуального предпринимателя Шепелина Е.В. Если же он создал к(ф)х с участием других лиц, слова эти есть общее фирменное наименование не только самого Шепелина Е.В., но и всех, кто создал совместно с ним к(ф)х. Разумеется, в обоих случаях приведенное словосочетание должно быть написано с заглавной буквы - К(ф)х Шепелина Е.В.

Крестьянские (фермерские) хозяйства являются исключением из общего правила о том, что каждое физическое лицо должно участвовать в гражданском обороте строго под своим индивидуальным именем. Эта исключительность к(ф)х, хотя и санкционирована законом, но настолько велика, что плохо осознается в современной юриспруденции даже применительно к самим к(ф)х. Еще менее способна эта исключительность стать образом общего правила для всей сферы предпринимательской деятельности. Действительно, почему правом на фирменное наименование обладают физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица исключительно в сфере сельскохозяйственного производства и только в виде к(ф)х? Неужели в иных сферах предпринимательства у физических лиц нет нужды в фирменных наименованиях?

Последовательное развитие идеи о том, что индивидуализирующее обозначение крестьянских (фермерских) хозяйств есть фирменное наименование физических лиц, образующих это фермерское хозяйство, привело бы к признанию на законодательном уровне возможности избирать такие варианты наименований:

- К(ф)х Морозовых (в самом деле, если фермерское хозяйство объединяет всю семью или ее часть, почему в его названии упоминается только один из членов семьи);

- К(ф)х Урожайное, К(ф)х Роса, К(ф)х Березка. Приведенные здесь примеры наименований к(ф)х взяты из Единого государственного реестра юридических лиц, они используются для индивидуализации к(ф)х, созданных в качестве юридических лиц. Однако, если допустить широкое применение института фирменного наименования, охватывающее всю сферу индивидуального предпринимательства (предпринимательства, осуществляемого без образования юридического лица), ничто не должно препятствовать использованию аналогичных вариантов индивидуализации физических лиц, создающих к(ф)х и не учреждающих при этом юридическое лицо. Конечно, необходимо подумать над тем, как отразить в наименовании к(ф)х наличие или отсутствие у него статуса юридического лица, чтобы можно было различать по наименованию виды к(ф)х.

Все вышеизложенное о фирменном наименовании является всего лишь попыткой приложить к частному случаю хозяйственной практики универсальные правовые идеи, давно известные некоторым зарубежным правовым порядкам. Существуют примеры аналогичных решений и в далеком прошлом нашего законодательства.

В первую очередь следовало бы обратить внимание на содержание разд. 3 кн. 1 Торгового уложения Германии [1. С. 35-41]. Весь раздел, который так и называется «Фирменное наименование», насыщен решениями, невысказанными в современной отечественной цивилистике, но весьма подходящими для внятного объяснения феномена к(ф)х. В одной общедоступной электронной версии Германского торгового уложения п. 1 § 18 о фирме (фирменном наименовании) индивидуального коммерсанта выглядит так: «Коммерсант, который ведет свое дело без другого участника или только с негласным участником, может иметь в качестве фирмы свою фамилию с по меньшей мере одним полностью написанным собственным именем» [9]. Примечательно, что в обычном книжном издании Торгового уложения

Германии п. 1 § 18 написан совершенно иначе: «Фирменное наименование должно быть пригодным для обозначения коммерсанта и обладать различительной силой». Последующие правила также свидетельствуют об изменившемся решении вопроса о фирменном наименовании индивидуального коммерсанта в Германии. Обычное книжное издание Торгового уложения Германии содержит новейшую редакцию документа и свидетельствует о состоявшемся существенном изменении в правовом регулировании. Вот и во «Введении к пониманию германского торгового и корпоративного права» В. Бергманн пишет: «Фирменное наименование и гражданское имя коммерсанта могут не совпадать» [1. С. XII]. Судя по всему, фирменное наименование может не только не совпадать с гражданским именем, но и отличаться от него по своей конструкции и внешнему виду, то есть может вообще не подчиняться правилам об имени физического лица.

О том, что новое решение вопроса о фирменном наименовании (фирме) индивидуального коммерсанта не является сильным нарушением давней традиции, а скорее, поддерживает ее, свидетельствует то обстоятельство, что и прежде в Германском торговом уложении встречались правила, подобные п. 1 § 22: «Приобретший существующее торговое дело у живых владельцев или посмертно, может в интересах дела продолжать использовать прежнюю фирму с введением дополнения, указывающего на преемственность, или без оногo, если прежний владелец дела или его наследники однозначно соглашаются на продолжение действия фирмы» [9]. Другими словами, индивидуальный коммерсант мог действовать под именем, которое явно не соответствовало его гражданскому имени. Отсюда рукой подать до полного отказа от обязательного использования в фирменном наименовании индивидуального коммерсанта элементов обычного имени физического лица.

Интересные комментарии к некоторым нормам Торгового уложения Германии можно найти в книге Марио Цебуллы (он сокращенно называет комментируемый акт - НТК). Отмечая, что по немецкому праву полные товарищества и товарищества на вере представляют особую форму простого товарищества, М.

Цебулла пишет: «Хотя полное товарищество не является юридическим лицом, в качестве торгового товарищества оно все же приближено к юридическим лицам. Так, согласно § 124 НТК, оно может под своим фирменным наименованием приобретать права и брать на себя обязательства (в том числе приобретать собственность), быть истцом и ответчиком в суде» [3. С. 124]. О товариществах на вере Марио Цебулла сообщает следующее: «Данная форма товарищества возможна только тогда, когда участвующие лица хотят заниматься промысловой деятельностью под одним фирменным наименованием» [3. С. 124-125]. Таким образом, индивидуальный коммерсант в Германии:

- имеет право на фирменное наименование;
- его фирменное наименование может не совпадать с его гражданским именем;
- несколько индивидуальных коммерсантов, объединяясь в товарищество и не создавая юридическое лицо, могут действовать под одним общим фирменным наименованием, которое, конечно, будет отличаться от их гражданских имен.

Если соотнести наблюдения за немецким правом с российской действительностью, то можно сказать, что к(ф)х, образованное после 1995 года, то есть не обладающее статусом юридического лица, является:

- либо группой физических лиц, действующих в гражданском обороте и совместно осуществляющих предпринимательскую деятельность под общим фирменным наименованием (если фермерское хозяйство создается несколькими физическими лицами);
- либо индивидуальным предпринимателем, действующем под фирменным наименованием, которое в некоторой степени отличается от его гражданского имени за счет добавления слов «крестьянское (фермерское) хозяйство» (если фермерское хозяйство создается одним физическим лицом).

Что же касается нашего отечественного законодательства в его далеком прошлом, то следует обратить внимание на Положение о фирме [8], введенное в действие Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 22 июня 1927 г. [7]. Формально оно признано не действующим на территории Российской Федерации с

1 января 2008 г., но еще раньше перестало оказывать влияние на правоприменительную практику. В п. 5 Положения о фирме закреплялось следующее правило: «Фирма предприятия, принадлежащего единоличному владельцу или нескольким лицам, не объединенным в товарищество с правами юридического лица, должна содержать указание предмета деятельности предприятия, а также фамилии владельцев и полностью или в инициалах их имена и отчества. Если совладельцев больше двух, то в фирме могут быть указаны фамилии двух совладельцев с добавлением слов: “и совладельцы”». Таким образом, при пятерых совладельцах предприятия трое из них могли участвовать в гражданском обороте под именем двух других, да и в любом случае индивидуализация физических лиц, объединившихся для совместной хозяйственной деятельности без образования юридического лица, отличалась от обычной индивидуализации физических лиц. Создается впечатление, что в 1927 г. мы смогли бы объяснить феномен современных к(ф)х гораздо лучше, чем теперь.

Выступая за объединение торгового права с гражданским, Г.Ф. Шершеневич, тем не менее, признавал, что «торговое право всегда играло роль пионера, который творил новые формы и сдавал их гражданскому праву в готовом виде, а сам принимался за новую работу» [4. С. 85]. Хочется надеяться, что когда-нибудь одной из переданных цивилистике новых форм будет институт фирменного наименования, в полной мере отражающий потребности участников гражданского оборота, а само гражданское право на примере к(ф)х познает все многообразие способов индивидуализации физических лиц в гражданских правоотношениях и в общем виде признает право на вымышленное специальное имя не только за авторами произведений (псевдоним), но и за индивидуальными предпринимателями (фирменное наименование).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торговое уложение Германии. Закон об акционерных обществах. Закон об обществах с ограниченной ответствен-

стью. Закон о производственных и хозяйственных кооперативах. М., 2009. 632 с.

2. Удинцев В.А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М., 2003. 360 с.

3. Цебулла М. Немецкое хозяйственное право: учеб. пос. Красноярск, 2000. 173 с.

4. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003. 480 с.

5. Российская газета. 1994. 8 дек.

6. Российская газета. 2003. 17 июня.

7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1927. № 40. Ст. 394.

8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1927. № 40. Ст. 395.

9. Германское торговое уложение. URL:
<http://constitutions.ru/?p=1626>

Н.А. Темникова

к.ю.н., доцент

доцент кафедры гражданского права

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

ДОВЕРЕННОСТЬ «СО МНОЖЕСТВЕННОСТЬЮ ЛИЦ» ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РОССИИ

Положения о представительстве и доверенности в течение достаточно длительного времени не изменялись. Федеральным законом № 100-ФЗ [1] были внесены значительные изменения и в гл. 10 ГК РФ, в том числе в нормы о форме доверенности, исключено правило о максимальном трехгодичном сроке, скорректированы положения о передоверии. Эти новеллы активно обсуждаются в юридической литературе [2. С.20-25], однако в рамках данной статьи нас в большей степени интересуют особенности представительства «с множественностью лиц».

Следует отметить определенную условность такого наименования, прежде всего, обусловленную вопросами «стилистической экономии». Так, Е.Л. Невзгодина, Р.А. Беседин используют термин «доверенность с множественностью лиц» [3.С.60-64; 4. С.190-193], А. Абакшин предлагает назвать такую доверенность «многопредставительской» [5. С. 29-30.], что сужает возможность применения последнего. Исходя из того, что несколько представителей возможны не только в рамках договорного представительства, но и законного (родители, опекуны, осуществляющие свои обязанности совместно в соответствии со ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечительстве» [6]), думается, что возможно использование и словосочетания «представительство с множественностью лиц» при анализе специфики возникающих отношений.

Само определение представительства изменено в части возможности выдачи письменного полномочия для представительства перед третьими лицами одним лицом или несколькими лицам (п. 1 ст. 185 ГК РФ). Таким образом, непосредственно в определении содержится возможность (признававшаяся правоприменительной практикой и ранее) выдачи доверенности нескольким лицам.

В п. 5 ст. 185 ГК РФ поясняется: в случае выдачи доверенности нескольким представителям каждый из них обладает полномочиями, указанными в доверенности, если в доверенности не предусмотрено, что представители осуществляют их совместно. Возможность предоставления полномочий одной доверенностью нескольким лицам и ранее признавалась Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, в ст. 59 которых предусмотрено следующее: нотариус удостоверяет доверенности от имени одного или нескольких лиц, на имя одного или нескольких лиц [7].

Исходя из содержания п. 5 ст. 185 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что в случае предоставления доверенности нескольким лицам одновременно возможны два варианта реализации предоставленных полномочий.

Во-первых, когда каждый представитель обладает полным объемом полномочий и несет самостоятельную ответственность за свои действия, в том числе и при превышении полномочий (ст. 183 ГК РФ). Каждый из представителей имеет возможность лично совершать действия, на которые он уполномочен доверенностью. В случаях, предусмотренных п.1 ст. 187 ГК РФ, при возможности передоверия, решение о передаче полномочий принимается представителями самостоятельно [12]. Но необходимо иметь в виду, что количество представителей может увеличиться, так как в соответствии с п.6 ст. 187 ГК РФ представитель, передавший полномочия другому лицу в порядке передоверия, не утрачивает соответствующие полномочия, если иное не предусмотрено доверенностью или законом.

Каждый из представителей имеет и право отказа от полномочий, но влечет ли это действие отмену доверенности, как это предусмотрено пп.3 п.1 ст. 188 ГК РФ? Думается, что в случае, если доверенностью предоставляются самостоятельные полномочия по осуществлению действий, указанных в доверенности, каждому из представителей, отказ одного из них прекращает только его полномочия. Остальные представители могут совершать предусмотренные ею действия. Необходимо учитывать, что подобные доверенности чаще выдаются на основании за-

ключения договора поручения с организацией, например, предоставляющей юридические услуги, и представителями будут работники поверенного.

Данный вывод был поддержан Верховным Судом Российской Федерации, который в п. 126 Постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] разъяснил, что при раздельном осуществлении полномочий отказ от полномочий одного из представителей, а равно отмена его полномочий представляемым влечет прекращение доверенности только в отношении указанного представителя.

В связи с тем что представители в этом случае самостоятельно и независимо друг от друга осуществляют свои полномочия, а поверенным по договору поручения может быть юридическое лицо, представляется, что представители несут самостоятельную ответственность за ненадлежащее осуществление своих полномочий.

Во-вторых, доверенность может предусматривать совместное осуществление представителями предоставленных полномочий.

Совместное осуществление полномочий представителями возможно, если это прямо оговорено в доверенности или ином документе, что предусмотрено положениями п. 4 ст. 185 ГК. В п. 126 Постановления Пленума № 25 разъясняется, что такая оговорка должна быть прямо (недвусмысленно. – *Н.Т.*) выражена, иначе представители осуществляют полномочия раздельно.

Совместная деятельность подразумевает наличие общих цели и мотивов, согласованность совершения действий несколькими лицами и общий результат. Их детализация требует определения перечня задач, решаемых посредством возникающих взаимоотношений; выявление обстоятельств выбора общего дела; описание распределения обязанностей; установление условий. Так, Ю. Барон, анализируя римские *societas*, отмечал, что сделки могут быть предприняемы только единогласно всеми товарищами или поверенным в делах, назначенным всеми товарищами [10. С. 83].

Если доверенность прямо указывает на совместные действия представителей, это означает необходимость общего волеизъявления, которое может выражаться как в совместном подписании документов и необходимости присутствия при совершении сделок всех представителей, так и в совершении действий, предусмотренных доверенностью, любым представителем, указанным в доверенности.

Предполагаем, что в случае, когда доверенность, договор поручения (иной договор) очевидно и недвусмысленно предполагают совместные действия представителей, отказ одного из представителей от осуществления полномочий должен повлечь прекращение доверенности. Данный вывод делает и Е.Л. Невзгодина, обращая внимание также и на то, что, если доверитель при таком «совместном» представительстве желает произвести замену одного из поверенных, необходима отмена ранее выданной доверенности и выдача новой [4. С. 192]. Пленум Верховного Суда рекомендовал иную позицию, в соответствии с которой если по условиям доверенности полномочия должны осуществляться совместно, отказ одного из представителей влечет за собой прекращение доверенности в целом. Отмена доверенности в отношении одного представителя влечет прекращение доверенности только в отношении него (П. 126 Постановления Пленума Верховного Суда № 25).

Не решен законодателем и вопрос ответственности в случае такого совместного представительства. Опираясь на содержание ст.322 ГК РФ, в соответствии с которой при неделимости предмета обязательства последнее является солидарным, можно сделать вывод о том, что в случае совместных действий представителей, их ответственность предполагается солидарной, если законом или договором не предусмотрено иного.

Представляется справедливым мнение Е.Л. Невзгодиной о том, что при отсутствии специальных указаний в доверенности следует исходить из того, что каждый из поверенных, имея на руках доверенность, вправе единолично совершить предусмотренные в ней действия [11. С. 45], то есть каждый из представителей вправе осуществлять предоставляемый доверенностью

объем полномочий, если доверенностью не предусмотрены совместные действия представителей.

В п.127 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 отмечено, что порядок совместного осуществления полномочий может быть определен в доверенности, договоре, заключаемом между представляемым и представителями, следовать из закона. Разъяснение, данное выше, предполагает использование обычно применяемой модели совместных действий (положения п. 1 ст. 72 и п. 1 ст. 1044 ГК РФ). Однако в том же пункте Постановления указано: если действия таких представителей влекут взаимоисключающие последствия, в интересах доверителя необходимо исходить из их несогласованности. К сожалению, Верховный Суд РФ не пояснил, каковы последствия такой несогласованности, думается, что в таком случае возможно применение последствий, предусмотренных ст. 183 ГК РФ, так как доверитель должен иметь право одобрить сделку, совершенную при несогласованных действиях представителей.

Не вызывает сомнений рекомендация Верховного Суда РФ о том, что, когда доверенностью о совместном осуществлении полномочий предусмотрено передоверие, его осуществление возможно только всеми представителями совместно, если иное не установлено в доверенности.

Действующими положениями ст. 185 ГК РФ предусмотрена не только возможность множественности представителей, но и лиц, выдавших доверенность, если доверенность выдана несколькими лицами совместно (ст. 59 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате). Отмена доверенности одним из доверителей влечет прекращение доверенности в силу пп. 2 п. 1 ст. 188 ГК РФ. Следовательно, при выдаче доверенности несколькими лицами воля на выдачу совместной доверенности формируется самостоятельно каждым из доверителей, что подтверждает возможность принятия самостоятельного решения об отмене доверенности. При этом выдача такой доверенности может быть предусмотрена договором.

Исходя из сделанного вывода о самостоятельности формирования воли каждым из доверителей, возможно и решение во-

проса о последствиях заключения сделки неуполномоченным лицом (ст. 183 ГК РФ) и порядке ее одобрения. Полагаем, что решение вопроса об одобрении сделки осуществляется каждым из доверителей самостоятельно, следовательно, если третье лицо предложит одобрить сделку, такое предложение должно поступить каждому представляемому. В случае неодобрения сделки, совершенной неуполномоченным лицом, хотя бы одним из представляемых лиц, полагаем, что сделка должна считаться заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, кроме того, обновленная редакция ст. 183 ГК РФ содержит и иные возможности (односторонний отказ, возмещение убытков и т.д.).

Одной из новелл положений ГК РФ о доверенности является правило, содержащееся в п.4 ст. 185 ГК, о том, что полномочия представителя могут содержаться в договоре, в том числе в договоре между представителем и представляемым, между представляемым и третьим лицом либо в решении собрания, если иное не установлено законом или не противоречит существу отношений.

Если полномочия представителя содержатся в договоре или в протоколе собрания, то срок полномочий должен быть определен решением собрания или же договором. Он может определяться и сроком действия самого договора, если же договор с неопределенным сроком исполнения, то может быть применено правило п.1 ст. 186 ГК РФ о том, что доверенность, в которой не указан срок ее действия, сохраняет силу в течение года со дня ее совершения. Дата заключения договора – это и дата наделения полномочием, если иное не предусмотрено договором. В отношении же отмены доверенности, несомненно, у доверителя имеется право на отзыв полномочия, но порядок, на наш взгляд, зависит от того, в каком документе содержалось полномочие.

В случае если полномочия представителя содержатся в решении собрания – отмена полномочий возможна только решением собрания с соблюдением необходимой процедуры. Если же полномочия представителя содержатся в договоре, то, исходя из лично-доверительного характера отношений при добровольном представительстве [12. С. 122], положений п. 2 ст. 188 ГК РФ,

сформулированных императивно, можно сделать вывод о возможности одностороннего отказа стороны от положений договора о наделении полномочиями независимо от закрепления такого положения в договоре. Полномочие в таком случае будет отменено с момента получения уведомления об одностороннем отказе от положений договора о предоставлении полномочий представителю.

Если же полномочия представителя содержатся в договоре между представляемым и третьим лицом (третье лицо для отношений представительства), то, поскольку представитель в этом договоре не участвует, полномочия могут быть предоставлены как для действий по исполнению условий договора (например, при коммерческом представительстве), так и для совершения сделок в интересах сторон договора. Однако представитель имеет право в одностороннем порядке отказаться от исполнения поручения. В таком случае, направляя извещение об отказе, представитель, не являясь стороной договора, изменяет его положения в одностороннем порядке, что несколько отличается от традиционного понимания договора и обязательства.

Таким образом, если доверенностью предусмотрены действия нескольких представителей, или несколько лиц дают доверенность, желательно, чтобы договор поручения содержал положения, регулирующие вопросы ответственности представителей, порядка согласования их действий и иные, в связи с необходимостью заполнить имеющиеся пробелы правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.
2. Андреев В.К. Представительство. Доверенность // Нотариус. 2013. № 3. С. 20-25.

3. Беседин Р.А. Доверенности с множественностью лиц: новеллы гражданского законодательства // Закон и право. 2013. № 10. С. 60-64.

4. Невзгодина Е.Л. Множественность лиц в доверенности: новеллы гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (71). С. 190-193.

5. Абакшин А. При проблеме доверенности нескольким представителям возможны проблемы с ее отменой // Юрист компании. 2013. № 8. С. 29-30.

6. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 21.07.2014) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6 - 12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014. 383 с.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

10. Гайдукова И.Е. Совместная деятельность как педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С.12-13.

11. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. первый, кн. I. Общая часть. СПб., 1909. С. 83.

12. Невзгодина Е.Л. Уполномочивающий документ при добровольном представительстве по гражданскому праву России // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2008. № 4 (17). С. 45.

13. Невзгодина Е.Л. Представительство как универсальная форма гражданско-правового посредничества: монография. Омск: ОмГУ, 2012. С. 122.

Е.А. Ходырева

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

**ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА
ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ В СВЯЗИ
С РЕФОРМИРОВАНИЕМ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Как известно, вступившая в силу ч. 4 ГК РФ существенно изменила подходы к правовому регулированию отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Относительно небольшой срок действия ч. 4 ГК РФ выявил ряд проблем и пробелов, связанных с применением ее норм. Предложить пути совершенствования действующего законодательства была призвана Концепция развития гражданского законодательства, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. Появившиеся вопросы, связанные с совершенствованием законодательства об интеллектуальных правах, условно были разделены на две группы. К первой группе относятся проблемы, которые поднимались в процессе подготовки ГК, но по тем или иным причинам их решение было отложено. Ко второй относятся вопросы, выявившиеся в ходе применения ГК и, как правило, связанные с недостаточной правовой определенностью отдельных положений разд. VII ГК. Одним из таких вопросов является вопрос о допустимости распоряжения одним из правообладателей своим правом в тех случаях, когда исключительное право принадлежит ему совместно с другим лицом (лицами), в частности, о возможности передачи им своей доли в праве такому лицу (лицам).

Совместное обладание исключительным правом может возникнуть в силу различных оснований, например, вследствие наследования по закону или по завещанию имущества умершего несколькими наследниками. Попытаемся разобраться в пробле-

матике совместного осуществления исключительного права наследниками на примере объектов авторского права.

Общие вопросы совместного использования и распоряжения исключительным правом определены в п. 3 ст.1229 ГК РФ. Основными положениями при этом являются следующие:

1) по общему правилу, при совместном правообладании использование результата интеллектуальной деятельности допускается каждым правообладателем по своему усмотрению. Использование представляет собой совершение действий в отношении объекта самим правообладателем, юридическая судьба объекта не изменяется [1].

Конкретные способы использования составляют содержание исключительного права (п. 2 ст.1270 ГК РФ). Ограничения по свободному использованию могут быть определены Гражданским кодексом (напр., п. 2 ст.1258 ГК РФ, п. 2 ст.1314 ГК РФ) или соглашением между правообладателями. Таким образом, приобретая исключительное право, наследники вправе использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым не противоречащим законом способом. Ни один из наследников не может воспрепятствовать другому в определении способов использования объекта. Но как быть в том случае, если между наследниками возникли споры по конкретным способам использования, и один из них настаивает на запрете использования произведения определенным способом (например, путем распространения в сети Интернет). Законодательство в этом случае предлагает лишь прийти к соглашению, содержание которого будет определено правообладателями самостоятельно. Такое соглашение является двусторонней или многосторонней сделкой, то есть договором. Форма такого соглашения определяется общими требованиями, предъявляемыми к форме сделок, а последствия несоблюдения требуемой формы - общими требованиями о несоблюдении формы сделок [2].

В п.87 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012г. №9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснительных положений также не содержится и делается отсылка к п. 3 ст.1229 ГК РФ.

Решению проблемы был посвящен п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», который приравнивал объем правомочий нескольких наследников к случаям нераздельного соавторства: «При получении несколькими наследниками по закону либо по завещанию авторского права и смежных прав наследодателя без выделения конкретных наследуемых объектов авторского права и (или) смежных прав следует иметь в виду, что в этом случае у наследников возникает аналогичный нераздельному соавторству объем правомочий в отношении наследуемых прав на совместное использование всех произведений и (или) объектов смежных прав. Права, перешедшие к наследникам, составляют неразрывное целое, и ни один из наследников не вправе без достаточных к тому оснований запретить использование произведения». Но разъяснения данного постановления применяются в части, не противоречащей смыслу норм ч. 4 ГК РФ. В нормах ч. 4 ГК РФ относительно совместного правообладания содержится лишь анализируемое правило п. 3 ст.1229 ГК РФ. Поэтому можно сделать вывод о правомерности использования объекта каждым из наследников любым способом. Причем использование результата интеллектуальной деятельности не находится в зависимости от размера доли наследника в наследуемом исключительном праве;

2) в отличие от использования, распоряжение исключительным правом при множественности правообладателей осуществляется совместно. Поэтому в случае распоряжения исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности любым из наследников необходимо заручиться согласием всех наследников. К актам распоряжения относится заключение лицензионных договоров, договоров об отчуждении исключительного права, договоров о залоге, доверительном управлении и др. При отсутствии согласия хотя бы одного из наследников распоряжение исключительным правом становится невозможным.

Иной порядок распоряжения может быть определен ГК РФ или соглашением между правообладателями. Возможность заключения соглашения появилась лишь с внесением изменений в

п. 3 ст.1229 ГК РФ, вступивших в силу с 1 октября 2014г. Однако закон не определяет специальных требований к форме, содержанию и порядку заключения такого соглашения. Представляется, что по условиям такого соглашения речь может идти только о распоряжении объектом в полном объеме, а не долей конкретного правообладателя. Конечно, способы распоряжения должны быть прямо установлены в таком соглашении (передача по лицензионному договору, заключение договора залога и т.п.).

Введение нормы о совместном распоряжении вызвало споры о правовой природе совместного владения результатами интеллектуальной деятельности. «По сути, эта норма является аналогом нормы, содержащейся в п. 1 ст. 246 ГК РФ» [2]. Но есть и противники применения по аналогии норм о долевой собственности. Так, Е.С. Циркунова говорит о режиме совместного владения интеллектуальной собственностью без определения доли каждого из собственников [3. С. 21 - 24]. Но совместная собственность возникает только в случаях, прямо предусмотренных законом. В остальных случаях возникающие отношения общей собственности являются долевыми в силу п. 3 ст. 244 ГК РФ. Есть и третья позиция, обосновывающая необходимость применения либо норм о долевой собственности, либо совместной в зависимости от делимости или неделимости сообладания [4. С.16].

Настойчиво в юридической литературе высказываются предложения установить преимущественное право, аналогичное тому, которое реализуется в отношениях общей долевой собственности при продаже доли [5]. Преимущественное право покупки в общей долевой собственности установлено в интересах сособственника, который потенциально может оказаться в конечном итоге единственным обладателем вещи (если сособственников было двое). Реализация преимущественного права в отношении вещи еще понятна потому, что само право собственности реализуется путем непосредственного взаимодействия с вещью (в этом и существо вещного права). И чем больше доля собственника, тем на большую часть общего имущества вправе претендовать участник долевой собственности при установлении порядка владения и пользования имуществом. Размер доли определяет объем материальных благ, причитающихся сособст-

веннику при разделе общего имущества, он же влияет на объем распределяемых доходов или расходов. Если же обратиться к исключительному праву, то оно не зависит от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (п. 1 ст.1227 ГК РФ). «Право существует, не имея нужды выражать себя в господстве над вещью, существующей в пространстве» [6]. Исключительное право, будучи также абсолютным, тем не менее возникает в отношении нематериальных объектов, идеальных и неделимых по своей природе. Не случайно законодатель в п. 3 ст.1229 ГК РФ установил принцип совместного использования и распоряжения результатом интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации. Реализация таких возможностей, как распределение доходов и расходов, по общему правилу, не зависят от размера доли правообладателя.

Несмотря на то что принадлежность имущества двум и более лицам закрепляется отношениями общей собственности, подобного института совместного владения объектами интеллектуальной деятельности нет в нормах ч. 4 ГК РФ. С.С. Сидоркин предложил ввести в науку гражданского права понятие сообладания, которое охватывает совместное обладание двумя или более лицами единым исключительным правом на охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации [4. С.16].

В связи с этим возникает вопрос по соотношению положений ст. 1112 ГК РФ и ст. 1164 ГК РФ. В силу обновленной редакции ст.1227 ГК РФ к интеллектуальным правам не применяются положения разд. II Гражданского кодекса РФ, если иное не будет установлено правилами разд. VII ГК РФ¹. По правилам ст.1164 ГК РФ в случае наследования несколькими лицами по закону или по завещанию имущество, принадлежащее умершему, переходит в общую долевую собственность наследников. В наследственную массу включается имущество в самом широком его понимании: вещи, имущественные права, в том числе исключительные права и имущественные обязанности (ст.1112 ГК РФ). Таким образом, несмотря на неверность юридической кон-

струкции наследнику принадлежит определенная доля не только в имуществе, но и в исключительном праве. Причем в судебной практике есть иски о признании права собственности на исключительное право [8]. Так, в наследственную массу было включено авторское (исключительное) право на произведения и признано право собственности за наследником на авторское (исключительное) право в размере $\frac{4}{6}$ (четыре шестых) доли на опубликованные и неопубликованные произведения [9]. В подобном случае правильным было бы не признание права собственности на долю, а признание исключительного права в определенной доле (Иск о признании исключительного права в порядке наследования был заявлен в другом деле [10]).

Все это подчеркивает необходимость установления правового режима доли в исключительном праве. По Проекту Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) предлагалось предоставить каждому из правообладателей возможность передать (возмездно или безвозмездно) свою долю в исключительном праве всем лицам, совместно с которыми он обладает этим правом, в равных долях.

При этом отчуждение доли в пользу третьих лиц допускалось только с согласия остальных правообладателей при условии, что правообладатель не являлся автором произведения или иного объекта. «Практический опыт свидетельствует о необходимости таких "замен" в составе правообладателей, но отсутствие прямой нормы, предусматривающей такие "замены", делает фактически нелегитимными эти "замены" в настоящее время» [11. С. 29-36]. Отчуждение автором-правообладателем по смыслу Концепции своей доли в исключительном праве третьим лицам не допускалось.

Особо оговаривалось право лица завещать свою долю в исключительном праве. Но такие изменения так и не были внесены в ч. 4 ГК РФ. Потому в настоящий момент правовой режим распоряжения долей в исключительном праве не установлен. Отсутствие правового режима доли в исключительном праве объ-

ясняется наличием двух противоположных взглядов на обозначенную проблему. С одной стороны, есть сторонники введения доли в исключительном праве в гражданский оборот. С другой стороны, неделимость исключительного права дает основания к выводам о невозможности распоряжения его долей [12. С. 13, 24]. Такие ограничения обусловлены абсолютным характером исключительного права. «Поскольку любое общее абсолютное право (право общей собственности; ограниченное вещное право, принадлежащее двум и более лицам; исключительное право, принадлежащее нескольким лицам) - это аномальная юридическая конструкция, допущение дробления абсолютного права, возможность свободной передачи таких долей должны быть минимизированы» [5]. Есть и третья позиция, обосновывающая делимость исключительного права с делимостью объекта исключительного права на части, имеющие самостоятельное значение [13. С.10]. Представляется необходимым установление правовой возможности распоряжения долей в исключительном праве с учетом преимущественного права остальных правообладателей. Поскольку если речь идет о наличии у каждого из трех наследников доли в исключительном праве по $\frac{1}{3}$, то при нежелании кого-либо из них использовать правомочия правообладателя можно было бы передать долю оставшимся наследникам либо третьим лицам;

3) доходы от совместного использования распределяются между правообладателями поровну, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Такое соглашение целесообразно заключать в тех случаях, когда доли наследников в наследственном имуществе неравные. Так, если доля одного наследника составила $\frac{2}{3}$, а двух других - по $\frac{1}{6}$, то доходы от использования наследуемых объектов должны распределяться пропорционально размеру наследственных долей, а не поровну между наследниками. Принцип распределения вознаграждения за использование прав в отношении объектов авторских и смежных прав пропорционально наследственным долям был закреплен в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском

праве и смежных правах» [14]. Но оно было издано до введения в действие ч. 4 ГК РФ. Нормы ч. 4 ГК РФ, как указано выше, предусматривают равное распределение вознаграждения, если сами наследники не придут к иному соглашению. Поэтому в настоящее время положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 о распределении вознаграждения согласно наследственным долям не применяются.

Распределение доходов от совместного использования необходимо отличать от случаев самостоятельного использования объекта одним из наследников. «В этом случае такое использование не должно считаться «совместным использованием», а потому доходы от него принадлежат каждому правообладателю индивидуально: нормы, содержащиеся в абз. 2 п. 3, на эти случаи не распространяются» [2. С. 973].

С учетом изменившейся редакции п. 3 ст.1229 ГК РФ принцип равного распределения доходов распространен не только на случаи совместного использования, но и на случаи совместно распоряжения исключительным правом;

4) каждому из правообладателей предоставлено право самостоятельно принимать меры по защите своих прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (абз.4 п. 3 ст.1229 ГК РФ).

Ранее такая возможность предоставлялась лишь авторам произведений науки, литературы, искусства (п. 4 ст.1258 ГК РФ). Наиболее часто применяемым способом защиты исключительного права является взыскание компенсации. Единообразия в применении этого способа в судебной практике не было. В одних случаях суды с учетом правовой позиции, сформулированной Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 20.11.2012 № 8953/12, размер компенсации устанавливали исходя из количества фактически совершенных правонарушений вне зависимости от численности авторского коллектива произведения. Множественность авторов не означает соответствующего увеличения числа исключительных прав, а каждый из соавторов не считается обладающим независимым от других авторов исключительным правом, которое принадлежало бы только этому соавтору. С учетом этого следует

определять и объем имущественных санкций, применяемых к нарушителю исключительного права. Объем таких санкций, независимо от характера (взыскание компенсации, возмещение убытков), не может быть увеличен в кратном отношении к числу авторов.

Между тем в судебно-арбитражной практике представлена и другая позиция, когда суды на основании анализа ст. 1250, 1252, 1301 ГК РФ приходили к выводу о том, что в случае неправомерного использования произведения, созданного в соавторстве, каждый из авторов или иных правообладателей может потребовать взыскания компенсации. Так, по делам № А53-19693/2012, А40-19003/2013 и А09-7837/2012 судами со ссылкой на п. 4 ст. 1258 ГК РФ взыскивалась компенсация за нарушение исключительных прав на произведения в пользу каждого из соавторов произведений. Президиум ВАС РФ признал правильным первый подход судов. Поэтому положения о праве каждого правообладателя заявлять о защите следует применять с учетом принципа индивидуализации вины и недопущения многократного привлечения лица к ответственности за совершение одного и того же правонарушения. То есть за взысканием компенсации за неправомерное использование одного и того же произведения соавтор может обратиться в случае, если ранее правонарушитель еще не привлекался к ответственности за аналогичное по времени и месту незаконное использование этого же произведения [115].

Таким образом, с учетом изменений в п. 3 ст. 1229 ГК РФ законодательно установлена возможность: 1) распорядиться исключительным правом по соглашению нескольких правообладателей; 2) распределить доходы от совместного распоряжения поровну между правообладателями; 3) предпринять меры по защите права каждому из правообладателей самостоятельно. Но этими положениями, как было уже определено ранее, не исчерпывались планируемые изменения в нормы о совместном обладании результатом интеллектуальной деятельности. Следует отметить, что законодатель немаловажное значение придает соглашению правообладателей по вопросам использования и распоряжения исключительным правом. В связи с этим заслуживает внимания позиция Сидоркина С.С. о необходимости установления системы договоров по совместному обладанию исключи-

тельным правом: соглашение о сообладании исключительным правом, соглашение об отчуждении доли в исключительном праве, соглашение об определении доли в исключительном праве [4. С. 16-17]. Соглашение о сообладании может быть применено не только в исключительных правоотношениях, но и в обязательственных отношениях, где «согласование интересов содолжников и сокредиторов... урегулировано в наименьшей степени», что в рамках свободы договора «должно стать перспективным направлением развития обязательственного права» [16. С. 44-49].

Таким образом, анализируемые изменения части 4 ГК РФ направлены на внесение большей четкости в правовое регулирование отношений, складывающихся в сфере использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, на достижение баланса интересов авторов, других правообладателей и общества в целом. Эта шаги призваны в конечном итоге обеспечить более полноценную защиту интересов обладателей интеллектуальных прав в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Н.П. Корчагина, Е.А. Моргунова, В.В. Погуляев; под ред. В.В. Погуляева. М.: Юстицинформ, 2008.

2. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Гаврилов Э.П., Еременко В.И. М.: Экзамен, 2009.

3. Циркунова Е.С. Управление совместной интеллектуальной собственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 3. С. 21 - 24.

4. Сидоркин С.С. Правовое регулирование гражданских отношений со множественностью лиц, объектом которых являются исключительные права: автореф. ...канд.юрид.наук. М., 2012. С.16.

5. Димитриев М.А. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Общие положения. Постатейный комментарий к главе 69 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

6. Еременко В.И., Евдокимова В.Н. Нововведения в части общих положений в разделе VII Гражданского кодекса РФ // Адвокат. 2014. № 10.

7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: вотчинные права. М., 2002. С.699.

8. Решение Басманного районного суда г. Москвы от 04.10.2010г. по делу № 2-2533/10 // Правовой центр Олега Некрасова.

9. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 марта 2014 г. по делу № 33-4800 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Кассационное определение Ульяновского областного суда от 17.01.2012г. № 33-146/2012.

11. Мещеряков В.А. Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 4. С. 29 - 36.

12. Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав: автореф. ...канд.юрид.наук. М., 2013. С. 13, 24.

13. Ермолаев С.Н. Множественность лиц в гражданском праве: автореф. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2014. С.10.

14. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

15. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.04.2014 №19440/13 по делу №А39-3670/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Ермолаев С.Н., Параскевова С.А. Признаки, характеризующие содержание правоотношения с множественностью лиц // Власть закона. 2014. № 2. С. 44 - 49.

¹Кстати, «в англо-американском праве все авторские права прямо относят к категории вещных» // Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. 4-е изд. / отв. ред. Е.А.Васильев, А.С.Комаров. М., 2005. Т. II. С.463.

П.М. Ходырев

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО
ЛИЦА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ И СОВРЕМЕННЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Теоретическая дискуссия относительно правовой природы органа юридического лица, в которой столкнулись теория органа как части юридического лица (органическая теория) и органа как представителя юридического лица (представительская теория), имеет давнюю историю. Причем как в дореволюционной цивилистике, так и в последующие периоды находились сторонники каждой из теорий. Так, например, Г.Ф. Шершеневич считал правление юридического лица законным представителем юридического лица [1. С. 174]. В проекте Гражданского уложения Российской империи органы юридического лица предложено было рассматривать в качестве его представителей: «Юридические лица действуют через посредство своих органов или иных представителей» (ст. 68 в гл. IV «Представительство») [2. С. 129].

В то же время В.И. Синайский считал, что орган не следует смешивать с представителем, так как первый есть часть юридического лица, а второй стоит вне его [3. С. 114, 121 - 122].

В советской цивилистике в основном признавалась обоснованной теория органа юридического лица как его части. [4. С. 169 – 186; 5].

Как писал Б.Б. Черепахин, «в известном смысле можно считать, что и орган представляет юридическое лицо, которое в его лице совершает правомерные юридические действия: сделки, процессуальные действия и т.д. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что орган представляет от имени юридического лица» [5. С. 472].

Органическая теория представлена в современных отечественных учебниках гражданского права и трудах многих современных цивилистов [6. С. 240; 7. С. 60; 8. С. 107; 9. С. 27-28; 10].

В числе современных сторонников представительской теории можно назвать Г.В. Цепова, Е.В. Тычинскую, А.В. Егорова, О.Р. Зайцева [11. С. 188; 12. С. 26-27; 13. С. 220; 14. С. 15].

Присутствуют в современной цивилистике и компромиссные позиции. Так, Н.В. Козлова предложила рассматривать лиц, осуществляющих полномочия органов юридического лица, в качестве особых корпоративных представителей [15. С. 51-52]. Д.И. Степанов пытается обосновать позицию, что орган выступает во внутренних отношениях как часть юридического лица, а во внешних - как его представитель [16].

В период действия Гражданского кодекса РФ в судебной практике наблюдались некоторые колебания при решении вопроса о распространении норм о представительстве на отношения между юридическим лицом и его органом.

Так, в п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 октября 2000 г. № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» [31] отмечалось, что в случаях превышения полномочий органом юридического лица (ст. 53 ГК) при заключении сделки п. 1 ст. 183 ГК применяться не может, а применению подлежит, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, ст. 168 ГК РФ либо ст. 174 ГК РФ. В то же время судебная практика допускает применение положения ст. 183 ГК РФ в части возможности последующего одобрения сделки, но только по аналогии закона.

Не совсем последовательно складывалась судебная практика в части применения п. 3 ст. 182 ГК РФ.

О возможности применения данной нормы к органам юридических лиц говорилось в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 января 1998 г. № 7035/97 [32] и п. 13 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» [33].

В то же время в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 сентября 2005 г. № 6773/05 [34] гово-

рилось о неприменимости п. 3 ст. 182 ГК РФ. В Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 апреля 2006 г. № 10327/05 по делу № А13-13712/04-22 было разъяснено: «В силу ст. 53 ГК РФ органы юридического лица не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты гражданских правоотношений и, следовательно, выступать в качестве представителей юридического лица в гражданско-правовых отношениях. Лицо, исполняющее функции единоличного исполнительного органа и продавца, и покупателя, не может рассматриваться в качестве представителя сторон в оспариваемой сделке. Пункт 3 ст. 182 ГК РФ в данном случае не применяется» [35] .

В Постановлении от 21 мая 2007 г. № Ф09-4473/06-С6 по делу № А50-46272/2005 Федеральный арбитражный суд Уральского округа указал, что руководитель юридического лица - единоличный исполнительный орган не является представителем юридического лица; вместе с тем п. 1 ст. 179 ГК РФ подлежит толкованию с учетом основополагающих принципов гражданского права [36]. По мнению суда, неприменение п. 1 ст. 179 ГК РФ к сделкам, совершенным в результате злонамеренного соглашения руководителя юридического лица с другим лицом, лишает юридическое лицо предусмотренного законом средства защиты в виде признания сделки недействительной, ставит юридическое лицо в неравное положение с другими участниками гражданского оборота, что нарушает принцип равенства участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Таким образом, здесь суд отказался от применения ст. 179 ГК РФ даже по аналогии закона, по сути использовав аналогию права (п. 2 ст. 6 ГК РФ).

Однако, начиная с 2009 г., судебная практика постепенно меняется, и суды начинают склоняться к возможности применения норм о представительстве по аналогии.

Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 17580/08 определено, что сделки директоров и прочих единоличных органов юридических лиц могут быть признаны недействительными на основании п. 3 ст. 182 ГК РФ в порядке аналогии, но при этом данные сделки являются оспоримыми, а не ничтожными [37] .

В п. 10 Информационного письма от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал на то, что по смыслу ст. 179 (в ред. до 01.09.2013) и ст. 182 ГК РФ положение лица, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, и положение представителя во многом аналогичны. И орган юридического лица, и представитель действуют от имени соответствующего лица, создавая для него права и обязанности [38] .

В п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» суд вообще приравнивал орган юридического лиц и его представителя: «Сделки, совершенные единоличным исполнительным органом или другим представителем юридического лица в отношении себя лично либо в отношении другого лица, представителем (единоличным исполнительным органом) которого он одновременно является, если на эти сделки не распространяется действие норм о крупных сделках и (или) сделках с заинтересованностью, могут быть оспорены по общим правилам, предусмотренным ст. 173.1 и п. 3 ст. 182 ГК РФ» [39] .

С 1 сентября 2014 г. абз. первый п. 1 ст. 53 ГК РФ изложен в новой редакции (действовала до 1 июля 2015 г.), включающей ссылку на п. 1 ст. 182 ГК РФ: «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени (пункт 1 статьи 182) в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом».

Относительно такого нововведения в литературе высказаны следующие позиции.

По мнению ряда цивилистов, ссылка в абз. первом п. 1 ст. 53 ГК РФ на п. 1 ст. 182 ГК РФ является не более чем ошибкой или случайностью [17. С. 9;18]. А.Л. Маковский даже сделал вывод, что «в новой редакции п. 1 ст. 53 ГК видна типичная ошибка второкурсника, не понимающего, как органы юридиче-

ского лица могут действовать “от его имени” и в то же время не быть его представителями» [19. С. 25].

Достаточно жестко высказался по поводу «нововведения» В.А. Белов, назвав прогремевшее на всю страну «толкование» нормы в том смысле, что теперь органы юридических лиц стали их представителями, «полным бредом, не имеющим никакого основания в ГК. «Было бы так, - считает В.А. Белов, - об этом было бы прямо написано в ст. 53, а ссылка была бы сделана либо на всю гл. 10 в целом, либо хотя бы на всю ст. 182, а не только на один ее первый пункт» [20].

На неудачность формулировки п. 1 ст. 53 ГК РФ указывал и Е.А. Суханов, как известно являвшийся одним из разработчиков Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Он отнес это новшество к «опасным для практики», в частности, в связи с тем, что оно порождает проблемы с оформлением отношений представительства [21. С. 13].

Косвенным подтверждением правильности указанной позиции является то, что в самой Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. [40], как и в тексте принятого Государственной Думой в первом чтении проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [41], в пу. 1 ст. 53 ГК РФ отсутствовала ссылка на п. 1 ст. 182 ГК РФ. Более того, в Проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах от 16 марта 2009 г. [42] высказывалось пожелание уточнить определение органа юридического лица путем указания на то, что речь идет о лицах, составляющих органы юридического лица, что позволит более четко, чем в настоящее время, отличить их от представителей.

По мнению других ученых, ссылка на п. 1 ст. 182 ГК РФ однозначно указывает на придание органу юридического лица статуса представителя юридического лица. «Это изменение ко-

ренным образом меняет устоявшийся взгляд на орган юридического лица не как на представителя юридического лица, а как на его составную часть, через которую выражается воля юридического лица», - пишет А.М. Эрделевский [22. С. 7-8].

Более того, нововведению придается чуть ли не революционное значение: «Квалификация органов как представителей имеет не просто доктринальное значение, а является без преувеличения первостепенным вопросом для будущего гражданского оборота» [23. С. 31].

По нашему мнению, вряд ли есть достаточные основания для вывода о принципиальном изменении позиции законодателя в части определения природы органа юридического лица. Никакого системного подхода к корректировке действующего ГК РФ в этой части мы не наблюдаем. Во-первых, в Гражданском кодексе РФ продолжают оставаться нормы, в которых органы юридического лица упоминаются наряду с его представителями (например, ст. 174 ГК РФ).

Во-вторых, представительская теория применима лишь к волеизъявляющим органам и непригодна для объяснения природы волеобразующих органов, которые не предназначены для представления юридических лиц в гражданском обороте. Как представляется, было бы странным объяснять природу одного и того же явления (органа юридического лица) с позиций разных теорий в зависимости от выполняемых органом функций. В этой связи С.Д. Могилевский справедливо заметил, что «если речь идет о некоей правовой доктрине, то есть систематизированном правовом учении, определяющем базовые начала для понимания сути и природы какого-либо правового института, - в данном случае органа юридического лица, - необходимо, чтобы эта доктрина давала представление о понятии и правовой природе всех органов юридического лица» [24].

С другой стороны, не стоит придавать появившейся в ст. 53 ГК РФ ссылке на п. 1 ст. 182 ГК РФ столь принципиальное значение, объявляя ее ошибкой, влекущей опасность для практики. Думается, абз. первый п. 1 ст. 53 должен быть истолкован в том смысле, что обращение к п. 1 ст. 182 ГК РФ позволяет сформу-

лизовать результат действий органа юридического лица, выступающего от его имени, в виде сделок, которые непосредственно создают, изменяют и прекращают гражданские права и обязанности юридического лица. Таким образом, новеллу п. 1 ст. 53 ГК РФ можно расценить как прием юридической техники, использованный «для указания на то, что сам орган (как и представитель) не является субъектом сделки» [25].

Вопрос о природе органа юридического лица зачастую рассматривается в контексте дискуссии о сущности самого юридического лица. Сторонники теории юридического лица как фикции рассматривают орган юридического лица в качестве его представителя, а сторонники теорий реального субъекта отрицают тождество органа юридического лица и его представителя [13. С. 219-220].

В этой связи на первый взгляд выглядит необоснованным отношение к органу как части юридического лица в условиях объяснения его сущности с позиции теории фикции. Но если юридическая фикция позволяет обосновать появление нового субъекта права, то что может препятствовать тому, чтобы тот же самый прием помог наделить юридическое лицо всеми атрибутами самостоятельного субъекта права, в том числе волей и дееспособностью, а также собственными механизмами их реализации – органами юридического лица. При ином подходе мы получаем в качестве участника правоотношений недееспособного субъекта, не способного самостоятельно изъявлять свою волю и вынужденного прибегать к представительству на всем пути своего существования. В этом же смысле высказывался Д.И. Мейер, отмечая, что «орган юридического лица можно назвать представителем только в том смысле, что он составляет физическую сторону, тело юридического лица, с которым орган совершенно сливается». «Таким образом, - заключал Д.И. Мейер, - оказываются в юридическом быту лица, по природе своей не способные к гражданской деятельности, - вот куда ведет признание личности за отвлеченными понятиями. Но юридический быт находит средство помочь этому недостатку. Средство состоит... в том, что создается орган юридического лица, действия которого счи-

таются действиями самого юридического лица: признавая существование юридического лица, законодательство в то же время определяет орган, через который оно должно проявлять свою гражданскую деятельность» [26. С. 125-126].

В литературе высказываются предположения, что отношение к органу юридического лица как к его представителю неизбежно при наличии в законодательстве норм, предусматривающих ответственность органа перед юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ). Так, по мнению В.К. Андреева, «в условиях, когда орган хозяйственного общества, уполномоченный выступать от его имени, обязан возместить по требованию его участников (акционеров) убытки (ст. 53.1 ГК РФ), он не может рассматриваться как часть юридического лица» [27].

Думается, никакой неизбежности в такой трактовке нет. Нормы ст. 53.1 ГК РФ вполне применимы и вне рассмотрения органа юридического лица в качестве его представителя. Как видно из текста ст. 53.1 ГК РФ, к ответственности привлекаются не сами органы юридического лица, а физические лица, которые уполномочены в качестве таких органов выступать от имени юридического лица. Действительно, объявление с помощью приема юридической фикции определенного физического лица органом лица юридического ни в коей мере не означает, что само это физическое лицо перестает быть таковым и становится неспособным к самостоятельному участию в гражданском обороте и к самостоятельной ответственности. Как совершенно верно замечает К.И. Забоев, «в осязаемой реальности остается его человеческий прообраз, который отдельно существует (дублируется) и в реальности правовой в качестве правового образа физического лица, права и обязанности которого отягощены руководством в юридическом лице, в частности возможной ответственностью за причиненные ему убытки. И при возникновении убытков юридическое лицо (или, при косвенном иске, его участник) обращается с иском к физическому лицу - правовому образу гражданина, который является его руководителем, а не к самому руководителю, так как он является частью образа юридического лица и в этом смысле не является отдельным субъектом права» [28].

Еще В.А. Рясенцев отмечал отсутствие у органа собственной правоспособности, дееспособности и самостоятельных интересов, отличных от интересов юридического лица, что составляет одно из важных различий органа юридического лица и его представителя. Однако это не мешало ученому рассматривать в качестве органов живых людей реально существующего объединения [4. С. 175. С. 186].

29 июня 2015 г. был принят Федеральный закон № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [43], ст.2 которого изложен в новой редакции абзац первый п. 1 ст. 53 ГК РФ: «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом». Таким образом, вызвавшее бурные дискуссии в научной среде упоминание в данной норме о п. 1 ст. 182 ГК РФ исключено, что позволяет сделать вывод о том, что законодатель все же отказался от квалификации органа юридического лица в качестве его представителя.

В то же время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» полномочия органа юридического лица рассматриваются в контексте п. 1 ст. 182 ГК РФ и обсуждается распространение положений гл. 10 ГК РФ на органы юридических лиц: «В силу пункта 1 статьи 182 ГК РФ полномочия представителя могут быть основаны на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного или муниципального органа, а также явствовать из обстановки, в которой действует представитель. Порядок предоставления полномочий и их осуществления установлен главой 10 ГК РФ. Учитывая особый характер представительства юридического лица, которое приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, что предполагает применение законодательства о юридических лицах, на органы

юридического лица распространяются только отдельные положения главы 10 ГК РФ: пункты 1, 3 статьи 182, статья 183 ГК РФ и в случае наделения полномочиями единоличного исполнительного органа нескольких лиц (пункт 3 статьи 65.3 ГК РФ) - пункт 5 статьи 185 ГК РФ» (п. 121).

Такой подход объясняется следующим. Во-первых, на момент принятия постановления п.1 ст. 53 ГК РФ действовал в прежней редакции, что, несмотря на неоднозначность ее трактовки в доктрине, все же давало суду определенные нормативные основания для вышеуказанных разъяснений. Во-вторых, высшая судебная инстанция, как уже отмечалось нами выше, начиная с 2009 г., неоднократно апеллировала к нормам гл. 10 ГК РФ: сначала применяя их по аналогии, а позднее и без каких-либо дополнительных обоснований.

Сохраняют ли свое значение разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в п. 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», после принятия в конце июня 2015 г. поправок в п. 1 ст. 53 ГК РФ? На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить утвердительно. Все содержащиеся в п. 121 разъяснения вполне укладываются в рамки ст. 6 ГК РФ, допускающей применение гражданского законодательства по аналогии: «В случаях, когда... отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона)». Кстати сказать, возможность применения норм о представительстве по аналогии не отрицалась и в доктрине [29. С. 285; 30. С. 19].

Характерно, что из всей гл. 10 ГК РФ высшая судебная инстанция смогла назвать лишь три нормы, применимые в органам юридического лица:

1. Правила п. 3 ст. 182 ГК РФ хотя и выглядят вполне подходящими для регулирования отношений с органами юридического лица, но вряд ли могут претендовать на правила общего

характера для юридических лиц, так как в отношении ряда организаций, например, акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, они перекрываются специальными нормами о сделках с заинтересованностью. На данное обстоятельство обращается внимание и в п. 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: п. 3 ст. 182 ГК РФ не применяется в тех случаях, когда в законе об отдельных видах юридических лиц установлены специальные правила совершения сделок единоличным исполнительным органом в отношении себя лично либо в отношении другого лица, представителем (единоличным исполнительным органом) которого он одновременно является (например, п. 1 ст. 84 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 5 ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

2. Статья 183 ГК РФ вполне применима к ситуации совершения сделки от имени организации лицом, выдающим себя за ее директора, и эта применимость традиционно подтверждается судебной практикой. Но, строго говоря, в данном случае ст. 183 ГК РФ применяется отнюдь не к отношениям между юридическим лицом и его органом, так как вряд ли «лжедиректора» можно признать органом юридического лица или его представителем.

3. Новая норма п. 5 ст. 185 ГК РФ, в соответствии с которой в случае выдачи доверенности нескольким представителям каждый из них обладает полномочиями, указанными в доверенности, если в доверенности не предусмотрено, что представители осуществляют их совместно, применима в ситуациях множественности волеизъявляющих органов, что подтверждено Пленумом Верховного Суда РФ в п. 24 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: если учредительным документом юридического лица предусмотрено, что полномочия выступать от его имени предоставлены нескольким лицам, то в отсутствие в ЕГРЮЛ сведений о

совместном осуществлении или ином распределении полномочий предполагается, что они действуют раздельно и осуществляют полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции соответствующего органа юридического лица (п. 1 ст. 53 ГК РФ).

Таким образом, имеющиеся в действующем гражданском законодательстве нормы, регулирующие отношения представительства, на поверку оказываются, в большей своей части, не способны выступать регулятором отношений между юридическим лицом и его волеизъявляющими органами, что также ставит под сомнение целесообразность квалификации органа в качестве представителя юридического лица.

Подводя итог, можно отметить, что ситуация, сложившаяся вокруг новой редакции п. 1 ст. 53 ГК РФ, наглядно продемонстрировала важность выявления и тщательного анализа при реформировании законодательства системных взаимосвязей отдельных гражданско-правовых институтов. Другим существенным последствием этой ситуации явилась активизация научных исследований в той сфере, которая, несмотря на кажущуюся разработанность, требует нового осмысления с учетом изменений законодательства и современных тенденций судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001.
2. Гражданское уложение. Кн. 1: Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан.
3. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.
4. Рясенцев В.А. Представительство в советском гражданском праве // Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006.
5. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.

6. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Т. 1.
7. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. В.П. Мозолина, А.И. Масляева. М.: Юрист, 2005.
8. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект. М., 2001. С. 107.
9. Ломакин Д.В. Общие положения об органах акционерного общества // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2003. № 4. С. 27 – 28.
10. Сумской Д.А. Гражданско-правовое определение органа юридического лица. М., 2007.
11. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика: учеб. пос. М.: Проспект, 2008.
12. Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / под ред. Л.Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012.
13. Егоров А.В. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012.
14. Зайцев О.Р. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012.
15. Козлова Н.В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8.
16. Степанов Д.И. Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 8, 9, 10.
17. Шиткина И.С. Изменения в положения Гражданского кодекса РФ о юридических лицах: анализ новелл и практические советы // Хозяйство и право. 2014. № 7.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 524 с. (авторы комментария к ст. 53 – Б.М. Гонгалло и П.В. Крашенинников).

19. Маковский А.Л. Собственный опыт - дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П. В. Крашенинникова. М.: Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М.: Статут, 2014.
20. Белов В.А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практ. пос. М.: Юрайт, 2014. 183 с.
21. Ингервью с д.ю.н., проф. Е.А. Сухановым // Законодательство. 2014. № 10.
22. Эрделевский А. Новое в основных положениях Гражданского кодекса РФ о юридических лицах // Хозяйство и право. 2014. № 8.
23. Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10(263).
24. Могилевский С.Д. Органы юридического лица и их правовая природа: новая редакция 4 главы Гражданского кодекса // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: II Междунар. науч.-практ. конф. (22 апреля 2015 года, г. Москва): сб. науч.-практ. ст. / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского; Юстицинформ, 2015.
25. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с. (автор комментария к ст. 53 ГК РФ Н.В. Козлова).
26. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. I. М., 1997.
27. Андреев В.К. Корпоративное управление в непубличном обществе // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: II Междунар. науч.-практ. конф. (22 апреля 2015 года, г. Москва): сб. науч.-практ. ст. / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского, Юстицинформ, 2015.

28. Забоев К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3. С. 94 - 120.

29. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.

30. Горбунов Е.Ю. О природе исполнительного органа в контексте теорий юридического лица // Вестник гражданского права. 2013. № 2.

31. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 октября 2000 г. № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 января 1998 г. № 7035/97 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 сентября 2005 г. № 6773/05 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 апреля 2006 г. № 10327/05 по делу № А13-13712/04-22 // СПС «КонсультантПлюс».

36. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 21 мая 2007 г. № Ф09-4473/06-С6 по делу № А50-46272/2005 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 17580/08 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Информационное письмо от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

39. Российская газета. 2015. 30 июня.

40. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

41. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в I чтении 27 апреля 2012 года) // СПС «КонсультантПлюс».

42. Проект Концепции развития законодательства о юридических лицах, рекомендованный к опубликованию в целях обсуждения Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (Протокол от 16 марта 2009 г. № 68) // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 9 – 73.

43. Федеральный закон № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

А.А. Шепталин

к.и.н., доцент

директор Ижевского филиала РАНХ и ГС

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одной из наиболее актуальных задач построения правового государства в современных условиях является активное привлечение институтов гражданского общества к нормотворчеству и процессу совершенствования действующего законодательства. Важность этой задачи многократно подчеркивалась экспертами на самом разном уровне и во многих сферах общественных отношений. Цель данной статьи заключается в попытке определения основного вектора участия гражданского общества в совершенствовании гражданского законодательства в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. и разработанной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. [1].

Фундаментальная трансформация парадигмы государственного развития Российской Федерации после распада СССР нашла отражение во всех сферах функционирования российского общества и, пожалуй, в первую очередь в сфере нормативно-правовой регуляции. Наступивший период регуляторного хаоса был обусловлен категорическим несоответствием устаревшей нормативно-правовой базы новым общественно-политическим и социально-экономическим реалиям. Стремительная деидеологизация системы российского права потребовала создания принципиально нового законодательства, базирующегося на мировых и общечеловеческих ценностях. Ярким примером здесь может служить институт гражданского права, подвергнувшийся наибольшей корректировке. Закономерно, что вскоре после принятия новой Конституции Российской Федерации актуализировал-

ся вопрос нового гражданского законодательства, в результате чего с интервалом в год вышли чч.1 и 2 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Отрасль гражданского права заслуженно считается объективно изменчивой, то есть подверженной корректировке не столько в силу субъективных факторов, сколько вследствие постоянного возникновения все новых правоотношений и изменения прежних, устаревающих. Наглядным подтверждением этого стало содержание принятых в 2001 и 2006 гг. чч.3 и 4 Гражданского кодекса РФ. В силу этой и иных причин еще в 1999 г. был образован консультативный орган при Президенте РФ, обеспечивающий взаимодействие между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями, при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием гражданского законодательства – Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Указом Президента РФ в октябре 1999 г. на четырехлетний срок был утвержден состав Совета из 28 человек, преимущественно представителей судейского сообщества и органов государственного управления. В Положении о Совете в качестве основных задач были обозначены подготовка предложений Президенту РФ о государственной политике в сфере гражданского законодательства и основных направлениях его совершенствования; экспертиза проектов федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ и проектов других федеральных законов в сфере гражданского законодательства; анализ практики применения Гражданского кодекса РФ и подготовка предложений о внесении в него необходимых изменений и дополнений; подготовка предложений федеральным органам государственной власти о разработке проектов федеральных законов и других нормативных правовых актов в сфере гражданского законодательства, в том числе предложений по планам законопроектных работ федеральных органов госу-

дарственной власти, с определением, при необходимости, проектов, подлежащих разработке в приоритетном порядке [2].

Указом Президента РФ в октябре 2003 г. состав Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства был с некоторыми изменениями переутвержден с учетом специфики готовившейся ч.4 Гражданского кодекса РФ [3].

Спешность подготовки многих разделов Гражданского кодекса РФ, особенно чч.1 и 3, несомненно, сказалась на качестве его норм. Необходимость доработки Гражданского кодекса РФ в соответствии с достигнутым уровнем развития российского государства и общества, опытом его применения и судебного толкования, с учетом положительных тенденций изменения и опыта права Европейского союза в условиях усиливающейся глобализации – все это и многое другое обусловило реформу гражданского законодательства, начало которой положил Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. [1]. Данным указом Совету при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства поручалось до 1 июня 2009 г. разработать Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, а также подготовить к 2010 г. проекты федеральных законов о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ. Этим же указом утверждался новый, третий, состав Совета, который был существенно изменен по сравнению с предыдущими и увеличен до 38 человек (на 28%). Качественным отличием третьего состава стало существенное расширение круга представителей гражданско-правовой науки. Для создания Концепции были сформированы семь рабочих групп: 1) по общим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации; 2) по законодательству о юридических лицах; 3) по законодательству о вещных правах; 4) по законодательству об обязательствах (общие положения); 5) по законодательству о вещных правах и финансовых рынках; 6) по законодательству о международном частном праве; 7) по законодательству об интеллектуальных правах. Для взаимодействия с Советом указом

Президента РФ был образован Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации [4].

Текст Концепции, по мере создания, частями публиковался в ряде специализированных журналов, например, в «Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а также размещался на сайте Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации. Практически по всей стране, во многих юридических центрах, прежде всего в ведущих вузах, научных учреждениях, судебных органах, были организованы экспертное обсуждение и дискуссия.

Для широкого ознакомления на сайте Высшего Арбитражного Суда РФ 13 ноября 2010 г. был размещен проект изменений в Гражданский кодекс РФ, которые предлагались для внесения в разделы I, III и VI, с анонсом более поздней публикации изменений для разделов II и VII Гражданского кодекса РФ.

С сожалением приходится признать, что столь широкого общественного обсуждения, каким было обсуждение экспертное, не получилось, как в силу специфики объекта обсуждения, его объемности, так и по причине недостаточного общественного внимания. Между тем институт общественного обсуждения и инициативы получил серьезный импульс к развитию. На основании Указа Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [5] и «Концепции формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года» возможности влияния гражданского общества на отечественное законодательство значительно расширились [6]. Уже с апреля 2013 г., согласно Указу Президента РФ от 4 марта 2013 г., появился интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», на котором граждане России, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации, могут выдвигать различные гражданские инициативы либо голосовать за таковые. В случае

набора той или иной инициативой ста тысяч голосов, она должна быть рассмотрена соответствующей экспертной группой, наделённой правом рекомендации для рассмотрения Государственной Думой РФ [7].

Безусловно, в арсенале гражданского общества остались и традиционные методы влияния на законодательство. Так, в частности, по инициативе общественников через Государственный совет Удмуртской Республики была реализована законодательная инициатива, вылившаяся в принятие Государственной Думой РФ в 2013 г. изменений в п.2 ст.1151 ч.3 Гражданского кодекса РФ [8]. Однако подобных примеров не так много.

Одной из основных проблем современной России на пути к правовому государству является недостаточное количественное и качественное развитие гражданского общества. Анализ практики защиты законных прав и законных интересов граждан по субъектам Российской Федерации демонстрирует обратную пропорциональность уровня активности институтов гражданского общества в регионе и степени удаленности региона от федерального центра. В значительной мере это связано с тем, что институты гражданского общества массово формируются и функционируют, прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге и в гораздо меньшей степени в других крупных городах, не говоря уже о российской периферии. Что касается качественной составляющей проблемы, то здесь необходимо отметить довольно слабую вовлеченность в деятельность гражданского общества институтов нотариата и адвокатуры. Например, ни нотариальная палата, ни адвокатская палата, ни иные институты, связанные с гражданским правом, ни разу не пытались делегировать своих членов в такую авторитетную структуру гражданского общества Удмуртии, как Общественная палата Удмуртской Республики, функционирующую уже восемь лет, на площадках которой открыто обсуждаются многие республиканские и федеральные нормативно-правовые акты и законопроекты.

Таким образом, приходится констатировать, что обсуждение Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации прошло преимущественно в экспертном со-

обществе, главным образом, в судебной и научной среде. Вместе с тем очевидно, что после «массированного» принятия поправок в Гражданский кодекс РФ общественные институты затем получают возможность точечного воздействия на гражданское законодательство, в том числе и посредством новых механизмов. Например, уже с февраля 2015 г. на специальном сайте Государственной Думы РФ, на домене Peticii.parlament.gov.ru, любой пользователь Интернета сможет внести предложения по вопросам совершенствования российского законодательства. В отличие от сайта «Российская общественная инициатива» там будет упрощена процедура авторизации и существенно снижено минимальное количество голосов, необходимое для рассмотрения инициативы или поправки в нижней палате парламента [9]. Вполне логично, что это будет содействовать объединению людей в своеобразные, пусть даже и краткосрочные, виртуальные институты гражданского общества на основе общности интересов. Имеющаяся практика убеждает, что совершенствование механизмов защиты законных прав и законных интересов человека и гражданина напрямую зависит от качественного и количественного развития соответствующих институтов гражданского общества, взаимно коррелирующих и дополняющих друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18.07.2008г. №1108. URL: <http://base.garant.ru/12161467/>
2. О Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства»): Указ Президента РФ от 05.10.1999 г. №1338. URL: <http://base.garant.ru/181001/>
3. Об обеспечении деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: Указ Президента РФ от

29.10.2003 г. №1267 (ред. от 18.07.2008). URL: <http://www.rg.ru/2008/07/23/kodeks-dok.html>

4. Об исследовательском центре частного права при Президенте Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18.07.2008 г. №1105 г. URL:

<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93597/>

5. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. №601. URL:

<http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html>

6. Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года: Утверждена Правительством РФ 28.08.2012 г. URL: <http://base.garant.ru/70219228/>

7. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента РФ от 04.03.2013 г. №183. URL: <http://base.garant.ru/70326884/>

8. О внесении изменений в статью 1151 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.07.2013 г. №223-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/25/izmenenie-dok.html>

9. Субботина С., Сивкова А. Парламентарии хотят привлечь граждан к законотворческой деятельности через интернет. URL: <http://izvestia.ru/news/582140#ixzz3PcbYS3F0>

О.Л. Артемьева

Президент Нотариальной палаты Удмуртской Республики

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ СИЛА

НОТАРИАЛЬНОГО АКТА

Согласно ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ, доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Среди всего спектра доказательств в процессуальном праве письменные доказательства, в частности нотариально удостоверенные документы, имеют особое значение.

Наделение нотариуса полномочиями от имени государства, публичный характер его деятельности представляют собой определенные гарантии для участников гражданского оборота. Деятельность нотариуса - это не факультативная услуга по установлению юридических фактов, а необходимая гарантия законности и достоверности документов. Расширяя сферу обязательного нотариального удостоверения, обязуя облекать в нотариальную форму все большее число юридически значимых действий, государство вполне закономерно предоставляет участникам гражданского оборота определенные правовые преимущества [4].

Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ была введена новая редакция ст. 163 Гражданского кодекса РФ, разъяснена сущность нотариального удостоверения сделки: нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности. Иными словами, нотариус при удостоверении сделок обязан совершить ряд юридических действий,

направленных на обеспечение законности скрепляемых действий и установление достоверности представленных данных. Нотариус проверяет личность обратившихся, их правоспособность, дееспособность, наличие существенных условий сделки, разъясняет обратившимся их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения нотариальных действий, хранит тайну нотариального действия.

В течение длительного времени в российской правовой доктрине в качестве существенных недостатков действующего законодательства в сфере нотариата указывалось на недооценку и неиспользование позитивного потенциала института нотариата, способного разрешить значительное число проблем современного гражданского оборота.

Положения о законодательном закреплении доказательственной силы и публичного признания нотариально оформленных документов в виде нормы об освобождении от доказывания в судебном процессе обстоятельств, содержащихся в нотариально удостоверенном документе, предлагались в проекте Закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации».

Нормативно установленная доказательственная сила нотариальных документов фактически позволила бы зафиксировать презумпцию законности и достоверности нотариального акта. Представляется, что подобные новеллы в полной мере отвечают интересам общества: во-первых, защищают граждан и организации, облегчая процесс судебного доказывания и позволяя регулировать целый ряд правовых и фактических аспектов своих отношений на договорной стадии; во-вторых, облегчают работу суда, уменьшая судебную нагрузку и повышая качество представляемого сторонами доказательственного материала, и наконец, закрепляют высокий уровень доверия государства и общества к нотариально удостоверенным документам, как это имеет место уже долгое время в странах латинского нотариата [4].

В большинстве европейских стран, воспринявших модель латинского нотариата, институт повышенной доказательственной

силы, признаваемой за нотариально удостоверенными документами, существует сотни лет. В качестве примера в литературе часто обращаются к опыту французского законодательства [3]. Конструкция, разработанная во Франции, очень логична и удобна. Особая доказательственная сила признается не за всем нотариальным документом, а за той его частью, которая является публичным актом, при условии, что нотариус засвидетельствовал факт при осуществлении своих полномочий и факт относится к фактам, не требующим для их констатации специальных познаний, отсутствующих у публичного должностного лица (так, например, для оспаривания психического состояния завещателя стороны прибегнут к обыкновенной процедуре доказывания) [3]. Все иные содержащиеся в документе данные имеют доказательственное значение, равное документам в простой письменной форме.

При этом важно отметить, что повышенное доказательственное значение обеспечивается особой процедурой нотариального производства, включающей в себя так называемую стадию нотариального расследования. В рамках данной стадии выявляется существо юридического отношения между сторонами, а также их истинное волеизъявление, оглашается проект нотариального документа, непосредственное восприятие которого обратившимися подтверждает их действительную волю.

Таким образом, особое доказательственное значение приобретают положения о принятии акта компетентным нотариусом, о присутствии сторон (их представителей) при составлении акта, о личном подписании акта сторонами (их представителями), о факте оплаты, совершенной в присутствии нотариуса, о дате совершения акта [7].

Рассмотренная конструкция французского права исходит из признания приоритета письменных доказательств перед иными видами. Российское же процессуальное законодательство в настоящее время исходит из так называемой системы свободной оценки доказательств, основой которой служит постулат: «Никакое доказательство не имеет для суда заранее установленной силы».

Возникает вопрос: как же примирить особые доказательственные свойства нотариальных актов с обозначенной системой свободной оценки? В настоящее время это актуальный вопрос процессуального права. Насколько обоснованна свободная оценка доказательств и присуща ли она исторически российскому судопроизводству?

Следует отметить, что введение принципа свободной оценки доказательств после революции 1917 г. обосновывалось необходимостью защиты интересов «неграмотных пролетариев» [5], а следовательно, объективной невозможностью защиты их прав с использованием приоритета квалифицированных письменных доказательств. При этом доказательственное право дореволюционной России сочетало принцип свободной оценки доказательств судьей с определенной иерархией средств доказывания. Так, например, ст. 410 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. содержала норму, аналогичную нормам современного французского законодательства: «Содержание письменных документов, установленным порядком совершенных или засвидетельствованных, не может быть опровергаемо показаниями свидетелей, за исключением споров о подлоге». Таким образом, гарантом особой доказательственной силы документа являлось не простое соблюдение письменной формы, а определенная публичная достоверность, официальный характер свидетельства, обеспеченный учреждениями государства или должностными лицами. Логика закона исходила из того, что учреждения государства и должностные лица не пойдут на противозаконные действия по «долгу присяги и службы» [1].

Исходя из исторически сложившихся традиций российского права, система оценки по внутреннему убеждению воспринималась неким индикатором советского демократизма судопроизводства и инструментом достижения объективной истины. В настоящее время доктрина процессуального права лишь намечает отход от абсолютизации принципа объективной истины в пользу удобства и экономичности состязательного процесса, а следовательно, говорить о возможности прямого

заимствования, к примеру, проверенной временем французской модели в рамках действующей правовой модели рано.

В процессуальной литературе отмечается, что «убеждение суда, будучи свободным, одновременно обусловлено законом» [2], тем самым предоставляя возможность законодателю направлять судебную оценку посредством правовых установлений. В связи с этим интересна позиция авторов учебника «Гражданский процесс» (под ред. М.К. Треушникова), что «критерием (определяющим ценность, полезность доказательства) выступает степень гарантии достоверности используемой доказательственной информации. К числу доказательств, предположительно несущих наибольшее количество информации при высокой степени ее достоверности, относятся необходимые доказательства. <...> В качестве необходимых доказательств в большинстве случаев выступают различного рода официальные документы, являющиеся формализованным отражением имевших место событий, действий, составленные в соответствии с определенным порядком и правилами, отвечающими установленным требованиям относительно их формы, содержания, реквизитов» [2]. Связь между доказательственной силой документа и публичным характером полномочий составившего его должностного лица, а также особой процедурой их создания обосновывается в работе И.Г. Медведева [6]. Можно предположить, что к числу названных официальных документов могут быть отнесены и нотариальные акты, а следовательно, доктрина медленно, но верно движется по пути признания повышенной доказательственной силы за официальными документами, не отрицая при этом действия принципа свободной оценки доказательств.

В российском праве идея закрепления особой доказательственной силы за нотариально удостоверенными документами должна имплементироваться в систему свободной оценки доказательств, ограничивая сферу судебной свободы и устанавливая своеобразное исключение. Логика законодателя может исходить из особых функций нотариальной деятельности, одной из целей которых должно стать обеспечение законности и

достоверности удостоверяемых документов. Принятие судом нотариального акта без дальнейшей проверки возможно в том случае, если нотариус проверяет как правовые стороны, так и фактическую достоверность сведений, представленных на утверждение [4].

На сегодняшний день принят Федеральный закон от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены изменения в Основы законодательства РФ о нотариате и ряд других нормативных актов, в том числе ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ дополнена ч. 5 следующего содержания: «Обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 186 настоящего Кодекса, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия».

Презумпция законности и достоверности нотариальных актов, сужающая сферу действия системы свободной оценки доказательств и в то же время демонстрирующая публичный характер деятельности нотариата и его свойства, позволяет существенно повысить качество представляемых в суд доказательств и сократить количество судебных споров, а также упростить задачу суда по установлению действительных обстоятельств дела и определению реально существующих прав и обязанностей сторон спора.

Переход некоторых элементов процесса судебной оценки представленных сторонами доказательств в сферу нотариальной деятельности способен перевести огромный массив гражданских правоотношений в категорию бесспорных [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. С. 147.

2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец-издат, 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Грядов А.В. Доказательственная сила нотариального акта в праве России и Франции. М.; Берлин: Инфротропик Медиа, 2012.

4. Корсик К.А. Доказательственное значение нотариально оформленных документов в российском гражданском праве // Нотариус. 2011. № 1. С. 5- 8.

5. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1874. Т. 1. С. 289.

6. Медведев И.Г. Письменные доказательства в частном праве России и Франции: дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

7. Ярков В.В. Материалы Круглого стола Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по правовым и судебным вопросам на тему «Современное состояние нотариата в Российской Федерации и проблемы его реформирования» // Бюллетень нотариальной практики. 2010. № 2.

М.В. Новгородцев

Старший преподаватель кафедры гражданского права

Удмуртского государственного университета

Начальник юридического отдела ООО «УК-Ижкомцентр»

МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ И АДРЕС ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Место нахождения юридического лица – одно из базовых понятий в корпоративном праве, которое воспринимается аксиоматически и по этой причине зачастую не раскрывается должным образом в юридической литературе. Изменения в определении этого понятия, а также добавление на уровне ГК РФ нового – «адрес юридического лица» - требуют своего осмысления и исследований.

1. **Значение термина «место нахождения» и проблема «субстрата территориальной привязки».** Происхождение понятия «место нахождения» достаточно тривиально. Исходя из буквального смысла, это место, где можно «найти» юридическое лицо. При этом понятие «найти» связано с территориальным расположением, что ясно из конструкции «где находится». Возникает вопрос: а что именно нужно «найти», чтобы территориально локализовать юридическое лицо? Согласно п.2 ст.54 ГК РФ, *«место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования). Государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа - иного органа или лица, уполномоченных выступать от имени юридического лица в силу закона, иного правового акта или учредительного документа».* Из формулировки данного пункта очевидно, что законодатель в качестве «материального субстрата» для территориальной привязки юридического лица избирает его исполнительный орган, который в конечном счете (даже при передаче полномочий управляющей организации) яв-

ляется физическим лицом, а следовательно, может быть локализован в пространстве в определенный период времени. Значит ли это, что физическое лицо, осуществляющее полномочия исполнительного органа юридического лица, должно физически находиться в месте нахождения юридического лица хотя бы какое-то время (например, посещать офис компании)? Во-первых, закон этого не требует. Во-вторых, даже при установлении такого требования позитивным правом его исполнимость вызвала бы слишком много вопросов, поскольку практически невозможно, да и вряд ли нужно контролировать, где именно находится, например, директор компании.

Иных требований к территориальной локализации «субстрата» юридического лица законодательство не содержит. В качестве одного из таковых можно назвать фактическое осуществление деятельности юридическим лицом по определенному адресу (наличие рабочих мест, сотрудников, вывесок, оборудования, документации и т.п.). На этот счет имеется вполне определенная правовая позиция ВАС РФ, с которой следует полностью согласиться¹. То есть, ВАС РФ констатировал, что деятельность юридического лица не обязательно должна осуществляться в месте его нахождения, определенном учредительными документами или данными ЕГРЮЛ. По той же причине ВАС РФ допускает регистрацию юридического лица в жилом помещении (с согласия собственника такого помещения)².

Из указанных обстоятельств с очевидностью следует достаточно абстрактный характер понятия «место нахождения юридического лица». Из закона не следует, что в этом «месте нахождения» реально должно что-либо или кто-либо «находиться». По сути, единственным реальным «воплощением» места нахождения является указание на таковое в учредительных документах юридического лица, а также в иных источниках (решении о создании, договорах и иной документации, сведениях ЕГРЮЛ). О таком формально-абстрактном характере понятия места нахождения юридического лица свидетельствует и отсутствие его легального определения³.

Заметим, что в литературе новая формулировка ст.54 ГК РФ зачастую находит поддержку [1].

2. **Проблема определенности места нахождения юридического лица.** Действующая редакция ст.54 ГК РФ ограничивает территориальную локализацию юридического лица указанием на населенный пункт (муниципальное образование). Возникает вопрос: какова цель такого ограничения в локализации? Легко понять, что информация о том, в каком населенном пункте располагается юридическое лицо, никак не поможет его «найти», связаться с ним, а учитывая федеральный характер гражданского законодательства в РФ, и никак не влияет на применимое право. Может быть, законодатель таким образом хотел определить территориальную компетенцию регистрирующих органов или территориальную подсудность? Однако не всегда сфера деятельности налогового органа четко определяется границами муниципального образования (широка практика межрайонных инспекций, например), территориальная подсудность также зачастую определяется произвольно, хотя и в границах соответствующих территориальных образований.

Указанная формулировка, как верно отмечено в литературе [2], является практически дословным заимствованием правовой позиции Пленума ВАС РФ ⁴[6].

Также следует отметить, что место нахождения традиционно относится доктриной к так называемым средствам индивидуализации юридического лица. Очевидно, что указание на муниципальное образование либо населенный пункт не способствует индивидуализации, поскольку юридических лиц на данной территории может располагаться множество. Нужно учитывать, что в современных условиях такие средства индивидуализации, как наименование и место нахождения, во многом утрачивают свое прежнее значение ввиду их очевидной неуникальности. Достаточно просто и с абсолютной достоверностью юридическое лицо индивидуализируется с помощью уникальных цифровых идентификаторов, таких как ИНН, ОГРН и т.п. ⁵.

По указанным выше причинам указание на место нахождения юридического лица только в виде населенного пункта или

муниципального образования, на наш взгляд, лишено практического смысла.

3. Адрес юридического лица. Юридически значимые сообщения. Очевидно, понимая описанную выше проблему определенности места нахождения, законодатель решает добавить новое для гражданского законодательства понятие «адрес юридического лица». При этом законодатель не уточняет, что понимается под «адресом», видимо, считая его общеизвестным⁶. Судя по всему, имеется в виду именно почтовый адрес, позволяющий доставить корреспонденцию («юридически значимые сообщения», по формулировке ст.165.1 ГК РФ) [9]. Отсюда следует, что такой адрес должен быть определенным, с указанием на конкретный объект недвижимости (здание), конкретный офис в таком здании. Но все это требуется не для индивидуализации юридического лица, а исключительно для вручения «юридически значимых сообщений». Заметим, что ГК РФ возлагает риск неполучения таких сообщений на само юридическое лицо (на практике такое правило применялось и ранее и было закреплено в ряде нормативных актов). Следует отметить, что подобная новелла вызвана потребностями практики, в частности, проблемами судебных извещений [4]. Значение такой нормы будет отдельно рассмотрено ниже.

4. Практика и потребности оборота. Для чего налоговыми органам и иным правоприменителям нужен достоверный адрес юридического лица? В последнее время сначала в правоприменительной практике (в основном налоговых органов), а затем и в законодательстве наметилась тенденция к ужесточению требований к совпадению так называемого юридического и фактического⁷ адреса юридического лица. В частности, Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ было добавлено особое основание для отказа в государственной регистрации юридического лица – наличие у регистрирующего органа подтвержденной информации о недостоверности содержащихся в представленных в регистрирующий орган документах сведений об адресе (месте нахождения) постоянно действующего исполнительного органа юридического лица⁸. Отсюда следует, что

законодатель считает проблему достаточно важной, чтобы не допустить в таком случае создания юридического лица вообще⁹. В чем же важность проблемы отсутствия юридического лица в месте его нахождения? Как было указано выше, само понятие «место нахождения» является абстрактным, не имеет четкого материального субстрата для территориальной привязки, не обладает достаточной определенностью. Поэтому законодатель говорит не о месте нахождения, а именно об адресе юридического лица. Адрес необходим для осуществления связи с юридическим лицом (направления юридически значимых сообщений), то есть законодатель озаботился проблемой невозможности осуществления связи с юридическим лицом (если адрес недостоверен, юридическое лицо не сможет получать сообщения по данному адресу). В этом и должна быть причина соответствующих поправок в законодательстве. Однако, как уже было указано выше, риск неполучения сообщений полностью возлагается на само юридическое лицо. При таких обстоятельствах какой ущерб для оборота или для деятельности правоприменительных органов наносит невозможность связи с юридическим лицом? Исходя из смысла нормы о переносе рисков, для надлежащего уведомления юридического лица достаточно доказать факт направления соответствующего сообщения по адресу, зафиксированному в ЕГРЮЛ (напомним, что п.2 ст.51 ГК РФ закреплен принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ). Причем такой подход сложился на практике и до поправок в ГК РФ (возврат корреспонденции в связи с отсутствием адресата или истечением срока хранения признается надлежащим уведомлением в процессуальном законодательстве и судебной практике).

Таким образом, совпадение места нахождения и места фактической деятельности юридического лица не является потребностью оборота. Представляется, что подобное строгое отношение законодателя к этому вопросу (вызванное изначально позицией налоговых органов) связано, скорее, с фискальными интересами, а также политикой по борьбе с фирмами «однодневками».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрделевский А.М. Об изменениях в основных положениях Гражданского кодекса РФ о юридических лицах // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4 / Е.В. Бадулина, К.П. Беляев, А.С. Васильев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 524 с.

3. Эрделевский А.М. О месте нахождения юридического лица // СПС «КонсультантПлюс».

4. Дергачев С.А. Юридический и фактический адрес юридического лица: проблемы надлежащего извещения // Вестник ВАС РФ. 2008. № 3.

¹ «Учитывая, что адрес юридического лица определяется местом нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего и исполнительного органа - иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности (пункт 2 статьи 54 ГК РФ), и может отличаться от адреса, по которому осуществляется непосредственная деятельность юридического лица, в том числе хозяйственная (производственный цех, торговая точка и т.п.), регистрирующий орган не вправе отказывать в государственной регистрации на основании того, что помещение или здание, адрес которого указан для целей осуществления связи с юридическим лицом, непригодно для осуществления деятельности юридического лица в целом либо вида деятельности, который указан в документах, представленных для государственной регистрации» // Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица».

² Здесь проблема возникает в связи с тем, что, согласно п.1. ст.288 ГК РФ, «размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении предприятий, учреждений, организаций допускается только после перевода такого помещения в нежилое». Но поскольку «место нахождения» и «место осуществления деятельности» (что, очевидно, и понимается под «размещением» в смысле указанной статьи) – это понятия различные, ВАС РФ и делает такой вполне закономерный вывод.

³ Ср. норму п.1 ст.20 ГК РФ: «Местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает». Указанная формулировка также вызывает массу вопросов, но их обсуждение лежит за рамками статьи.

⁴ См. п.10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61. Пленум ВАС также указывает, что в связи с этим не требуется внесения изменений в учредительные документы при изменении адреса в рамках одного населенного пункта. Это, безусловно, удобно для юридического лица, но такая позиция отдает приоритет в средствах индивидуализации сведениям ЕГРЮЛ, а не учредительному документу, с чем нельзя согласиться.

⁵ Уникальность и удобство подобных идентификаторов учитывает и федеральный законодатель. Так, согласно ст.8 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», «в рекламе товаров при дистанционном способе их продажи должны быть указаны сведения о продавце таких товаров: наименование, место нахождения и государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица; фамилия, имя, отчество, основной государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя». Смысл этой нормы именно в том, чтобы потребитель мог с абсолютной достоверностью установить конкретного продавца, у которого он покупает товар, скажем, через интернет-магазин.

⁶ Легальное определение понятия «адрес» предусмотрено ст.2 Федерального закона от 28.12.2013 № 443-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации": «Адрес - описание места нахождения объекта адресации, структурированное в соответствии с принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации и включающее в себя, в том числе, наименование элемента планировочной структуры (при необходимости), элемента улично-дорожной сети, а также цифровое и (или) буквенно-цифровое обозначение объекта адресации, позволяющее его идентифицировать».

⁷ Указанные понятия законодателем практически не используются. Это создает ряд практических сложностей, что отмечается в литературе (см., напр.: Сидорова В. Проблемы регистрации юридического лица: соотношение категорий «местонахождение», «юридический адрес» и «почтовый адрес» // Юрист. 2006. № 4; Травкина Н. Несовпадение

юридического и фактического адресов. Возникают ли проблемы? //Корпоративный юрист. 2005. № 2).

⁸Пленум ВАС в качестве обстоятельств, дающих возможность отказать в регистрации, указывает следующие: 1) адрес, указанный в документах, представленных при государственной регистрации, согласно сведениям ЕГРЮЛ обозначен как адрес большого количества иных юридических лиц, в отношении всех или значительной части которых имеются сведения о том, что связь с ними по этому адресу невозможна (представители юридического лица по данному адресу не располагаются и корреспонденция возвращается с пометкой «организация выбыла», «за истечением срока хранения» и т.п.); 2) адрес, указанный в документах, представленных при государственной регистрации, в действительности не существует или находившийся по этому адресу объект недвижимости разрушен; 3) адрес, указанный в документах, представленных при государственной регистрации, является условным почтовым адресом, присвоенным объекту незавершенного строительства; 4) адрес, указанный в документах, представленных при государственной регистрации, заведомо не может свободно использоваться для связи с таким юридическим лицом (адреса, по которым размещены органы государственной власти, воинские части и т.п.); 5) имеется заявление собственника соответствующего объекта недвижимости (иного управомоченного лица) о том, что он не разрешает регистрировать юридические лица по адресу данного объекта недвижимости // Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61.

⁹ Более того, Пленум ВАС в указанном постановлении дает право налоговым органам в такой ситуации предъявлять иск о ликвидации юридического лица! Крайне спорная позиция. Причем указанные положения начинают реализовываться и на практике (см., напр.; Вайтман Е., Кириченко А. Налоговики взяли за принудительную ликвидацию компаний, с которыми нет связи по юридическому адресу // Российский налоговый курьер. 2014. № 9. С. 15 - 19.).

В.И. Прозорова

доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

В ст. 47 Семейного кодекса РФ закреплено одно из основополагающих положений российского семейного права о том, что основанием возникновения прав и обязанностей родителей и детей является происхождение детей, удостоверенное в установленном порядке. Впервые это положение было сформулировано в декрете ВЦИК И СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» [1]. Этим Декретом было ликвидировано понятие незаконнорожденности: дети, рожденные в браке, и внебрачные дети были уравнены в правах.

Семейное законодательство не раскрывает понятие «происхождение». Согласно Толковому словарю русского языка, происхождение - это возникновение, появление [2]. Под происхождением ребенка от конкретных родителей понимается «кровное родство». Происхождение ребенка от конкретных родителей должно быть удостоверено в установленном законом порядке. Согласно ФЗ «Об актах гражданского состояния», таким порядком является государственная регистрация рождения ребенка в органах ЗАГСА [3]. Государственная регистрация осуществляется путем актовой записи. Только в этом случае происхождение ребенка становится юридическим фактом и порождает правовые последствия.

Основанием для государственной регистрации рождения является:

документ установленной формы о рождении, выданный медицинской организацией независимо от ее организационно-правовой формы, в которой происходили роды;

документ установленной формы о рождении, выданный медицинской организацией, врач которой оказывал медицинскую помощь при родах или в которую обратилась мать после родов,

либо индивидуальным предпринимателем, осуществляющим медицинскую деятельность, - при родах вне медицинской организации;

заявление лица, присутствовавшего во время родов, о рождении ребенка - при родах вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи.

На основании этих документов устанавливается рождение ребенка и его происхождение от конкретной матери.

С заявлением о рождении ребенка могут обратиться родители (родитель) ребенка и лицо, присутствующее при родах.

В ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния» определено, что о рождении ребенка родители (один из родителей) заявляют устно или в письменной форме в орган записи актов гражданского состояния либо направляют заявление о рождении ребенка в форме электронного документа через единый портал государственных и муниципальных услуг. Заявление о рождении ребенка, которое направляется в форме электронного документа, подписывается простой электронной подписью заявителя.

В случае, если родители не имеют возможности лично заявить о рождении ребенка, заявление о рождении ребенка может быть сделано родственником одного из родителей или иным уполномоченным родителями (одним из родителей) лицом либо должностным лицом медицинской организации или должностным лицом иной организации, в которой находилась мать во время родов или находится ребенок.

Лицо, присутствовавшее во время родов, может сделать заявление о рождении ребенка устно или в письменной форме работнику органа записи актов гражданского состояния, производящему государственную регистрацию рождения.

При отсутствии у указанного лица возможности явиться в орган записи актов гражданского состояния его подпись заявления о рождении ребенка данной женщиной должна быть удостоверена организацией, в которой указанное лицо работает или учится, жилищно-эксплуатационной организацией или органом местного самоуправления по месту его жительства либо адми-

нистрацией стационарной медицинской организации, в которой находилась мать или находится ребенок.

Заявление, оформленное в установленном порядке, может быть представлено в орган записи актов гражданского состояния посредством почтовой связи, электрической связи или иным способом.

При отсутствии оснований для государственной регистрации рождения государственная регистрация рождения ребенка производится на основании решения суда об установлении факта рождения ребенка данной женщиной.

ФЗ «Об актах гражданского состояния» и Гражданский кодекс РФ относят рождение к актам гражданского состояния. Под актами гражданского состояния понимаются действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан. Государственная регистрация рождения ребенка должна осуществляться в течение одного месяца со дня рождения. Однако никакой юридической ответственности за пропуск указанного срока законодатель не устанавливает.

Неосуществление этих действий нарушает нормы международного права. Так, в Преамбуле Конвенции о правах ребенка отмечено, что Организация Объединенных Наций во Всеобщей декларации прав человека и в Международных пактах о правах человека провозгласила и согласилась с тем, что каждый человек должен обладать всеми указанными в них правами и свободами без какого бы то ни было различия по таким признакам, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иные обстоятельства [4].

Отсутствие актовой записи о рождении человека не позволяет определить статус родившегося человека, лишает его прав и обязанностей.

Для решения данной проблемы необходимо:

1) дополнить ФЗ «Об опеке и попечительстве», возложив на органы опеки и попечительства обязанность обращаться в суд с

иском о понуждении родителей осуществить государственную регистрацию ребенка;

2) ввести административную ответственность родителей за пропуск срока государственной регистрации рождения ребенка без уважительных причин.

Другой проблемой законодательства об установлении материнства является административный порядок его установления даже в тех случаях, когда ребенок рожден вне медицинского учреждения в присутствии свидетелей. Однако в этом случае возможно нарушение права ребенка знать своих родителей, воспитываться своими кровными родителями. Лица, присутствовавшие при родах, при подаче заявления не предупреждаются об уголовной ответственности за подачу заявления несоответствующего действительности и могут указать матерью совсем иное лицо. Такие злоупотребления могут преследовать различные цели: кражу ребенка, избежание процедуры усыновления, получение материнского капитала или других имущественных прав и льгот.

В этой связи считаю необходимым внести изменения в Семейный кодекс РФ и ФЗ «Об актах гражданского состояния», в соответствии с которыми отменить административный порядок установления материнства в отношении ребенка, рожденного вне медицинского учреждения, и ввести судебный порядок установления материнства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет ВЦИК И СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния». URL: http://uristu.com/library/sssр/ussr_108/
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.,1989.С.610.
3. ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 5 ноября 1997 года //СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990г.) // СПС «КонсультантПлюс».

А. А. Трищенко

старший преподаватель кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

В мировой экономике по-прежнему особое значение имеет фактор инновационного развития. Особенно он важен для современной России, где с инновациями - реальными, а не «имитацией бурной деятельности» а-ля пресловутое «Сколково» – пока еще все обстоит весьма и весьма неоднозначно.

Впрочем, как известно, были у нас и иные времена, когда шел бурный экономический рост, и предприятия в стране росли как грибы после дождя, те самые, 30-е годы, когда страна перешла к относительно современному «индустриализированному» экономическому укладу

В нашей исторической, экономической и даже юридической науке принято отмечать трудовой энтузиазм-героизм местного населения, которое, по мнению историков, особенно их «патриотически» ангажированного крыла, «все-как-один» шли на завод «в стахановцы» или «в колхоз» обеспечивать стахановцам-горожанам «хлеб насущный». И за счет этого героизма – часто вполне реального, собственно, и был сформирован промышленный потенциал СССР, который даже сегодня еще не разрушен полностью.

Есть одна проблема, о которой «ангажированные патриоты» стыдливо умалчивают. Вероятно, они представляют себе создание предприятий и «инновационную деятельность» примерно так. Необходимо просто собрать туда, где должны «вырасти» заводы и фабрики, как можно больше «стахановцев» или же как вариант принудительно загнать в какое-то определенное государством место толпы «заклоченных». И сразу же, в силу факта их присутствия там, куда их собрали с энтузиазмом и по доброй воле, или же там, куда их всех загнали принудительно, некое «предприятие» появится само собой.

К сожалению, никакая толпа народа, даже под угрозой расстрела или голодной смерти, неспособна исполнить ту самую команду: «Предприятие, стройся! Раз-Два!», которую так любят в своих фантазиях давать «персонажи», сами себе сочинившие картину инновационного предпринимательства, весьма-весьма отличающуюся от реального инновационного процесса.

По одной простой причине: для создания предприятия как *действующего имущественного комплекса* необходимо не только энное количество *рабочей* силы.

Предприятие - это, прежде всего, имущество: станки, оборудование, принадлежности, сырье и т. п. Хотя, конечно, без квалифицированного персонала, надлежаще обученного, «встроенного» в реальный производственный процесс и заинтересованного в его результатах, все вышеуказанное так и останется грудой неиспользуемого барахла.

Вышеуказанное имущество - не просто нечто собранное «сбору по сосенке, с миру по нитке», оно должно иметь сугубо целевое назначение и быть предназначено для вполне определенного использования.

А собственно *назначение* имущества, входящего в состав сего *имущественного комплекса*, связано с общим функционалом предприятия, с его производственными функциями, то есть каждый станок, машина, запчасть к ним и прочее играют свою специфическую роль в производственном процессе, который *кем-то* выстроен. Этот *кто-то* и является ключевой фигурой процесса инновационной деятельности. Ибо в его голове находится общая схема функционирования предприятия.

Этот же *кто-то* должен позаботиться и о персонале: о его обучении необходимым для производственного процесса профессиям и его удовлетворительном существовании в ходе производственной деятельности. Просто потому, что рассматривать сотрудников как одноразовый расходный материал экономически нецелесообразно. Естественно, в цивилизованных странах.

Предприятия создают профессионалы. И эти профессионалы современного уровня, в той стране, где мы живем, почти отсутствуют как класс.

Правда, их не было и в «сталинском» СССР. Откуда же взялись все те гиганты индустрии, что составили славу советской промышленности и позволили победить гитлеризм в Великой Отечественной войне?

Назовем только одно имя: Альберт Кан¹. Именно с помощью сотрудников его фирмы была создана система созидания «сталинского промышленного чуда». Его проектировщики предоставляли чертежи, делали «привязку» на местности заокеанских проектов и организовывали поставки оборудования под заранее разработанный и просчитанный производственный цикл подавляющего большинства значимых промышленных предприятий СССР 30-х гг. И делали все прочее, важное, интеллектуальное. Все, что требует умственных затрат. А местные рабочие были всего лишь исполнителями планов заокеанских организаторов советского производства.

Ответ на вопрос: для чего «американские империалисты» устроили в СССР, в «первом в мире социалистическом государстве», бум реальных производственных инвестиций, оставим за рамками нашего исследования. Просто потому, что ответ на него будет не слишком политкорректным и войдет в противоречие с большинством идеологем современной пропаганды и к тому же создаст другие мифологемы, новые, возможно, тоже не слишком близкие к реальности...

Самым же значимым в системе инновационной деятельности, на наш взгляд, следует считать технологии, являющиеся основой для производства товарной продукции и основанные на тех самых инновационных элементах, которые защищаются во всем цивилизованном мире как интеллектуальная собственность². В 30-е гг., в силу необсуждаемых наукой причин, американские организаторы советского «промышленного чуда» охотно передавали технологии, предоставляя лицензионные права на все объекты интеллектуальных прав вместе с предприятиями, так сказать, «в комплекте». Мысль о том, что каждый из таких объектов от изобретения до пресловутого «ноу-хау» чего-то стоит и сам по себе, лежала на поверхности совершенно невостребованная. Для чего утруждаться, оформляя отдельные права на

каждый объект, если все уже имеется и в комплекте? Логика железная, правда, исключительно в контексте того, что иностранный инвестор, ищущий не «быстрых денег», а чего-то иного, совершенно необсуждаемого современной российской наукой, готов весь этот комплект предоставить. Сейчас это оформили бы через заключение договоров франчайзинга³ и очень-очень дорого, да еще с «подвязкой» на закупку импортных запчастей и комплектующих.

Сейчас ситуация несколько отличается. Во всяком случае, большого наплыва американских организаторов производства, аналогичных Альберту Кану, не наблюдается. Вообще, иностранный инвестор нынче желает получить прибыль сразу, желательнее на самых ликвидных спекулятивных операциях, но под государственные гарантии и если готов предоставить пресловутую интеллектуальную собственность, невзирая на всем известные «экономические санкции», то исключительно «в розницу», что несколько дороже, чем в составе технологии полного цикла. К тому же все это требует наличия специалистов-технологов, знатоков производственного процесса, в который следует встроить приобретенное изобретение или иную интеллектуальную собственность.

В большинстве своем технологи знают специфику уже имеющихся технологических процессов. Соответственно, их знания, скорее, подходят для обновления уже существующих производств, а не для создания принципиально новых. Но, с другой стороны, даже обновление существующих производств новыми, сравнительно эффективными инновационными элементами - это какой-никакой, а шаг вперед или хотя бы попытка удержаться на месте в условиях нарастающей деградации.

Есть и другой источник инновационного разнообразия. Это собственное техническое творчество сотрудников предприятия на своем рабочем месте: изобретательская и рационализаторская работа, которая так ценилась в позднее советское время. По сравнению с готовыми технологиями, приобретаемыми в цивилизованных странах, это дешевле. Хотя есть шанс наткнуться на «изобретение велосипеда» и даже на проблемы с уже действующими

щими патентами при попытке использовать «наработки» собственных умельцев без выяснения их патентной «чистоты». Поэтому, увы, простая и по-настоящему эффективная система здесь никак не вырисовывается.

И все же, подобное творчество, безусловно, необходимо. Хотя бы для поддержания интеллекта в массах в условиях прогрессирующей культурной и нравственной деградации социума.

Однако капитализация результатов такого творчества возможна только в виде «служебных» объектов, исключительное право на которые, по умолчанию, принадлежит работодателю. И здесь как раз имеется ряд правовых, организационных и психологических проблем.

Первая. Это то, что действующее законодательство Российской Федерации не всегда предусматривает четкую процедуру оформления расклада по «служебному» объекту. К примеру, программы для ЭВМ и базы данных не «подвязаны» к конкретным требованиям ни в части оформления служебного задания со стороны работодателя, ни к ситуации отчетности работника о выполненной работе.

Несколько четче все это урегулировано в гл. 72 «Патентное право». Пункт 4 ст. 1370 ГК РФ гласит: «При отсутствии в договоре между работодателем и работником соглашения об ином (пункт 3 настоящей статьи) работник должен письменно уведомить работодателя о создании в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя такого результата, в отношении которого возможна правовая охрана». Уже что-то конкретное. Хотя законодатель мог бы и подробнее урегулировать процедуру оформления отношений между работником и работодателем в столь спорном вопросе. Естественно, с акцентом на толкование всех сомнений в пользу работника как заведомо слабой стороны этих специфических отношений.

Вторая проблема - это сложность проверки «патентной чистоты» общего направления поисков творческого состава.

И здесь мы имеем проблему организационного порядка, замкнутую на неразрешимых сложностях психологического плана. Дело в том, что современные российские предприниматели

ли рассматривают предприятие не как живой организм, который должен расти. Поэтому первыми под сокращение попадают все те, кто не приносит предпринимателю немедленных и очевидных выгод, в частности, патентные отделы и прочие, связанное с интеллектуальной собственностью. Так что проблема, кто же будет предупреждать местных энтузиастов о том, что не стоит «изобретать велосипед», не будет решена до тех пор, пока в стране не изменится экономическая и политическая власть. Но это нерешаемо, учитывая направление политического курса и кадровый состав тех, кто его реализует.

Третья проблема - стимулирование творческой деятельности местных специалистов, создающих так называемые служебные результаты: «служебные» изобретения, программы для ЭВМ, селекционные достижения и прочее. И здесь мы снова сталкиваемся со спецификой психологии российских бизнесменов и политиков, которые лоббируют их интересы.

Что объединяет пресловутого «либерала» и «патриота»?

Отношение к населению страны как к потребляемому и возобновляемому ресурсу.

В реалиях производственных отношений это выглядит так. «Либерал», дорвавшийся до «производственной» власти, *в принципе* не желает платить тем, кто на него работает.

У «патриота» все несколько иначе. Он считает, что местное население не только не должно получать адекватных денег за свой труд, но и должно, нет, обязано из того самого «патриотизма» трудиться бесплатно и с удовольствием.

Кстати, тот факт, что «минимальная оплата труда» в России до сих пор не дотягивает до прожиточного минимума, в принципе, можно считать юридически закрепленным актом геноцида местного населения.

Применительно к вопросу стимулирования местных рабочих и инженеров, вовлекаемых в инновационную деятельность в масштабах российского предприятия, эта специфическая психология российских предпринимателей проявляется во всей своей красе. И «либералы», и «патриоты» всерьез считают, что при создании «служебного» объекта работник всего лишь «отраба-

тывает зарплату», и никаких дополнительных выплат сотруднику, создающему инновационный элемент на производстве, не полагается.

Нужно отметить, что господствующая в России идеология не могла не отразиться на действующем законодательстве, которое, естественно, пишется в интересах правящего класса. Соответственно, всем сотрудникам, недоумевающим, а почему им за инновационное участие не положено доплат, руководители, как «либералы», так и «патриоты», вполне резонно могут заявить, что действующее законодательство не предусматривает создателям пресловутого «служебного» результата конкретных внятных выплат за факт создания.

Это их стандартное толкование, кстати, не укладывается в реальную канву действующего российского законодательства. Например, в гл. 70 «Авторское право», в ст. 1295 ГК РФ сказано, что «если работодатель... начнет использование служебного произведения или передаст исключительное право другому лицу, автор имеет право на вознаграждение. Автор приобретает указанное право на вознаграждение и в случае, когда работодатель принял решение о сохранении служебного произведения в тайне и по этой причине не начал использование этого произведения в указанный срок. Размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора - судом.»⁴, то есть закон, формально, признает права работника на вознаграждение.

То же можно сказать применительно, например, к случаям служебных изобретений. Согласно п. 4. ст. 1370 ГК РФ, «если работодатель получит патент на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец либо примет решение о сохранении информации о таких изобретении, полезной модели или промышленном образце в тайне и сообщит об этом работнику, либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам, работник имеет право на вознаграждение. Размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работни-

ком, а в случае спора – судом.». То же, вроде бы, закон стоит на страже интересов наемного работника.

Однако работодатели *всегда* в подобных ситуациях выкручиваются, ссылаясь на то, что *конкретные* выплаты этим законом непосредственно не предусмотрены, а «подвязаны» к некоему мифическому «договору» между работником и работодателем. Но обязанности заключать такой договор у них, у лиц, управляющих производством, нет, и сотруднику предлагают идти в суд. Понятно, что на этом сотрудничество с этим работником будет завершено. А как и когда выплаты «по суду» будут исполняться...

Общая атмосфера общественных отношений в России работает таким образом, что лица, находящиеся в зависимости от работодателей, воздерживаются от судебных баталий и поэтому часто не получают ничего за свои «инновации».

И что же мы можем настоятельно порекомендовать нашему законодателю?

В действующем законодательстве по вопросам интеллектуальной собственности есть весьма интересная норма. В гл. 73 «Право на селекционные достижения» имеется ст. 1430 «О служебном селекционном достижении». В п. 5 указанной статьи сказано, что «работник имеет право на получение от работодателя вознаграждения за использование созданного, выведенного или выявленного служебного селекционного достижения в размере и на условиях, которые определяются соглашением между ними, но не менее чем в размере, составляющем *2 процента* от суммы ежегодного дохода от использования селекционного достижения, включая доход от предоставления лицензий. Спор о размере, порядке или об условиях выплаты работодателем вознаграждения в связи с использованием служебного селекционного достижения разрешается судом».

На сегодняшний день вот такая ситуация существует на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации.

А ведь раньше все было несколько иначе. В эпоху поздней советской власти был принят Закон «Об изобретениях в СССР» от 31 мая 1991 г. № 2213-1. Некоторое время на территории Рос-

сии он даже действовал⁵. В ст. 34 этого закона указывалось, что, во-первых, предприятие - патентообладатель и предприятие - лицензиат выплачивают лицам (в том числе не работающим на данном предприятии), содействовавшим созданию и использованию изобретения, вознаграждение независимо от других видов выплат. И во-вторых, сумма вознаграждения, выплачиваемого за содействие созданию и использованию изобретения всем лицам, устанавливается в размере не менее *30 процентов* прибыли (соответствующей части дохода), получаемой предприятием от использования изобретения, а за изобретение, полезный эффект от которого не выражается в прибыли или доходе, - в размере не менее *4 процентов* от доли себестоимости продукции (работ и услуг), приходящейся на данное изобретение, и выплачивается в течение трех лет с даты начала использования изобретения⁶.

Можно вернуться к старому, советскому, законодательному варианту, распространить его как минимальные стандарты вознаграждения на создаваемые работниками предприятий служебные объекты авторского права, смежных прав, патентного права, и на прочие ситуации создания «служебных» объектов интеллектуальных прав для того, чтобы воистину эффективный сотрудник действительно получал свою долю в тех прибылях, что «гребет лопатой» его работодатель, независимо от того, остался ли он на предприятии, или уволился. На крайний случай, как самый неприятный для авторов вариант, можно установить, чтобы за те объекты, на которые не распространяются иные государственные гарантии минимального вознаграждения, оно, это минимальное вознаграждение, исчислялось бы как за служебные селекционные достижения.

Впрочем, власти Российской Федерации не забыли о таких моментах, как необходимость хоть как-то конкретизировать вопросы реализации весьма абстрактных и неконкретных норм Гражданского кодекса Российской Федерации о выплате вознаграждения авторам при создании служебных результатов. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 2014 г. № 512 были утверждены «Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полез-

ные модели, служебные промышленные образцы», согласно которым за создание служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца вознаграждение должно составлять 30 процентов средней заработной платы работника, являющегося автором служебного изобретения, за последние 12 календарных месяцев и 20 процентов средней заработной платы работника, являющегося автором служебной полезной модели, служебного промышленного образца, за последние 12 календарных месяцев, которая исчисляется на дату подачи работодателем заявки на получение патента на такие изобретение, полезную модель, промышленный образец, либо на день принятия им решения о сохранении информации о них в тайне, либо на день передачи работодателем права на получение патента другому лицу. При этом указанная выплата в зависимости от оснований возникновения права работника на вознаграждение осуществляется работодателем одновременно не позднее 2 месяцев со дня получения работодателем патента на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец либо со дня принятия им решения о сохранении информации о них в тайне, либо со дня передачи работодателем права на получение патента другому лицу, либо не позднее 18 месяцев с даты подачи заявки на получение патента на такие изобретение, полезную модель, промышленный образец в случае, если работодатель не получил патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам. За использование работодателем служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца работнику, являющемуся их автором, выплачивается отдельное вознаграждение в размере его средней заработной платы за последние 12 календарных месяцев, в которых такие изобретение, полезная модель, промышленный образец были использованы. Это вознаграждение выплачивается в течение месяца после истечения каждых 12 календарных месяцев, в которых использовались такие изобретение, полезная модель, промышленный образец.

Согласно этим же Правилам в случае предоставления работодателем иному лицу права использования служебного изобре-

тения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца по лицензионному договору работнику, являющемуся их автором, выплачивается вознаграждение в размере 10 процентов суммы обусловленного лицензионным договором вознаграждения. При этом выплата вознаграждения работнику, являющемуся автором таких изобретения, полезной модели, промышленного образца, осуществляется работодателем в течение месяца со дня получения им вознаграждения, обусловленного лицензионным договором, или части такого вознаграждения в случае, если лицензионным договором предусмотрена выплата в форме фиксированных разовых или периодических платежей, процентных отчислений от дохода (выручки) либо в иной форме.

В случае передачи работодателем иному лицу права на получение патента или исключительного права на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец по договору о передаче права на получение патента или договору об отчуждении исключительного права работнику, являющемуся автором таких изобретения, полезной модели, промышленного образца, выплачивается вознаграждение в размере 15 процентов предусмотренного договором вознаграждения в течение месяца со дня получения работодателем указанного вознаграждения⁷.

Это Постановление установило правило сугубо в отношении объектов «изобретательских» прав. Нормы, которые по умолчанию устанавливают минимальные гарантии для остальных авторов творческих «служебных» результатов, в законодательстве по-прежнему отсутствуют. Ну, кроме, естественно, тех самых издательских 2 %, установленных нашим «социально-ориентированным» законодателем для селекционных достижений.

И, кроме того, что мы видим в этом Постановлении правилтельства, если сравнить его с иными нормативными актами, особенно советского периода?

Мы видим, что правительство явно расщедрилось, по сравнению с нашим законодателем (согласитесь, 2 % и 10-15 % это значительная разница!), но как-то немножко не дотянуло до позднесоветских норм.

Да, согласно законодательству СССР требовалось выплачивать изобретателям 30 %! Нет, ни «либералы», ни «патриоты» такую сумму из своего кармана в пользу изобретателей не отдадут!

Но мы ведь помним, что правительство и законодатель в «социальном государстве» всегда действуют в интересах тех, кто владеет пресловутым «национальным богатством».

Sapienti sat - Разумному достаточно (в пер. с лат.).

¹ См. напр.: Меерович М. Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации // Архитектон: известия вузов. 2009. № 26. Электронная версия: URL: http://archvuz.ru/2009_2/10

Конкретные масштабы участия в советской индустриализации специалистов такого уровня были куда больше. Вот только СССР предпочитал официально отказываться от факта этой загадочной помощи со стороны «Дикого Запада». См. напр.: Хлестаковские откровения Альберта Кана // Архитектура СССР. 1938. № 10. С. 89.

Однако столь странная позиция формального «непризнания» факта массивной инновационной помощи СССР «из-за границы» вовсе не мешала, например, Красной Армии эксплуатировать в 30-х годах свыше 9 тыс. единиц лицензионных танков, созданных на базе английского образца «Виккерс» Mk.E, под маркой Т-26.

² Перечень указанных объектов дается в ст. 1225 ГК РФ. Сущностного определения интеллектуальной собственности российское законодательство на сегодняшний день не содержит.

³ Его аналог в Российской Федерации регламентируется главой 54 «Коммерческая концессия» ГК РФ .

⁴ Статья 1295 в ред. Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ.

⁵ Интересующая нас норма, а именно ст. 34, была признана утратившей силу Федеральным законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ с 1 октября 2014 г. В настоящее время действуют «Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 4 июня 2014 г. № 512. О них будет сказано ниже.

⁶ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 25. Ст. 703.

⁷ Собрание законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 2998.

С.Н. Бердышева

аспирант

Удмуртского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В 2012 г. Министерством образования и науки РФ был проведен комплекс мероприятий по мониторингу деятельности государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования и их филиалов в целях реализации абз. 4 пп. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», п. 3 поручения Председателя Правительства РФ от 17 мая 2012 г. №ДМ-П8-2804. В результате мониторинга образовательные организации высшего профессионального образования и их филиалы были поделены на две категории: эффективные и неэффективные.

Проведение мониторинга в сфере функционирования и развития системы высшего профессионального образования, с одной стороны, обоснованно в современном социуме. Тем не менее следует обратить внимание на то, что его реализация обусловила появление новых проблем и вопросов, связанных не только с обоснованностью критериев мониторинга эффективности деятельности высшей школы, но и с процессом исполнения планов мероприятий, включая реорганизацию, по образовательным организациям, отнесенным к группе не прошедших мониторинг.

В частности, каков механизм разрешения последствий реорганизации образовательных организаций высшего профессионального образования; в какой форме должен проходить отказ от реализации программ высшего профессионального образования при реорганизации вуза? В случае, если осуществляется перевод студентов из реорганизованного вуза, на каких условиях им предоставляются льготы? Каков механизм повышения качества образования, и в каком значении рассматривается «качество»? Правовые рамки, определяющие права и свободы студентов и

преподавателей реорганизуемых вузов, на наш взгляд, на сегодняшний день явно недостаточны.

Согласно Порядку и условиям перевода, утвержденному Приказом Министерства образования и науки РФ от 14.08.2013 г. №957, перевод осуществляется учредителем организации только с письменного согласия студента (или его родителя, если студент является несовершеннолетним) на ту же специальность, профессию, срок, курс и форму обучения с сохранением основы и стоимости обучения. При этом у студентов есть возможность на основании письменного заявления перевестись в новую организацию с изменением профессии, специальности по правилам перевода из одной организации в другую, реализующую соответствующие образовательные программы. Прежде чем начать осуществлять перевод студентов, принимающая организация предварительно получает информацию о списочном составе обучающихся с указанием осваиваемых ими профессий, специальностей среднего профессионального образования и специальностей, направлений подготовки высшего образования, а также условий их обучения по аккредитованным образовательным программам. Далее учредитель организации запрашивает выбранные им из Реестра образовательные организации о возможности перевода в них обучающихся с указанием условий их перевода, в том числе с указанием, при наличии, объемов финансового обеспечения образовательной деятельности, в пределах которых осуществляется обучение. В течение 10 дней организация, получившая запрос, должна дать ответ о принятии обучающихся или отказе им в переводе. При положительном ответе организация в течение 10 рабочих дней с момента получения ответа при участии студенческого совета доводит до сведения обучающихся информацию об организациях, которые дали согласие на перевод обучающихся из организации, а также о сроках предоставления письменных согласий лиц на перевод в принимающую организацию. После получения письменных согласий организация издает приказ об отчислении обучающихся в порядке перевода в принимающую организацию с указанием основания такого перевода. В случае отказа от перевода в предложенный вуз студент указывает это в письменном заявлении, а

организация не несет ответственности за перевод такого обучающегося. В данном случае можно констатировать ущемление конституционных и образовательных прав студентов в праве и свободе выбора профессии, выборе образовательного учреждения и т.д. Введение такой нормы на самом деле вынуждает студента согласиться и перейти в другое учебное заведение, порождает отсутствие права учиться в другом учебном заведении. Соблюдается ли в таком случае принцип справедливости и равной возможности обучения? Возможно, что нет или его реализация является затруднительной. Хотя предполагалось, что процесс реорганизации и объединения неэффективных вузов не отразится на интересах студентов, все получают возможность завершить обучение.

Следует отметить, что если предложенный вуз находится не в том городе, где проживает обучающийся, и у студента нет возможности учиться в другом городе (например, нет средств), то непонятно, как будет реализована возможность завершить обучение. При этом некоторые студенты оценивают положительно реорганизацию вузов и даже задают вопросы о возможности получения дипломов уже реорганизованных вузов, что можно увидеть в разделе «Горячая линия по вопросам реорганизации» на сайте одного уже реорганизованного вуза – Российского государственного торгово-экономического университета.

Рассмотренный выше порядок применялся, например, при переводе студентов из РГТЭУ в РЭУ им. Г.В. Плеханова (реорганизация завершилась в апреле 2014 г.). При этом РГТЭУ обращался в суд о незаконном принятии решения об его реорганизации. Также реорганизация по результатам мониторинга проводится у Коми государственного педагогического университета, который был присоединен к Сыктывкарскому государственному университету. При этом при реорганизации вузов поступали многочисленные вопросы от студентов и их родителей по процедуре перевода. Например, какие дипломы будут выдавать, будут ли сохранены стипендии, будет ли сохранена та специальность, на которую поступали, дипломы какого вуза будут получать, к какому факультету будут отнесены студенты, если такого нет в принимающем их вузе, вопросы продолжения обучения, изменится ли размер стоимости обучения, планируется ли со-

крашение преподавателей реорганизуемых вузов, нужно ли будет студентам РГТЭУ сдавать разницу в программах, вопрос о территориальном размещении филиала, продолжатся ли реализовываться международные программы, которые реализовывались ранее, и многое другое [1].

При решении вопросов о правомерности ликвидации и реорганизации образовательного учреждения должны также учитываться положения ст. 13 Федерального закона от 24.07.1998 № 124ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно п. 2 ст. 13 которого принятие решения о реорганизации или ликвидации объекта социальной инфраструктуры для детей не допускается без предварительной экспертной оценки последствий принятого решения для обеспечения жизнедеятельности, образования, воспитания. В случае отсутствия экспертной оценки такое решение признается недействительным с момента его вынесения. Следовательно, в дополнение к общему порядку реорганизации и ликвидации образовательного учреждения должно быть соблюдено требование о проведении уполномоченным органом экспертной оценки последствий решения о ликвидации государственного или муниципального образовательного учреждения для детей. Отсутствие такой оценки означает, что решение о ликвидации образовательного учреждения (в равной степени и филиала образовательного учреждения) как объектов социальной инфраструктуры для детей является недействительным, то есть не порождающим правовых последствий, с момента его вынесения. В субъектах РФ в настоящее время утверждается порядок проведения оценки последствий принятия решения о реорганизации образовательной организации, находящейся в ведении субъекта, включая критерии данной оценки (например, Приказ Министерства образования и науки Удмуртской Республики от 14.04.2014 г. № 347).

В настоящее время во всех субъектах Российской Федерации созданы консультационные центры для поддержки студентов и работников образования при оптимизации, реорганизации или ликвидации вузов. В их задачи входит оказание обучающимся юридической, социальной и психологической помощи. Они также призваны следить за соблюдением прав студентов и

преподавателей при оптимизации, реорганизации или ликвидации вузов. Первый из таких центров был создан в Челябинске на базе ЮУрГУ. Пока многие вопросы правового положения этих центров, их финансирования, места в структуре вузов не урегулированы. В перспективе федеральная служба по надзору в сфере образования и науки совместно с Министерством образования и науки России разработает региональные программы поддержки студентов тех вузов, которые были лишены лицензий минувшей осенью (они помогут завершить им обучение). Одна из первых таких программ должна быть запущена в Республике Коми.

Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего профессионального образования в качестве одного из его последствий предполагает оптимизацию вузов и их филиалов, не добившихся положительных показателей по большинству критериев эффективности своей деятельности. В этом случае они разрабатывают программы оптимизации своей деятельности, подлежащие утверждению учеными советами вузов. В программах должны предусматриваться конкретные мероприятия, направленные на достижение пороговых значений показателей мониторинга, и сроки их реализации. Предполагается, что в результате реализации этих программ такие вузы и филиалы существенно ускорят свое развитие и перейдут в категорию эффективных.

Необходимо отметить, что процедура проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего профессионального образования, его критерии и последствия пока еще далеки от совершенства, они ежегодно меняются и, на наш взгляд, недостаточно проработаны с точки зрения юридической обоснованности.

На это косвенно указывают судебная практика и многочисленные письменные обращения в государственные органы. В частности, в федеральную службу по надзору в сфере образования в 2013 г. поступило 8 883 письменных обращений по вопросам организации функционирования образовательных организаций, в том числе, вопросам их реорганизации и ликвидации. Так, например, студент Санкт-Петербургского вуза обратился в суд с иском о возмещении морального вреда и убытков, понесенных в

результате реорганизации образовательного учреждения. Но поскольку он был отчислен по собственному желанию, в суд доказательств о некачественном обучении предоставить не смог, претензий к вузу в течение всего срока обучения у него не было, Санкт-Петербургский городской суд вынес решение об отказе в удовлетворении его требований (апелляционное определение от 9 апреля 2013 г. № 33-4729/2013).

Реорганизация вузов проводилась и до мониторинга образования. Но как таковой особой судебной практики в этом направлении нет. Одним из немногих решений является решение Верховного Суда РФ от 13 августа 2003 г. № ГКПИ2003-703, где истцы оспаривали распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2003 г. № 553-р «О преобразовании Иркутского юридического института Генеральной прокуратуры РФ в Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ». В указанном решении суд исходил из того, что доводы заявителей о нарушении их права на образование в избранном ими учебном заведении, нарушение принципов непрерывности и преемственности процесса образования не являются основанием к удовлетворению их требований, поскольку указанные ими права должны реализовываться в рамках действующего законодательства. Суд также в своем решении указал, что при этом осуществление прав заявителей на получение образования не должно нарушать прав и свобод других лиц и ограничивать Правительство Российской Федерации в реализации полномочий [2]. Вместе с тем открытым остается вопрос о том, как был бы разрешен настоящий спор, если бы он не затрагивал полномочия Правительства РФ.

Следует отметить, что сами вузы не отказываются помогать студентам, идут им навстречу и решают проблемы с переводом, однако в отсутствие четкого отлаженного механизма, опыта по обеспечению прав студентов при реорганизации образовательного учреждения ректоры сталкиваются с многочисленными проблемами в реализации правовых норм.

Изменения гражданского законодательства и законодательства об образовании в основном направлены на провозглашение прав участников реорганизации образовательного учреждения,

оставляя пробел в более детальном регулировании защиты прав и интересов субъектов реорганизованного вуза. Полагаем, что для решения указанных выше проблем необходимо следующее:

1) реорганизация образовательного учреждения высшего профессионального образования должна осуществляться открыто;

2) решение о реорганизации образовательного учреждения должно приниматься заблаговременно, готовиться к нему необходимо заранее;

3) существенным условием должна быть свобода выбора вариантов реализации прав и интересов студентов и работников, а также обязательное их уведомление о последствиях реорганизации вуза;

4) необходимо разработать рекомендации по поэтапному проведению процесса и комплексному проектному осуществлению реорганизации вузов;

5) студенту должна быть предоставлена свобода в выборе образовательной организации в случае его отказа от предлагаемой организации;

6) необходимо предоставить студенту и сотрудникам ликвидируемых и реорганизуемых образовательных организаций государственное социальное страхование.

Всё вышеперечисленное даёт нам основания утверждать, что модернизация норм гражданского права в сфере образования необходима в современных экономических условиях и диктуемых обществом и государством требованиями, поэтому надеемся, что решение рассмотренных вопросов вскоре будет найдено.

* * *

1. Горячая линия по вопросам реорганизации. URL: <http://www.rsute.ru/Pages/hotline.aspx>

2. Определение Верховного Суда РФ. Дело № ГКПИ 2003-703.
URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_29144.htm

С.Н. Ерманова

соискатель кафедры гражданского права

Удмуртского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИБРЕТАТЕЛЯ

Часто в повседневной жизни вещи выбывают из обладания собственника и перемещаются в рамках гражданского оборота от одного владельца к другому. Характерной чертой такого перехода является то, что приобретатели в момент заключения договора купли-продажи могут не знать об отсутствии правомочия распоряжения вещью и добросовестно предполагают собственника в лице продавца.

Современное гражданское законодательство ограничивает возможность истребования вещи у добросовестного приобретателя в соответствии со ст. 302 ГК РФ, согласно которой если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли. При этом для отказа в удовлетворении виндикационного иска собственника необходимы две предпосылки: во-первых, передача объекта добросовестному приобретателю должна быть возмездной, во-вторых, вещь должна выпасть из обладания собственника по его воле или воле лиц, которым он вверил соответствующее имущество. Такие необходимые условия вытекают из анализа п. 1 ст. 302 ГК РФ.

Законодательная конструкция ограничения виндикации собственника позволяет сделать два взаимоисключающих друг друга вывода.

Возможным толкованием данного законоположения является предоставление незаконному владельцу (а именно так можно охарактеризовать добросовестного приобретателя, если не признать за ним какого-либо вещного права) возможность на закон-

ном основании удерживать свое фактическое господство над вещью посредством заявления возражения против иска собственника о возмездности приобретения вещи и собственной добросовестности [1. С. 113]. Сторонниками такой точки зрения являются, в частности, О.Г. Ломидзе [2. С. 216.], К.И. Скловский [3. С. 19-20], С.В. Моргунов [4. С. 7] и другие.

Основанием для отказа в признании за добросовестным приобретателем какого-либо права на вещь является то, что неуправомоченное лицо не может передать титул вещи другому лицу. Такой вывод является следствием древнеримского правила: *«nemo plus juris ad alienum transferre potest quam ipse habet»* («никто не может передать другому больше прав на вещь, чем имеет сам»). Спорность вопроса о приобретении права собственности добросовестным приобретателем на вещь подчеркивал дореволюционный цивилист А.И. Лыкошин. Ученый указывал на то обстоятельство, что сделки, заключенные между двумя сторонами, не могут нарушать прав третьих лиц и, соответственно, не могут лишить собственника принадлежащего ему права [5. С. 26.].

В современной юридической литературе имеются указания на то, что защита против виндикационного иска по ст. 302 ГК РФ в системном толковании со ст. 234 ГК РФ дает основания для вывода о том, что добросовестный приобретатель имеет владение вещью [6. С. 134]. Следствием признания за добросовестным приобретателем фактического владения и отказа собственнику в истребовании вещи является установление давностного владения добросовестного приобретателя над объектом владения. Итогом судебного разбирательства, в котором собственнику отказывают в истребовании из чужого незаконного владения вещи, является констатация добросовестности приобретателя имущества, что, в свою очередь, является одним из необходимых условий для установления давностного владения и впоследствии по истечении определенного законом срока перехода добросовестного владения в право собственности на вещь.

Необходимо отметить, что виндикация, если рассматривать ее в историческом развитии, прошла путь от неограниченной возможности возвращения вещи во владение к ее ограничению в

более позднюю эпоху [7. С. 68, 79-93]. В римском праве возврат вещи собственнику не знал каких-либо ограничений, что особенно прослеживалось в правиле «*ubi rem meam invenio, ibi vindico*» («где мою вещь нахожу, там ее виндицирую»). Правила «*ubi rem...*» и «*nemo plus juris...*» теснейшим образом связаны друг с другом, именно поэтому в Древнем Риме конструкция виндикационного иска обеспечивалась в полной мере, даже в случае выбытия вещи из владения собственника по его или против его воли [8. С. 79]. Дальнейшая рецепция римского права в Средневековье определила формирование права с учетом складывающихся экономических отношений. Именно в то время были сформулированы принципы ограничения виндикации, которые встречаются в современных законодательствах. В настоящее время практически все современные правопорядки восприняли принцип *hand wanne hand* в качестве модели ограничения виндикации [9. С. 215-227], основной целью которого на всех этапах развития правопорядка является защита интересов оборота [10. С. 282].

Вторым возможным толкованием положений ст. 302 ГК РФ является признание за добросовестным приобретателем права собственности на вещь.

Сторонником указанной точки зрения, в частности, является Д.О.Тузов [11. С. 4-6]. В этом смысле положения ст. 302 Кодекса не являются для российского правопорядка новыми, так как в свое время еще Б.Б. Черепахин указывал, что ст.183 ГК РСФСР 1922 г. «знает случаи, когда добросовестный возмездный приобретатель от неуправомоченного отчуждателя приобретает именно право собственности» [12. С. 218].

Значительным шагом в укреплении позиции добросовестного приобретателя можно считать Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А.Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» (далее по тексту – Постановление КС РФ № 6-П) [13]. Конституционный Суд РФ в постановлении признал невозможной подачу собственниками исков о применении реституции в то время, когда владелец имущества отвечает

признакам добросовестного приобретателя, закрепленным в ст. 302 ГК РФ.

Конституционный Суд РФ признал наличие особого субъективного права добросовестного приобретателя, однако не раскрыл его содержание, признав, что владельцам и пользователям вещей должна быть гарантирована государственная защита их прав. Однако такое толкование ст. 302 ГК РФ поставило перед юридической наукой новые вопросы: в частности, вопрос о природе имущественного права добросовестного приобретателя.

Следующим шагом в укреплении защиты добросовестных приобретателей стало принятие Федерального закона от 30.12.2004 № 217-ФЗ²⁶⁵, внесшего изменения в ст. 223 ГК РФ. Статьей 223 Кодекса (в редакции названного федерального закона) предусматривается, что недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю (п. 1 ст. 302) на праве собственности с момента такой регистрации, за исключением предусмотренных ст. 302 ГК РФ случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя.

Решительным шагом в деле укрепления позиции добросовестного приобретателя стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Указанным постановлением признано, что добросовестный приобретатель имеет право собственности на объект приобретения.

Согласно п. 13 Постановления Пленума № 10/22 недвижимое имущество принадлежит добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации его права в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. Право собственности на движимое имущество возникает с момента возмездного приобретения объекта приобретения. Причем обязательно, чтобы вступило в законную силу решение суда об отказе первоначальному собственнику в истребовании вещи. Право собственности возникает и в случаях, когда прежний собственник в суд не обращался.

Для последующего анализа рассмотрим вопрос защиты добросовестного приобретателя в рамках судебного процесса. Как указано в ст. 265 Федерального закона от 30.12.2004 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (СЗ РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 43), Постановлении Пленума № 10/22, добросовестный приобретатель является собственником движимого имущества с момента его приобретения - возмездного получения объекта в собственное владение; право собственности на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации права в ЕГРП.

Виндикация представляет собой иск невладельца к владельцу несобственнику. Для активной легитимации истца, таким образом, необходимо установить право собственности на объект спора. Установление права собственности не составляет большого труда в спорах с недвижимостью, так как регистрация прав значительно упрощает способ доказывания правового титула на вещь. Другое дело вещи движимые, доказать право собственности на которые значительно сложнее. Добросовестный приобретатель, в свою очередь, обязан доказать три факта: во-первых, свою добросовестность (В то же время в литературе встречается мнение, согласно которому добросовестность приобретателя должна презюмироваться [14]), во-вторых, возмездность приобретения, в-третьих, получение вещи во владение. При доказывании этих фактов следует говорить о том, что виндикация от добросовестного приобретателя невозможна ввиду того, что такой субъект обладает правом собственности на объект спора, в случае если вещь выбыла из обладания собственника или лица, которому собственник передал вещь, по их воле.

С одной стороны, истец доказывает право собственности, с другой – добросовестный приобретатель доказывает добросовестность и возмездность приобретения. В случае, если добросовестный приобретатель доказал все необходимые факты, следует говорить о том, что истец является субъектом, утратившим право собственности на вещь, и, таким образом, отказ истцу в удовлетворении иска возможен только по одной причине – ввиду от-

сутствия права на вещь, а не в связи с добросовестностью ответчика. Бывший собственник не имеет материально-правового иска против добросовестного приобретателя ввиду отсутствия защищаемого права. Действительно, при утрате права собственности на вещь нельзя говорить о том, что какие-либо иные права бывшего собственника являются нарушенными. В судебном процессе, таким образом, принимают участие на стороне истца несобственник, а на стороне ответчика – собственник объекта спора. Очевидно, что иск не подлежит удовлетворению.

Судебное решение в таком случае не устанавливает право собственности добросовестного приобретателя на объект спора, так как право собственности у такого лица возникает не в силу судебного признания, а связано с совокупностью юридических фактов, с которыми закон связывает возникновение права собственности у добросовестного приобретателя (сложный юридический состав).

Если признать за добросовестным приобретателем фактическую природу его позиции, то следует указать, что в качестве основания для отказа в удовлетворении иска может выступать только добросовестность приобретения. В римском праве соответствующая ситуация разрешалась следующим образом. Добросовестный приобретатель получал владение вещью, а не держание (*demenio*), независимо от того, кто являлся отчуждателем вещи. Такое владельческое состояние предполагало, во-первых, возможность защиты приобретенного владения с помощью посессорных интердиктов, во-вторых, покупатель мог рассчитывать на получение права собственности по приобретательной давности [6. С. 132-133].

Что касается добросовестности, то судебная практика, как и доктрина гражданского права, усматривает добросовестность в основании возникновения владения, причем добросовестность обеспечивается не только субъективным осознанием лица собственником имущества, но и объективными условиями, в которых приобретение имущества происходило [15. С. 388]. По общепринятому мнению, под добросовестностью следует понимать основательную субъективную убежденность лица в правомерности своего объективно неправомерного поведения [16. С.12].

Вопрос добросовестности субъекта гражданских правоотношений является довольно сложным для его разрешения. Связано это с тем, что «добросовестность» - понятие сугубо фактическое, определяемое в соответствии с конкретными обстоятельствами дела и не связанное с юридической грамотностью участников оборота. Установление порочности в действиях приобретателя может зависеть от конкретных условий, в которых заключался договор, от поведения продавца и т. д. Учитывая то, что добросовестность определяется на момент совершения сделки, в литературе справедливо отмечается, что добросовестность в действительности является атрибутом не владения, а приобретения [17. С. 48].

В соответствии с п. 3 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимости от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. К.И. Скловский указывает, что при буквальном толковании данной нормы следует, что закон устанавливает презумпцию добросовестности лишь для лиц, имеющих право, и учитывая то, что приобретатель собственником не является, да и вообще каких-либо имущественных прав на вещь не приобретает, юридически его можно охарактеризовать не иначе как «фактического владельца». Таким образом, уважаемый автор дела делает вывод об обязанности доказывания своей добросовестности приобретателем, так как под защиту ставится не право [18. С. 283].

Следует согласиться с мнением К.И. Скловского о том, что приобретатель обязан доказывать собственную добросовестность, но не по тем мотивам, из которых исходит уважаемый цивилист: приобретатель обязан доказывать свою добросовестность в силу общего правила о бремени доказывания. Кроме того, следует подчеркнуть, что в ст. 10 ГК РФ речь идет об осуществлении права, а не о его приобретении (что происходит в случае с добросовестным приобретателем). Таким образом, ссылка на ст. 10 Кодекса неудачна.

Вывод о необходимости доказывания приобретателем собственной добросовестности подтверждается судебной практикой. Несмотря на то что в Постановлении Пленума Верховного

Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ №10/22 добросовестный приобретатель признается собственником приобретенного имущества, в п. 38 Постановления указано на обязанность доказывания приобретателем собственной добросовестности, то есть того, что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности, принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества. Указанное разъяснение в литературе предлагается квалифицировать как введение в гражданский оборот презумпции недобросовестности приобретения имущества от неуправомоченного приобретателя [19. С. 19-20].

Если следовать первому возможному толкованию ст. 302 ГК РФ, приведенному выше, то следует констатировать, что установленная конструкция ограничения виндикации, по сути, предоставляет защиту своего владения лицу, не имеющему какого-либо титула на вещь, то есть незаконному владельцу, посредством заявления о своей добросовестности. Следствием отказа истцу в иске является установление (продолжение) давностного владения объектом приобретения. Причем давность в таком случае берет начало не с момента принятия решения, а с момента приобретения имущества, так как именно в указанный момент субъект отвечает признакам давностного владельца. Судебное решение в таком случае является официальным актом, подтверждающим установившееся фактическое добросовестное владение объектом приобретения. Однако при таком подходе возникает вопрос о том, считается ли такое владение давностным, ведь с начала судебного процесса отпадает добросовестность владения, так как добросовестный приобретатель узнает об отсутствии титула на вещь у отчуждателя вещи, тем самым осознавая себя в качестве незаконного владельца. Безусловно, добросовестное давностное владение продолжается, так как добросовестность должна устанавливаться на момент приобретения. Основанием такого вывода является правило о том, что никто не может поменять основание приобретения собственного владения. Владение, приобретенное добросовестно, продолжает счи-

таться добросовестным в течение всего давностного срока, если закон не устанавливает иные последствия.

Отметим, что подход, согласно которому добросовестный приобретатель имеет фактическое обладание вещью, характеризуется рядом негативных последствий. Во-первых, вещь фактически выбывает из оборота, так как добросовестному владельцу необходимо дожидаться истечения давности, чтобы стать титульным владельцем вещи и приобрести вместе с тем возможность юридического распоряжения вещью. Если добросовестный владелец отчуждает вещь, то ее приобретатель также не получает статус собственника, так как на стороне отчуждателя отсутствует законная возможность распоряжения вещью. Во-вторых, остается неизвестной судьба собственника, которому отказано в истребовании вещи. С одной стороны, такой субъект имеет субъективное право на вещь, с другой - практическая реализация восстановления владения законными способами отсутствует. В таком случае следует говорить о наличии «голового» права собственности, без возможности использовать весь юридический потенциал правомочий собственника.

Кроме того, согласно буквальному смыслу ст. 234 ГК РФ, давностный владелец может защищать свое владение лишь против лиц, имеющих равное по силе или слабейшее право на объект владения. Оставляя за собственником наличие субъективного права на вещь, такое лицо, безусловно, имеет большее по силе право, чем фактическое владение. Давностный владелец не может защищать свое владение от собственника.

Очевидно, что посредством заявления о собственной добросовестности лицо, если не признавать в лице добросовестного приобретателя собственника, защищает собственное незаконное владение, однако такой способ защиты нельзя назвать владельческим в силу нескольких причин.

Во-первых, защита осуществляется не в рамках требования о возврате вещи, как при классической посессорной защите, а выглядит скорее как эксцепция (возражение) против иска, исключающая удовлетворение последнего и направленная на удержание владения.

Во-вторых, различен и предмет доказывания. Защита приобретателю предоставляется, только если такой субъект докажет собственную неосведомленность по поводу отсутствия правомочий у продавца на отчуждение вещи.

Третье отличие является следствием второго и заключается в том, что посессорная защита предоставляется всякому лицу, пусть и незаконно получившему вещь. Конструкция ст. 302 ГК РФ предоставляет защиту лишь добросовестному приобретателю.

Также добросовестный приобретатель в рамках судебного процесса может выступать исключительно в качестве ответчика, так как именно из его незаконного владения истребуется вещь. В рамках посессорного процесса процессуальные роли субъектов будут иными.

По нашему мнению, более правильной является позиция, отраженная в Постановлении Пленума № 10/22, в котором указано на то, что добросовестный приобретатель обладает правом собственности на объект приобретения. Такой подход соответствует нуждам оборота и его стабильности, а также современной зарубежной практике, ведь по указанию В.А. Слыщенко, континентальные законодательства санкционировали приобретение добросовестным приобретателем права собственности от несобственника, но лишь при условии получения первым владения [6. С. 134]. В то же время современные континентальные правовые ряды расходятся в вопросе о том, является ли добросовестное приобретение первоначальным или производным способом приобретения права [20. С.240].

В связи с изложенным целесообразно, как это подчеркивается в литературе, дополнить ст. 218 ГК РФ положением о приобретении добросовестным приобретателем права собственности при наличии предусмотренных ст. 302 Кодекса оснований для отклонения иска собственника [21. С. 184].

Однако толкование, данное в Постановлении Пленума № 10/22, невозможно признать окончательным решением проблемы, ведь утвержденные судебными инстанциями положения представляют собой толкование норм права. В любом случае существование двух различных точек зрения на последствия добросовестного приобретения вещи от неуправомоченного от-

чуждателя определяет необходимость законодательного решения указанной проблемы, поскольку, как правильно указывал в свое время И.А. Покровский, «никакое решение отдельного судьи не будет иметь тот авторитет, каким обладала бы норма, установленная законом» [22. С. 103].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толчеев Н.К., Потапенко С.В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности. М., 2007. С.113.
2. Ломидзе О.Г. Правонаделение в гражданском законодательстве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 216.
3. Скловский К.И. Защита права собственности и других вещных прав: вопросы практики // Хозяйство и право. 2010. № 7. С. 19-20.
4. Моргунов С.В. Применение иска о признании права собственности на имущество и отграничение его от других вещно-правовых способов защиты права собственности // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2010. № 4. С. 7.
5. Лыкошин А.И. Об отыскании недвижимых имений из чужого владения // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. Кн. 4. С. 26.
6. Слыщенко В.А. Договор купли-продажи и переход права собственности: сравнительно-правовое исследование. М.: Статут, 2011. С. 134.
7. Grimm D.D. Очерки по учению об обогащении. Вып. 1. Дерпт, 1891. С. 68, 79-93.
8. Мурзин Д.В. Добросовестное приобретение имущества по договору // Проблемы теории гражданского права / Институт частного права. М.: Статут, 2003. С. 79.
9. Трепицын И.Н. Основание принципа *hand wanne hand* // Закон. 2011. № 1. С. 215-227.
10. Черепяхин Б.Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 282.

11. Тузов Д.О. Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя (окончание) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 2. С. 4-6.
12. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 218.
13. Постановление Конституционного суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // СЗ РФ. 28.04.2003. № 17. Ст. 1657.
14. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 2. С. 29.
15. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: умность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 388.
16. Богданов Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С.12.
17. См.: Скловский К.И. О виндикации права // Хозяйство и право. 2010. № 4. С. 48.
18. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут, 2004. С. 283.
19. Супрун В.В. Влияние неосведомленности субъектов на их правовое положение в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов /н Д, 2011. С. 19-20.
20. Влиет Л.П.У. ван. Сравнительно-правовые аспекты перехода прав на движимые вещи: классификация систем перехода прав // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2011. С.240.
21. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. М.: Юрист, 2007. С. 184.
22. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 103.

И. В. Овчинников

аспирант

Удмуртского государственного университета

О ГЕНЕЗИСЕ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРА

Авторское право, как и право интеллектуальной собственности, представляет собой относительно молодой институт по сравнению с основным массивом гражданско-правовых норм, берущих начало в римской юридической традиции. Корпус норм, посвященных личным неимущественным правам автора¹, выделяется даже на этом фоне, так как твердое представление об их составе и их юридической природе более или менее сложилось в романо-германском праве лишь к началу XX в. В связи с этим вопрос о генезисе моральных прав автора представляет не только исторический и теоретический, но и сугубо практический интерес, позволяя лучше понять современный механизм их охраны, его достоинства и недостатки.

Следует отметить, что некоторые исследователи описывают личные неимущественные права автора как исторически первую категорию субъективного авторского права [1. С. 138], которая естественным образом стала признаваться с появлением письменности и предшествовала экономическим правам на произведение, возникшим с момента изобретения книгопечатания [2. С. 247]. Несомненно, что авторство и авторская репутация как социальные институты имеют очень древние корни. Однако сами по себе они никак не определяют генезис моральных прав как правового понятия. Нельзя представить дело и так, что их зарождение является следствием эволюционного процесса, в ходе которого любая правовая система, достигнув определенного этапа своего развития, предоставляет защиту уже не только экономическим, но и персональным интересам личности, с неизбежностью порождая моральные права.

Примером, подтверждающим ложность данного предположения, может служить англо-американское право. Из четырех крупнейших стран, представляющих его (США, Канада, Австра-

лия, Великобритания), лишь в Канаде моральные права автора получили защиту в тот же момент, что и в континентально-европейском праве. Несмотря на отсутствие соответствующих положений в позитивном праве, канадские суды уже в первой четверти XX в. признавали неимущественный аспект авторского права [3]. Канада была также и первой из стран англо-американского права, которая ввела в свое законодательство нормы об охране моральных прав [4]. Это произошло в 1931 г. – почти сразу после пересмотра Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (Бернская конвенция) и включения в нее в 1928 г. ст. 6bis, посвященной моральным правам автора.

Что же касается остальных перечисленных стран, то ни одна из них не признавала за автором моральных прав до конца XX в., когда сначала в Великобритании (ст. 77-89 Закона об авторском праве, дизайне и патентах 1988 г.) [5], а затем в США (Закон о правах авторов произведений изобразительного искусства 1991 г.) [6] и Австралии (Закон о моральных правах 2000 г.) [7] были приняты нормы, базирующиеся на тексте ст. 6bis Бернской конвенции и весьма далекие от уровня охраны моральных прав, свойственного романо-германскому праву.

Такое положение дел объясняется, разумеется, не «неразвитостью» англо-американского права, а чуждостью моральных прав для характерной ему системе авторского права (системе *copyright*). С этой точки зрения находит объяснение и исключительное положение Канады, в силу очевидных причин испытывавшей влияние французской цивилистической традиции и потому более склонной к признанию за автором моральных прав.

История английского права знает случай, который мог бы привести к появлению в системе *copyright* моральных прав. В ходе широко известного в английской юриспруденции дела *Millar v. Taylor* 1769 г. Судом королевской скамьи рассматривался вопрос о том, имел ли автор, помимо предусмотренного Статутом Анны 1710 г. (Статут Анны) имущественного права на печать книг, еще и некое естественное право на неопубликованное произведение, не ограниченное установленным данным Стату-

том сроком охраны; если же имел, то прекращалось ли оно после опубликования. Лорд Мэнсфилд, один из судей, принимавших решение по данному делу, аргументировал его существование (в том числе и после опубликования) тем, что в противном случае автор «больше не хозяин своего собственного имени. Он не обладает контролем над своим произведением. Он не может предотвратить его искажение. Он не может исправить ошибки. Он не может изменить его или запретить некорректное издание. Любой может напечатать и тем самым увековечить недостатки произведения, обеславив автора против его воли; распространять от лица автора мнение, которое тот не разделяет, в котором раскаивается или которого стыдится. Автор не имеет свободы выбора способа, которым произведение будет опубликовано, или лица, которым оно будет опубликовано» [8].

Данная аргументация уже содержала в себе, как мы видим, первичные формулировки всех современных личных неимущественных прав (права авторства, права на авторское имя, прав на обнародование, неприкосновенность и отзыв произведения). В дальнейшем, однако, стало очевидно, что наличие такого естественного права, получившего название «копирайт общего права» (*common law copyright*) и способного стать прообразом моральных прав, вело к восстановлению бессрочных монополий книгопечатников (так как автор мог уступить им его), ради уничтожения которых в первую очередь и был принят Статут Анны. Поэтому в 1774 г. по делу *Donaldson v. Beckett* было установлено, что данное право погашается после обнародования произведения, что фактически делало бессмысленным его существование [9 ;10]. Два этих судебных решения, известные в английской науке как «Битва книготорговцев», положили конец любым попыткам конструирования каких-либо авторских прав за пределами имущественной монополии на произведение в системе *copyright*на несколько столетий вперед.

Итак, можно утверждать, что генезис моральных прав автора неразрывно связан с континентально-европейской системой авторского права (система *droit d'auteur*). Какими же обстоятельствами он был детерминирован?

Прежде всего, значимым фактором стал наметившийся к началу XIX в. постепенный отказ от так называемой проприетарной концепции интеллектуальной собственности, утверждавшей, что права на произведение представляют собой разновидность права собственности. Данный подход не следует упрощать, как это иногда делается в литературе, и представлять дело так, что интеллектуальная собственность, по мнению его сторонников, вовсе не имела никаких особенностей в правовом регулировании и сводилась к обычной вещной триаде правомочий (владение, пользование, распоряжение). Например, один из крупнейших французских цивилистов XIX в. Э. Пулье, сравнивая художественную собственность с обычной, отмечал, «что это собственность особой природы, что ей необходимо специальное регулирование, что она берет начало в естественном праве и требует другого правового режима – очевидно. Но каким образом все это затрагивает ее основу (*son principe*)» [11]? Не отождествляли два вида «собственности» и отечественные исследователи, указывая, что нормы о праве собственности должны применяться лишь в той мере, в какой они не противоречат существу отношений по поводу произведения [12 ; 13].

Германская правовая наука, однако, резко выступала против проприетарной концепции в любом ее виде. Во Франции этот термин, став общеупотребительным, также не мог отменить очевидную специфику авторского права. В попытке разрешить это противоречие европейская цивилистическая мысль обратилась к новой, едва возникавшей тогда идее личных прав, что стало вторым ключевым обстоятельством, определившим развитие моральных прав.

Изначально представление об авторском праве как о личном было призвано не более чем заменить проприетарную концепцию. Так, одним из ранних и наиболее крупных представителей персоналистской теории авторского права во Франции был А. Берто. Теория А. Берто отталкивалась от проприетарных концепций и противопоставляла себя им, если последние, как мы уже отмечали, признавали возможность существования субъективного права собственности, объектом которых был результат

творческих способностей человека, то А. Берто видел авторское право в качестве особого, нового права, не относящегося ни к правам на вещи, ни к правам на действия контрагента. Личное право, существование которого он декларировал, было предложено им как субститут права собственности и являлось, в современной терминологии, скорее имущественным по своему содержанию. Не случайно, что основным элементом этого личного права А. Берто называл право на воспроизведение, а среди отличий его от права собственности выделял, во-первых, невозможность обращения на него взыскания, во-вторых, то, что оно должно быть исключено из общего имущества супругов [14. Р.58].

В Германии похожую теорию выдвинул И. Блюнчли, согласно которой субъективное авторское право является правовой формой закрепления той естественной связи, которая существует между автором и выражением его духа – произведением, создателем и созданием. Природа этой связи определяет и содержание авторских правомочий, в частности, с ней И. Блюнчли напрямую связывал право автора решать, в какой именно момент и в каком виде его творение должно увидеть свет. Однако после выпуска в свет природа права модифицируется и оно приобретает смешанный лично-имущественный характер, допускающий его уступку [14. Р. 69].

Более известной фигурой, ставшей символом немецкой мистической теории авторского права, был О. фон Гирке. Его взгляды на авторское право были частью более обширной теоретической системы, посвященной личным правам. Согласно его теории, личные права – это такие права, которые дают своему субъекту господство над определенными сферами его личности. Среди этих прав О. фон Гирке называл, например, право на жизнь, свободу, честь и достоинство, индивидуальность, имя. Относил он к таким правам и право на произведение как продукт интеллектуального труда. Никаким другим способом, полагал О. фон Гирке, нельзя объяснить, почему срок охраны авторского права привязан к сроку жизни автора (цит. по:[15]). При этом само авторское право было лишь ответвлением, подгруппой в со-

стве общего права личности (*allgemeines Persönlichkeitsrecht*) [16] наряду с другими личными правомочиями.

Все теории, представлявшие субъективное авторское право в виде единого и неделимого права личности, страдали от одного недостатка – возведения ценностных и идеологических представлений в ранг строгих юридических категорий. Вывод о лично-правовой природе авторской монополии следовал или из посылки о наличии персональной связи между произведением и автором, или из отождествления продукта интеллектуального труда с эманацией личности, одной из ее сфер. В реальности же имущественным контролем над произведением в большинстве случаев обладал издатель, а не автор. Восполнялись эти недостатки теории с помощью противоречивых юридических конструкций, наподобие выделения в личном праве имущественного аспекта.

Реакцией на это научное течение стала группа так называемых дуалистических теорий, стремившихся разделить субъективное авторское право на несколько аспектов (типов правомочий), чтобы его имущественная сторона не блокировалась ограничительным режимом, предусмотренным для личного права. В Германии крупнейшим представителем такого рода взглядов был Й. Колер с концепцией «прав на нематериальные блага» (*immateriälgüterrecht*). В своем понимании правовой природы и перечня личных прав Й. Колер был очень близок к О. фон Гирке. Фундаментальное отличие его теории состояло в разграничении правового режима имущественных и неимущественных правомочий автора на основе их объектов. Первые (права на нематериальные блага), по задумке Й. Колера, были не личными, а правами *suigeneris* на «существующее вне человека имущественное благо, не осязаемое физически» (цит. по: [17. С. 64]) и были призваны выполнять функцию, аналогичную праву собственности, выступая при этом в юридической сфере как новая и самостоятельная группа абсолютных прав. Что же до неимущественных авторских правомочий, то они относились к общему праву личности. Сам Й. Колер полагал свою систему дуалистической, и сочетание права на нематериальные блага с общим правом личности составляло *doppelrecht*– дуальное субъективное авторское право [16].

Во французской науке дуалистическая схема была разработана А. Морийо – первым, кто ввел в юридический оборот сам термин «droit moral» (моральное право). Авторское право, по его мнению, охватывает два элемента разной природы: имущественный и моральный [18. Р.108; 19]. Первый своим содержанием имеет исключительное право на воспроизведение. Значение второго состоит в том, что автор, создавая произведение, в каком-то смысле пролонгирует свою собственную личность и становится уязвим для посягательств на нее, которые ранее были невозможны; моральное право обеспечивает защиту от таких посягательств. А. Морийо были достаточно ясно идентифицированы три моральных права: право авторства, права на неприкосновенность и обнародование произведения [18. Р.108, 110]. Появление модели А. Морийо во Франции и Й. Колера в Германии решило, как тогда казалось большинству ученых, проблему идентификации авторских прав.

Таким образом, основной корпус доктринальных воззрений на моральные права сложился к концу XIX в. Впоследствии одни страны, как Германия, в большей мере восприняли идеи О. фон Гирке, и современное немецкое право придерживается монистического взгляда на авторское право. Другие, как Франция, напротив, взяли на вооружение предложенный Й. Колером дуализм.

Отечественное право, в контексте сказанного, обладает рядом интересных особенностей. Прежде всего, трактовка авторского права как личного вообще не была свойственна российской дореволюционной науке, где проприетарная концепция, а затем теория исключительного имущественного права, предложенная Г. Ф. Шершеневичем, преобладали.

Несколько изменилась ситуация только в начале XX в. с принятием Закона об авторском праве от 20 марта 1911 г. (Закон об авторском праве 1911 г.). В нем впервые для отечественного законодательства были закреплены правила, ассоциируемые сейчас с такими правами, как право авторства, право на обнародование и право на неприкосновенность произведения (ст. 17, 19, 20, 27, 28, 70) [20. С. 70-74]. Представляется, что Закон об авторском праве 1911 г., восприняв наработки европейской цивили-

стики, не генерализировал их до абсолютных субъективных прав: все положения, составляющие ныне содержание личных неимущественных прав автора, были представлены в нем в виде норм-запретов, относившихся или к определенным лицам, или к определенным видам произведений.

Дальнейшее развитие авторского права советского периода происходило в рамках монистической парадигмы. Деление авторских прав на две категории проводилось в науке [21. С. 53], но к личным неимущественным правам автора обычно относили все субъективные права автора, за исключением права на авторское вознаграждение [22. С. 447; 23. С.447]. При этом, как и в любой другой монистической системе, не отрицался тот факт, что крепость связи различных прав с личностью автора неоднородна [24. С. 74-75]. Постсоветское законодательство, что любопытно, носит ярко выраженный дуалистический характер, и Часть 4 ГК РФ (ст. 1255 ГК РФ) унаследовала от Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» №5351-1 от 9 июля 1993 г. (ст. 15, 16) четкое деление режимов исключительного права и личных неимущественных прав.

Подводя итог рассмотрению вопроса о генезисе личных неимущественных прав, обратим внимание на то, что сама идея квалифицировать субъективное авторское право как личное была попыткой найти место в системе гражданских прав для имущественной монополии на произведение. Стремление к отказу от проприетарной концепции в европейской цивилистике было столь велико, что даже присвоение этой монополии ярлыка «личного неимущественного права» не казалась ученым слишком большой платой за отказ от термина «интеллектуальная собственность». Лишь позднее, в дуалистической парадигме, осознавшей несовершенство такого подхода, монетарные права были выведены из разряда личных. Парадоксальным образом обе эти концепции, неравноценные с точки зрения эволюции представлений о природе субъективных авторских прав, оказались конкурирующими моделями авторского права в двух крупнейших странах романо-германской семьи – Германии и Франции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеленговский П. Г. Категория «интеллектуальные права» в современной системе гражданских прав: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 138.
2. Судариков С. А. Основы авторского права. Минск, 2000. С. 247.
3. Adeney E. The Moral Rights of Authors and Performers: An International and Comparative Analysis. N. Y., 2006. P. 293-294.
4. Adeney E. Moral Rights in Canada: An Historical and Comparative View // An Emerging Intellectual Property Paradigm: Perspectives From Canada / ed. by Y. Gendreau. Cheltenham, 2008. P. 163.
5. URL:
<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/part/I/chapter/IV>.
6. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/106A>.
7. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Details/C2004A00752>.
8. Rose M. Authors and Owners: The Invention of Copyright. Cambridge, 1994. P. 80.
9. Deazley R. Rethinking Copyright: History, Theory, Language. Cheltenham, 2006. P. 13-26.
10. Deazley R. On the Origin of the Right to Copy: Charting the Movement of Copyright Law in Eighteenth-Century Britain (1695-1775). Oxford; Portland, Oregon, 2004. P. 191-220.
11. Pouillet E. Traitetheoriqueetpratique de la proprietelitteraire et artistique et du droit de representation. Paris, 1879. P. 18.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право. 6-е изд., с испр. и доп. А. Х. Гольмстена. СПб., 1894. С. 273.
13. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1: Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб., 1878. С. 171.
14. Lucas-Schloetter A. Droit moral et droits de la personnalite: etude de droit comparefrancais et allemand: 2 vol. Aix-en-Provence, 2002. P. 58.
15. Rigamonti C. P. The Conceptual Transformation of Moral Rights // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55. P. 98.

16. Saunders D. *Authorship and Copyright*. N. Y., 1992. P. 116.
17. Исупова И. В. Личные неимущественные (моральные) права автора в Германии: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Невинномысск, 2008. С. 64.
18. Morillot A.-P. *De la protection accordée aux oeuvres d'art, aux photographies, aux dessins et modèles industriels, et aux brevets d'invention dans l'Empire d'Allemagne*. Paris; Berlin, 1878. P. 108.
19. Morillot A.-P. *De la nature du droit d'auteur, considéré a un point de vue général // Revue critique de législation et de jurisprudence*. 1878. Т. 7. P. 124.
20. Авторское право на произведения литературы в Российской империи. Законы, постановления, международные договоры (1827-1917) / сост., вступ. ст. А. В. Бакунцев. М., 2006. С. 70-74.
21. Чернышева С. А. *Правоотношения в сфере художественного творчества*. М., 1979. С. 53.
22. Егоров Н. Д. *Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация*. Л., 1988. С. 120-121.
23. *Советское гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова*. М., 1968. Т. 2. С. 447.
24. Никитина М. И. *Авторское право на произведения науки, литературы и искусства*. Казань, 1972. С. 74-75.

¹ В зарубежной науке личные неимущественные права автора обычно именуются моральными правами. Оба термина будут использоваться далее как взаимозаменяемые.

С.А. Тебенькова

юрисконсульт

ОАО «Энергосбыт плюс»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА СНАБЖЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Современное правовое поле дает волю участникам отношений в сфере энергоснабжения для заключения разного рода договоров. Такая законодательно разрешенная множественность в договорном регулировании отношений на сегодняшний день порождает массу споров и неясностей на практике. Анализ судебной практики отражает четкую тенденцию увеличения количества рассматриваемых дел, связанных с отношениями по договорам энергоснабжения.

Все вышесказанное, в том числе, свидетельствует о несовершенстве законодательства, о невозможности однозначно трактовать принадлежность договора энергоснабжения к той или иной договорной группе, об отсутствии единого механизма договорного регулирования отношений в сфере энергоснабжения. Несмотря на то что в последние годы был принят ряд нормативных правовых актов в сфере электроэнергетики, которые упорядочивают отношения по снабжению потребителей электрической энергией, стройная система в этой сфере еще не сложилась и судебная практика только формируется. Отсутствует должная ясность в терминологии, которая применяется в различных нормативных актах в этой сфере.

Возрастающий практический интерес к договору энергоснабжения обоснован и широкой областью его применения, которая охватывает и отношения в предпринимательской деятельности, и отношения в рамках бытового потребления.

Анализируя юридическую практику и действующее законодательство, можно выделить ряд проблемных вопросов, возникающих в рамках правового регулирования договора энергоснабжения электрической энергией.

На сегодняшний день законодателем предусматривается целый ряд договорных конструкций, направленных на реализацию электроэнергии на розничном рынке, таких как договор энергообеспечения, двусторонний договор купли-продажи электроэнергии, договор купли-продажи и договор поставки электроэнергии. Законодательством данные договоры рассматриваются как самостоятельные. Между тем они имеют ряд общих признаков, в том числе объект данных договоров, их субъектный состав, необходимость оказания дополнительных услуг в целях надлежащего исполнения указанных договоров и др.

Наибольший интерес вызывает договор энергообеспечения, заключаемый в сфере электроэнергетики, призванный урегулировать отношения по снабжению электрической энергией, который выступает в качестве основного соглашения, на его основании которого осуществлялась реализация электрической энергии.

В связи с развитием общественных отношений и законодательства отношения по договору энергообеспечения осложняются также возможностью применения не только специального законодательства в сфере электроэнергетики, но и норм жилищного законодательства и правил предоставления коммунальных услуг. Для устранения противоречий, возникающих в связи с наличием норм, подчас предписывающих противоположные варианты поведения, необходимо проведение анализа законодательства и приведение в соответствие норм права различных отраслей.

Так, необходимо внести изменения в Жилищный кодекс Российской Федерации, приведя в соответствие норму ст. 155 и Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, (утв. Постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 № 354) путем исключения ч. 6.3 и 7.1 указанной статьи, что позволит ресурсоснабжающим организациям взимать плату за коммунальную услугу в полном объеме.

На основе анализа существующих отношений по снабжению электрической энергией в зависимости от сферы применения и участников отношений автором предлагается выделять три наиболее широко используемые на практике правовые модели

договорных отношений, опосредующих снабжение энергией на розничном рынке с учетом анализа законодательства не только в сфере энергетики, но норм Жилищного кодекса РФ, а также нормативных актов в сфере ресурсоснабжения: 1) договор энергоснабжения, заключаемый между энергоснабжающей организацией (энергосбытовой, гарантирующим поставщиком) и потребителем (абонентом); 2) договор ресурсоснабжения, заключаемый между энергоснабжающей организацией (энергосбытовой, гарантирующим поставщиком и исполнителем коммунальных услуг (товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, управляющей организацией); 3) договор предоставления коммунальной услуги по электроснабжению, заключаемый между энергоснабжающей организацией (энергосбытовой, гарантирующим поставщиком) и собственниками и пользователями помещений в многоквартирных домах, собственниками и пользователями жилых домов.

С целью упорядочения отношений на розничном рынке электрической энергии мы предлагаем применять единую правовую форму для оформления отношений по снабжению электрической энергией, а именно договор энергоснабжения, регулирующий соответствующие отношения, поскольку использование установленных законодателем правовых форм (договора купли-продажи и поставки в отношении снабжения электрической энергией (мощностью)) может повлечь отрицательные последствия при урегулировании условий договора сторонами (в части применяемого законодательства), в том числе в судебном порядке.

По результатам проведенного анализа норм действующего законодательства в сфере электроэнергетики выявлено преобладание количества императивных норм над диспозитивными в вопросах регулирования условий договора энергоснабжения, влекущее ограничение свободы договора как одного из основополагающих принципов в гражданском праве.

В столь жесткой регламентации условий договора возможно усмотреть нормативное ограничение свободы договора, то есть «обязательное заключение договора на заранее определенных

условиях, запреты для сторон на включение в договор определенных условий, ограничение в выборе договорной структуры и вида договора» [1].

Так, даже если сторона (потребитель) предлагает свою редакцию условия договора, отвечающего его интересам, суд приходит к выводу о необходимости принятия редакции гарантирующего поставщика: «Согласно пункту 4 статьи 421 Гражданского кодекса РФ в случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой. В соответствии с частью 2 статьи 7 АПК РФ арбитражный суд обеспечивает равную судебную защиту прав и законных интересов всех лиц, участвующих в деле. Из представленных в материалах дела пояснений сторон относительно редакции пункта 5.4 договора, следует, что стороны не договорились об ином и не исключили при этом применение нормы пункта 82 Постановления № 442 о порядке оплаты электрической энергии, в связи с чем должны были руководствоваться названной диспозитивной нормой, в которой заложен баланс интересов сторон» [2].

В логике разработанных предложений обоснована необходимость изменения в этой части действующего законодательства путем увеличения количества диспозитивных норм, утверждения рекомендуемой формы договора энергоснабжения, большая часть условий которого могла бы формироваться по соглашению сторон.

Мы предлагаем ограничить перечень существенных условий договора энергоснабжения в сфере электроэнергетики следующими: предмет договора, дата и время начала исполнения обязательств по договору, точка (точки) поставки по договору, условия о порядке учета электрической энергии (мощности) с помощью приборов учета.

Условия о порядке определения количества потребленной электрической энергии (мощности), о качестве, цене, правах и

обязанностях сторон достаточно подробно регламентированы на законодательном уровне с помощью императивных норм, поэтому не требуют включения в перечень существенных условий. Указанные условия могут быть включены в договор энергоснабжения по соглашению сторон.

Такое изменение является требованием рынка как саморегулирующейся системы, предполагающей, прежде всего, свободу экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ), правовой формой реализации которой является закрепленный в ст. 421 Гражданского кодекса РФ принцип свободы договора. Свободу заключения договора следует рассматривать как неотъемлемую часть принципа свободы договора. В силу его действия заключение договора в целом зависит от усмотрения субъектов гражданского оборота, именно они самостоятельно решают вопрос о заключении договора, выборе контрагента, определении вида договора и его условий. В этом и проявляется автономия, независимость воли участников гражданского оборота, в котором договор становится основным инструментом организации рыночных отношений.

Сфера применения договора энергоснабжения в рамках договорной группы купли-продажи в условиях современной правовой реальности представляется не только неэффективной, но и весьма узкой, в связи с чем, место договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров предлагается считать уникальным, на основании чего видится возможным видоизменение договорной конструкции по снабжению энергией и другими ресурсами через присоединенную сеть и, как следствие, необходимость пересмотра положений Гражданского кодекса РФ. Мы предлагаем дополнить ч. 2 Гражданского кодекса РФ соответствующей гл. 30.1, состоящей из одной ст. 539. Нормы предлагаемой редакции ст. 539 будут носить довольно общий характер (оперируя понятиями «ресурсоснабжение» и «ресурс»), не выделяя специфику отношений по снабжению конкретным ресурсами, но и не вступая в противоречие с многочисленными нормативными актами, регулирующими договорные отношения в конкретной отрасли.

Использование модели договора ресурсоснабжения в отношении электрической, тепловой энергии и газа обусловлено объективными особенностями указанных видов ресурсов и характером их передачи, а в отношении нефти, нефтепродуктов и воды – субъективным фактором (приемом юридической техники).

Статьи Гражданского кодекса РФ с 540 по 548 включительно предлагаем исключить в связи с тем, что на сегодняшний день договорные отношения по снабжению разного рода ресурсами полностью урегулированы специальными нормами как на уровне федеральных законов, так и на уровне подзаконных актов.

Нормы Гражданского кодекса РФ в этой части нуждаются в серьезном пересмотре путем внесения изменений, включения норм, соответствующих современному этапу развития отношений в сфере электроэнергетики.

Таким образом, на уровне Гражданского кодекса РФ необходимо решить проблему правовой квалификации договора энергоснабжения, поскольку самая распространённая и часто применяемая на практике конструкция не вписывается в привычные и установленные гражданским законодательством рамки разновидности купли-продажи.

Особенно это относится к договорам, заключаемым с гарантирующим поставщиком электрической энергии, которые имеют иную правовую природу и регулирование (в том числе определение существенных условий, регламентацию прав и обязанностей сторон).

Указанный договор претендует на самостоятельный вид договора, отличный от купли-продажи.

Как обоснованно отмечал В.В. Витрянский применительно к договору на снабжение электроэнергией, отсутствие непосредственного присоединения энергопринимающего устройства потребителя к сетям контрагента — энергосбытовой организации никак не опровергает факт сохранения общего принципа подачи электроэнергии на энергопринимающее устройство потребителя через присоединенную сеть, пусть и принадлежащую иной (сетевой) организации. Отмеченное обстоятельство может означать в данном случае лишь уменьшение круга обязанностей сторон по договору о снабжении электрической энергией по сравнению

с договором энергоснабжения, предусмотренным Гражданским кодексом РФ [3].

Таким образом, снабжение различными видами ресурсов через присоединенную сеть может осуществляться исходя из закрепления общей нормы по модели договора ресурсоснабжения как разновидности обязательства по возмездной реализации имущества. Использование указанной модели договора в отношении электрической, тепловой энергии и газа обусловлено объективными особенностями указанных видов ресурсов и характером их передачи, а в отношении нефти, нефтепродуктов и воды – субъективным фактором (приемом юридической техники).

Специфика регулирования относится к порядку заключения и продления договора, определению количества и качества ресурса, набора прав и обязанностей сторон договора, порядку оплаты, изменения расторжения договора, ответственности. При этом действующие нормы Гражданского кодекса РФ на сегодняшний день в большинстве случаев не применимы к рассматриваемым отношениям в силу их субсидиарного характера, то есть фактически не действуют.

Нормы предлагаемой к включению статьи будут носить общий характер, не учитывающий специфику отношений по снабжению конкретным ресурсами, но и не вступающий в противоречие с многочисленными нормативными актами, регулирующими договорные отношения в конкретной отрасли.

Включение указанных норм, пересмотр существующего положения договора энергоснабжения, выделение его в самостоятельный договорной тип позволит привести в соответствие положения Гражданского кодекса РФ и многочисленных нормативных актов, исключить его субсидиарное применение и вернуть приоритет при правоприменении. Предлагаемые нормы права носят общий характер и распространяют свое действие на множество договоров, направленных на снабжение не только электрической энергией, но и тепловой энергией, горячей, холодной водой, газом, нефтью, нефтепродуктами и другими товарами через присоединенную сеть.

С нашей точки зрения, присоединенная сеть и непрерывный характер снабжения по ней ресурсами напрямую обуславливают правовую специфику договоров на снабжение товарами через присоединенную сеть, являются причиной возникновения особых экономических отношений, построенных по модели энергоснабжения. Указанные экономические отношения в конечном счете определяют специфику договоров на снабжение по присоединенной сети товарами, которые охватывают процесс как передачи ресурсов, так и их потребления.

Согласно преобладающей в юридической литературе позиции, критерием деления гражданско-правовых договоров на типы является содержание договорных обязательств, в соответствии с которым типы договорных отношений выражают существенные черты соответствующих однородных экономических отношений [4].

Договоры на снабжение по присоединенной сети ресурсами являются юридической формой опосредствования специфических экономических отношений, не сводимых по своему содержанию ни к отношениям, лежащим в основе договора поставки, купли-продажи, ни к каким-либо иным отношениям, опосредствуемым гражданско-правовыми договорами. Не случайно в правовой литературе обращается внимание на существенные особенности договорного регулирования в сфере энергетики.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что прогрессивное развитие самой отрасли электроэнергетики потребовало изменения законодательства, регулирующего отношения в данной сфере.

Кроме того, отмечается тенденция ассимиляции отношений в электроэнергетике и жилищной сфере, отсюда возникает необходимость четкого соответствия норм права, регулирующих как те, так и другие отношения.

Необходимо разграничивать и договоры, регулирующие отношения по снабжению различных потребителей. Так, если стороной договора, заключаемого с гарантирующим поставщиком, является исполнитель коммунальной услуги, то такого рода отношения оформляются договором ресурсоснабжения, а если

сторона договора – собственник или пользователь помещения в многоквартирном доме или жилом доме, то подлежит заключению договор на предоставление коммунальной услуги электроснабжения, имеющий услугу природу.

Правовой формой, опосредующей процессы потребления энергии, является договор энергоснабжения, который становится центральным объектом исследований ученых. Количество теоретических разработок также возрастает, большинство из них посвящено изучению правовой природы, предмета, объекта самого договора энергоснабжения. Кроме того, некоторые исследователи пытаются заглянуть в будущее и проанализировать предстоящее развитие энергоснабжения в стране.

В настоящее время энергоснабжение является не только обязательным условием развития экономики и улучшения жизни людей, но и предметом для размышлений в общегосударственном масштабе как в управленческих, так и в научных кругах. Принятие законов, большого количества подзаконных нормативных актов, регулирующих данные отношения, свидетельствует о стратегическом значении отношений по ресурсоснабжению и необходимости их детальной регламентации.

Законодательство в сфере электроэнергетики является одной из наиболее сложным, но вместе с тем прогрессивным и интересным для изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1962. С. 93- 95.
2. Витрянский В.В. Договор энергоснабжения и структура договорных связей по реализации и приобретению электроэнергии // Хозяйство и право. М., 2005. № 3. С. 36.
3. Тельгарин Р. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательства // Рос.юстиция. 1997. № 1.
4. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда № 17АП-10507/2013-ГК от 03.02.2014 года // СПС «КонсультантПлюс».

А.А. Чуршина

аспирант

Удмуртского государственного университета

РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ

Договор коммерческой концессии (франчайзинга) является достаточно новой правовой конструкцией. На практике и в литературе постоянно возникает вопросы, связанные с его правовым регулированием. На этапе заключения договора представляется весьма важным грамотное закрепление условия о расторжении договора и защиты профессиональной тайны франчайзера. Профессиональная тайна представляет собой более широкую концепцию, чем защита интеллектуальной собственности (патенты, авторское право, торговые марки и другое). В соответствии с ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] под профессиональной тайной понимается информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности. Такая информация подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. В отношении предпринимательской деятельности такая информация защищена в рамках ФЗ от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [2]. В зарубежных странах, в частности в США, коммерческая тайна защищена в рамках Федерального единообразного закона о торговых секретах [3]. Данный закон содержит следующую формулировку профессиональной тайны: это информация, включающая формулу, рисунок, компиляцию, программу, девайс, метод, технику или процесс, которые: 1) представляют собой независимую экономическую ценность, действительную или потенциальную, и не являющуюся широко известной и не будучи легко созданной с помощью надлежащих средств другими лицами, кто может получить эту

экономическую ценность при раскрытии информации о ней или ее использовании; 2) обладатель принял разумные меры, чтобы обеспечить ее секретность.

При раскрытии информации франчайзер должен специфицировать, предоставляется ли данная информация как профессиональная тайна, и приложить конкретный перечень информации, которая должна рассматриваться в качестве профессиональной тайны [4].

В Российской Федерации на законодательном уровне отношения по раскрытию информации в рамках договора коммерческой концессии напрямую не регулируются. Некоторые страны имеют специальное законодательство, посвященное данной теме: США, Канада, Мексика, Бразилия, Испания, Франция, Австралия, Китай, Малайзия, Индонезия и Северная Корея. А.Д. Астремский отмечает, что «..рынок франчайзинга в Центральной и Юго-Восточной Европе всё еще существенно ограничен вследствие того, что в качестве важной составляющей прямых иностранных инвестиций франчайзинг ещё недостаточно понятен местным и центральным органам власти, так же как и местному деловому миру» [5. С. с.9-10]. В целом он выделяет следующие проблемы: отсутствие адекватной законодательной базы; недостаток внутреннего капитала; ограниченный доступ к кредитам; политические риски внутри ряда стран. Одной из подобных проблем является отсутствие регулирования преддоговорного этапа регулирования франчайзинговых отношений. Для того чтобы выработать предложения по регулированию данных правоотношений на территории Российской Федерации, обратимся к опыту ряда зарубежных стран.

Соединенные Штаты Америки

На преддоговорном этапе раскрытия информации (pre-sale disclosure) франчайзер обязан предоставить франчайзи подробную информацию о франшизе. В связи с широким развитием франчайзинга в США и необходимостью правового регулирования данных отношений с середины 50-х гг. XX в. стали появляться акты, регулирующие данные правоотношения. Первый

акт был принят в Калифорнии в 1951 г. Федеральная торговая комиссия (ФТК) США еще в 1978 г. приняла Постановление № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях предпринимательства» [6], согласно которому владельцы франшизы обязаны предоставить франчайзи документы, содержащие необходимую информацию о франшизе, предложенной владельцем. Данное Постановление применяется на всей территории США и регулирует правоотношения на федеральном уровне. В соответствии с Постановлением франчайзи должен получить Документ по раскрытию франшизы (Franchise Disclosure Document), содержащий в себе 23 обязательных пункта, полностью характеризующие деятельность франчайзера и его фирмы. Постановление содержит в себе санкции за его нарушение в виде иска в размере 10 тыс. долларов США за каждое нарушение. В ряде штатов США были приняты свои законы, посвященные франчайзингу (цит.по: [5]).

ФТК утвердила Положение о единообразных правилах предложения о продаже франшизы (далее - UFOC) [7] для того, чтобы упорядочить и унифицировать процедуру и форму предложения франшизы. Данное положение содержит в себе документ, устанавливающий порядок ознакомления потенциального франчайзи с информацией о франчайзере-продавце, в нём в обязательном порядке приводится перечень такой информации. ФТК предполагает использование UFOC в качестве альтернативы Постановлению № 436, так как в нём содержится аналогичная трактовка всех основных понятий и определений в отношении франчайзинга. В настоящее время UFOC действует во всех штатах США, которые законодательно предусматривают раскрытие информации. Законы большинства штатов устанавливают, что раскрываемая информация должна регистрироваться, храниться, анализироваться и утверждаться соответствующими должностными лицами штата, а Постановления № 436 ограничивается только требованием о таком раскрытии информации, не детализируя процедуру его реализации. В некоторых штатах США требование о раскрытии информации содержится в зако-

нах о дилерских договорах, скопированных с федеральных законов об автомобильном дилерском франчайзинге и нефтесбытовой рыночной практике. Таким образом, они защищают франчайзи только в этих отраслях бизнеса. Но в отдельных штатах (Гавайи, Висконсин и др.) дилерство прямо отождествляется с франчайзингом, и франчайзеры в разных сферах предпринимательства так или иначе подпадают под требования законов о дилерских договорах. В некоторых штатах никакого собственного законодательства о раскрытии информации нет, и франчайзеры вынуждены считаться с требованиями Постановления № 436 ФТК только при заключении соглашений с франчайзи из других штатов.

Обратимся к анализу положительных и отрицательных моментов.

Безусловным преимуществом является возможность составления типового документа о раскрытии информации и применения его в качестве проекта, который в дальнейшем подвергается изменениям в зависимости от того, в какой юрисдикции будет заключён договор и какие специальные требования предъявляются к документам о раскрытии информации в конкретной стране. Большое количество франчайзеров в США используют формат международного мастер франчайзинга в случае заключения международных контрактов. Мастер-франчайзинг - это форма франчайзинга, при которой франчайзер заключает основной франшизный контракт с субфранчайзером на определенной территории, в то время как последний (субфранчайзер) заключает франшизные контракты с различными франчайзи на данной территории.

Среднестатистический документ о раскрытии информации содержит в себе около 50 страниц, не включая приложения. С приложениями он составляет порядка 150 страниц, иногда может доходить и до 300 страниц. Таким образом, можно отметить, что это самый полный документ, затрагивающий все сферы, которые необходимо отразить. На данный момент не существует иной юрисдикции, в которой бы предъявлялись такие же жёсткие требования к документу о раскрытии информации, Указанное позволяет предполагать, что формат США будет удовлетворять почти всем требованиям законодательства любого государства.

Однако существует ряд аргументов против использования стандартного документа [9]:

1) необходимость изменения документа о раскрытии информации согласно специфике местного законодательства.

Даже 50-страничный документ, основанный на законодательстве США, не будет удовлетворять всем требованиям, предъявляемым в других странах. Например, в провинции Онтарио в Канаде существует требование, согласно которому предъявляется специальный порядок написания документа о раскрытии информации. Это означает, что такой документ нужно будет переписывать в любом случае. Специальные требования существуют и во Франции: должен быть представлен анализ рынка в виде краткого сообщения или исследования на тему условий для развития франчайзинга. В Китае необходимо представить детальное описание того, как франчайзер обслуживал, по крайней мере, две собственные компании в течение не менее одного года;

2) необходимость изменения документа о раскрытии информации в зависимости от местных условий.

В зависимости от условий локального рынка некоторые положения о раскрытии информации должны быть прописаны более детально, а некоторые, наоборот, подлежат исключению. Например, п. 7 Документа о раскрытии франшизы предусматривает необходимость раскрытия оценки общей стоимости стартовых расходов, которые необходимо произвести франчайзи. Однако эти суммы будут варьироваться в зависимости от страны, в который предполагается открывать бизнес, и усредненные значения возможно представлять только для США, да и то не для всех штатов;

3) необходимость раскрытия слишком большого объема информации.

В некоторых правовых системах или согласно региональному законодательству, возможно, будет предпочтительнее не раскрывать информацию заранее или предоставить только небольшой документ, который будет соответствовать местному законодательству.

Тем не менее, на наш взгляд, представляется необходимым иметь такой документ, аккумулирующий в себе информацию о предлагаемой франшизе, который можно видоизменять в зависимости от требований того или иного законодательства.

В отличие от других стран продавцы франшизы не должны подписывать Документ о раскрытии информации. Однако уполномоченное лицо франчайзера должно подписать документ, подтверждающий государственную регистрацию Документа о раскрытии информации и уведомление о подаче документов на регистрацию в 15 штатах, которое включает в себя личное подтверждение того, что представленная информация является достоверной. К Документу о раскрытии информации также необходимо приложить: подписанные контракты и проверенные финансовые отчеты. Финансовые отчеты должны быть составлены сертифицированным аудитором и должны соответствовать Общим стандартам аудита США (U.S. Generally Accepted Auditing Standards) и общим принципам бухгалтерского учета США (U.S. Generally Accepted Accounting Principles).

Необходимо отметить, что регулирование преддоговорного этапа в рамках договора франчайзинга является наиболее детальным и сложным с точки зрения подготовки всей документации по сравнению с регулированием этого этапа в других странах (хотя суть договора остается неизменной). В случае заключения договора британским франчайзером ему не нужно подготавливать такой объем документации. Достаточно раскрыть основную информацию, предусмотренную Кодексом этики Британской ассоциации франчайзинга. Таким образом, лицу, желающему продать франшизу в США, необходимо подготовить большой объем документации, который будет не только соответствовать федеральному закону, но и отвечать закону конкретного штата. Иногда в Великобритании высказываются мнения о необходимости специального регулирования франчайзинга на законодательном уровне. В Великобритании франчайзинг регулируется только в рамках Кодекса этики франчайзинга, который применяется только к членам Британской ассоциации франчайзинга, но не все франчайзеры являются её членами.

Отношения между франчайзи и франчайзером достаточно прозрачны в рамках регулирования законодательством США. Однако существует принципиальный недостаток преддоговорного раскрытия информации, а именно: любой такой документ будет стараться представить франчайзера в выгодном свете. Документ о раскрытии информации актуален только на тот день, когда он был написан, и в таком случае он является отправной точкой для потенциального франчайзи в проведении собственного исследования. Также большая часть той информации, которую требуется предоставить, может быть легко найдена юристом потенциального франчайзи. Предоставление такого документа делает франчайзи менее любопытным и заставляет полагаться на ту информацию, которую ему предоставил франчайзер. Одним из наиболее позитивных норм в рамках регулирования договора франчайзинга является так называемый период *cooling off* (Австралия, Франция и т.д.), который позволяет франчайзи после подписания соглашения подумать ещё и разорвать его (как правило, на это дается от 10 до 20 дней после подписания).

Таким образом, возникает вопрос: для чего необходимо такое жёсткое регулирование. По сути, франчайзер может составить документ о раскрытии информации так, что это будет ему очень выгодно. Чем грамотнее поработают его юристы, тем привлекательнее будет выглядеть документ о раскрытии информации. Таким образом, такие требования ведут только к удорожанию процедуры заключения договора и не всегда отражают актуальную картину покупаемой франшизы [9].

Европа

В Европейском союзе (состоящем из 28 стран) только 6 стран имеют специальное законодательное требование, предусматривающее обязательное раскрытие информации (Бельгия, Франция, Италия, Румыния, Испания и Швеция). Кроме того, существует несколько стран, законодательством которых предусмотрено общее правило «*good faith*», предусматривающее необходимость раскрытия информации: Германия, Австрия, Португалия и Литва.

Информация, которая подлежит раскрытию согласно нормам, предусматривающим её раскрытие, может быть сгруппирована следующим образом:

- необходимость раскрытия основных положений будущего контракта;
- необходимость раскрытия определенной коммерческой информации.

Во вторую группу информации входит ряд положений, регулирующих экономические аспекты договора, позволяющие оценить финансовые и коммерческие риски. Их можно сгруппировать по следующим категориям:

- франчайзер и его сотрудники;
- система франчайзинга;
- существующая франчайзинговая сеть;
- определенные финансовые аспекты (например, требуемый размер инвестиций, обязательные платежи);
- анализ рынка (применимо не ко всем странам).

Обратимся к анализу основных положений преддоговорного раскрытия информации в конкретных странах ЕС.

Франция

Закон от 31 декабря 1989 г. №89-1008 «О развитии коммерческих торговых предприятий и улучшении их экономического, правового и социального окружения (далее - закон Дубена) [10]. Закон Дубена от 31 декабря 1989 г. был первым европейским актом об обязательном раскрытии информации. Он применяется до того, как стороны подпишут договор, который включает в себя эксклюзивное или полу-исключительное право использовать торговое наименование, торговую марку или знак. Закон Дубена применяется к договору франчайзинга, согласно нему франчайзер наделяет франчайзи правом использовать торговую марку и фирменные вывески. В дополнении существует ряд полу-исключительных прав, предусматривающих такие положения, как ограничение конкуренции, наделение франчайзера правами только на определенной территории.

Согласно ст. 1 закона Дубена документ, содержащий необходимую информацию, должен быть предоставлен франчайзеру за 20 дней до подписания договора. Никакие денежные средства не могут быть истребованы с франчайзи до истечения этого срока. Сфера действия данного закона не ограничивается территорией Франции и может применяться к франчайзинговым отношениям и за её пределами, при условии, что применимым правом является французское право. Необходимо раскрыть информацию о компании, её руководящем составе, банковскую информацию и общее представление о профессиональном опыте менеджеров компании. Также необходимо предоставить копии бухгалтерских документов за последние 2 года. Более того, необходимо предоставить подробную схему необходимых инвестиций и расходов, которые франчайзи должен произвести, чтобы начать работу. По нашему мнению, раскрытие такой информации является достаточно сложным в рамках международного франчайзинга, так как для франчайзера не составит труда подсчитать платежи, которые франчайзи должен произвести ему. Однако те затраты, которые франчайзи должен будет понести на территории своей страны, скорее будут известны ему, нежели партнеру из-за рубежа (стоимость аренды торговых платежей, оплата услуг персонала и т. п.). Также франчайзер должен предоставить анализ рынка как на территории всей страны, так и на региональном уровне. Большинство зарубежных франчайзеров пытаются бороться с требованиями представления анализа внутреннего рынка Франции, так как они не обладают достаточными знаниями в этой сфере, и таким образом, представленная ими информация может не соответствовать действительности. Обычно зарубежному франчайзи приходится обращаться к услугам третьей стороны с целью проведения анализа рынка, что позволяет им выполнить все условия по раскрытию информации. В законодательстве отсутствовало чёткое понимание: при любых ли нарушениях норм о раскрытии информации договор считается недействительным.

Однако Верховный Суд Франции (Cour de cassation) установил, что соглашение будет аннулировано только в том случае,

если пропущена или некорректна информация, которая существенно влияла на решение франчайзи о заключении договора [11]. Были ситуации, в которых соглашения были аннулированы по причине не раскрытия определенной информации [12]. Например, по причине не отражения в отчёте определенных финансовых трудностей компании [13] и по причине нереалистичного бизнес-прогноза [14].

Бельгия

В истории законодательства Бельгии есть тенденция к предоставлению более слабой стороне в трехсторонних отношениях (например, в случае эксклюзивных дистрибьюторских соглашений [15]) большего уровня защиты [16]. До февраля 2006 г. в Бельгии отсутствовало специальное законодательство, регулирующее преддоговорное раскрытие информации в рамках франчайзинга. Однако до принятия такого законодательства в Бельгии был пласт судебных решений, которые устанавливали обязанность раскрытия информации. Данная обязанность была идентична концепции *culpa in contrahendo* немецкого права [17]. Данное положение обязывает стороны раскрыть друг перед другом все основные материальные факты. В рамках франчайзингового соглашения это было применено судом как необходимость франчайзера раскрыть информацию о франчайзинговой системе и ожидаемой прибыльности франчайзинговой сети. Бельгийский закон о франчайзинге, вступивший в силу 1 февраля 2006 г., называется «Об информации, необходимой в системе договоров торговых товариществ (в системе договоров франчайзинга) на преддоговорном этапе» [18]. Он применяется к так называемым коммерческим партнерствам (*commercial partnerships*). Коммерческое партнерство определяется как «соглашение между двумя сторонами, где одна сторона предоставляет другой использование коммерческой схемы, товарного знака, передачу ноу-хау и коммерческую или техническую поддержку» [19]. Большинство франчайзинговых систем могут быть описаны как коммерческое партнерство.

Данный закон увеличивает степень ответственности за преддоговорное раскрытие информации. Документ с информацией должен быть предоставлен франчайзи не позднее чем за один месяц до подписания сторонами соглашения. Никакие платежи не могут быть взяты с франчайзера до тех пор, пока информация не будет раскрыта. Предусмотрены следующие последствия нарушения порядка раскрытия информации. Согласно ст. 5 вышеуказанного закона, франчайзи может rescind соглашения в течение двух лет, если не была раскрыта информация. Если какие-либо положения, содержащиеся в Договоре, не были раскрыты, то соответствующие положения в итоговом договоре не подлежат применению. Также необходимо предоставить информацию о рынке в данной сфере. Необходимость предоставления данной информации соответствует требованиям, предъявляемым к таким договором Луи Дюбена. При заключении договора с зарубежным франчайзером последнему придётся заключать договор со сторонней организацией для проведения исследования рынка, при этом существует риск получить необъективную информацию.

Законодательством предусмотрены следующие последствия нераскрытия информации: франчайзи может расторгнуть договор в течение двух лет после его заключения, если документ о раскрытии информации не был предоставлен франчайзи по крайней мере за месяц до заключения договора. Эта норма позволяет расторгнуть договор в любом случае. В литературе встречаются мнения о необходимости ограничить право франчайзи расторгнуть договор. Такое право может быть реализовано только в том случае, если франчайзи докажет, что он бы не заключил договор франчайзинга, если бы ему была предоставлена вся информация, согласно положениям о раскрытии информации.

Италия

В Италии действует Закон №129 «О франчайзинге», вступивший в силу 25 мая 2004 г., который регулирует определенные аспекты в области франчайзинга в Италии [21].

В отличие от требований, предъявляемых в Бельгии и Франции к раскрытию информации, нормы Италии не требуют предоставления заранее положений контракта. Достаточно предоставить франчайзи копию договора, которая содержит в себе ряд обязательных положений. За 30 дней до заключения договора франчайзер должен предоставить франчайзи проект договора вместе с документом о раскрытии определенной коммерческой информации. По запросу франчайзи франчайзер должен предоставить финансовые отчёты за последние три года. Также должна быть раскрыта информация в отношении торговых марках, на которые передаются права. Наряду с этим необходимо предоставить описание франчайзинговой модели. Кроме того, необходимо предоставить список франчайзи, входящих в данную франчайзинговую сеть (аналогично законодательству Бельгии и Франции). Подобно требованиям, содержащимся в ст. 3 UFDD, принятым Федеральной торговой комиссией, большинство вышеназванных требований применяются как к случаям заключения локальных, так и международных контрактов. Однако существует ряд исключений из общих положений. Зарубежные франчайзеры, которые приходят на рынок в первый раз, не должны исполнять требования по раскрытию информации. В каждом последующем случае заключения договора указанные исключения уже не могут применяться, и необходимо выполнять требования о раскрытии информации.

В случае нарушения требований о раскрытии информации или предоставления ложной информации, другая сторона может потребовать аннулирования договора согласно статье 1439 Гражданского кодекса и имеет право на компенсацию вреда. В случае аннулирования договора, стороны должны вернуть друг другу полученную выгоду. Франчайзер будет должен вернуть стоимость платы за франшизу.

Испания

Франчайзинг в Испании регулируется Законом №7/1996, касающимся коммерческой перепродажи, и Королевским указом №2485/1998. Также существуют определенные принципы, со-

держатся в Испанском гражданском кодексе и Коммерческом кодексе, которые применяются к франчайзингу. Королевский указ определяет франчайзинг следующим образом: компания (франчайзер) передает другому (франчайзи) право использовать в своей деятельности франшизу для продвижения определенных типов продуктов или сервисов, которые включают в себя использование общего знака и ноу-хау, коммерческую и техническую поддержку. Статья 62 Закона предъявляет к франчайзеру требование предоставить документ о раскрытии информации по крайней мере за 20 дней до заключения договора или оплаты франшизы. Такой документ должен быть в письменной форме, а информация, содержащаяся в нём должна быть точной и правдивой. Любая информация, которая может повлиять на решение франчайзи заключить договор, должна быть раскрыта.

Согласно Королевскому указу (ст. 3), необходимо раскрыть следующую информацию:

- регистрационные данные о франчайзере;
- размер капитала;
- описание история развития франшизы и её общее описание;
- франчайзер должен предоставить доказательства владения интеллектуальными правами.

Россия и страны СНГ

В настоящее время в России отсутствуют нормы, регулирующие преддоговорный этап франчайзинговых отношений. Предлагается принять такие нормы с учётом зарубежной практики, что позволит повысить процент заключения сделок с иностранными партнерами и с национальными контрагентами, а также разработать проект такого положения, включающий в себя позиции, которые должен раскрыть франчайзер в рамках преддоговорного этапа. За основу предполагается взять Модельный закон о раскрытии информации по договору франчайзинга УНИДРУА (Рим, сентябрь 2002 года) [21]. Необходимо включить основные положения, предлагающиеся Документом о раскрытии информации в США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации // Российская газета. 2006. 29 июля.
2. ФЗ от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. 2004. 5 авг.
3. The Uniform Trade Secrets by the Uniform Law Commission (ULC), 1979.
4. Scott P. Sandrock. Trade Secret Protection and the Terminated Franchise. Franchise Law Journal. 1988: 3.
5. Астремский А.Д. Тенденции современного развития франчайзинга в зарубежных странах и на постсоветском пространстве: препринт. М.: Московский печатник, 2010 , 14 с.
6. Постановление № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях франчайзинга». 1978.
7. Положение о единообразных правилах предложения о продаже франшизы США.
8. Gary K. Duvall Pros and cons of using a Uniform International Franchise Disclosure Document, May 2013.
9. Manzoor Ishani. How the Americans legislate while the UK continues to bask in self-regulation. P. 33-34.
10. Закон от 31 декабря 1989 г. №89-1008 «О развитии коммерческих торговых предприятий и улучшении их экономического, правового и социального окружения» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Cass. Corn., 10 February, 1998, Bull. Civ. IV n 71, confirmed by Cass. Corn., 7 July 2004, n 02-15950.
12. Cass. Corn. 16 May. 2000, LPA №48. 8 March. 2001 and Cass. Corn., 6 May. 2003, FFF Toute la franchise. 2004. P.25.
13. Commercial Court of Creteil, 9 May 2000, L. Off. De la fr. №30. P.94.
14. Paris court of appeal, 16 January. 1998. Fr. Mag., April-May. 1998. №145. P.19.

15. Act of 7 July 1961 (amendment 13 April 1971) concerning the Unilateral Termination of Exclusive Distributorship Agreements.

16. 10 DOC 51 1687/007 (legislative procedure).

17. Mark Abell Franchising in European Franchising – Law and Practice in the European Community, (Waterlow) 1991.

18. URL:www.eff-franchise.com (неофициальный перевод). Закон принят 19 декабря 2005, вступил в силу 1 февраля 2006.

19. Article 2 DOC 51 1687/007 Chamber of Representatives of Belgium 7 July 2005 Draft Bill of law governing pre-contractual information within the framework of commercial partnership agreements.

20. Закон №129 «О франчайзинге». 25.05.2004.

21. Модельный закон о раскрытии информации по договору франчайзинга УНИДРУА (Рим, сентябрь 2002 года).

СОДЕРЖАНИЕ

+ Кузнецова Н.В.	
К 90-летию со дня рождения основателя юридического образования в Удмуртской Республике Д.Ю.Н., профессора В.В. Овсиенко.....	3
Вавилин Е.В.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ	6
Кузнецова О.А.	
ТЕРМИНОСИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ .	16
+ Кузнецова Н.В.	
ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ.....	23
+ Анчишина Е.А.	
РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ НЕЗАКЛЮЧЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	30
+ Батычко Л.М.	
ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	39
Бажайкин А.Л.	
СТРАХОВАНИЕ РИСКА УТРАТЫ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК.....	51
Невострюев А.Г.	
ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ И ПОДСУДНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИЛИЩНЫХ ДЕЛ.....	60
Останина Е.А.	
ОГРАНИЧЕННЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ И ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА.....	75
Пятков Д.В.	
КРЕСТЬЯНСКОЕ (ФЕРМЕРСКОЕ) ХОЗЯЙСТВО: НОВОЕ ЛИЦО ИЛИ НОВОЕ ИМЯ.....	78

Темникова Н.А. ДОВЕРЕННОСТЬ «СО МНОЖЕСТВЕННОСТЬЮ ЛИЦ» ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РОССИИ.....	88
Ходырева Е.А. ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ В СВЯЗИ С РЕФОРМИРОВАНИЕМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	96
Ходырев П.М. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.....	107
Шепталин А.А. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	123
Артемьева О.Л. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ СИЛА НОТАРИАЛЬНОГО АКТА	130
Новгородцев М.В. МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ И АДРЕС ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	137
Прозорова В.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ	145
Трищенко А.А. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ .	149
Бердышева С.Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	161
Ерманова С.Н. ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИБРЕТАТЕЛЯ.....	168

Овчинников И.В. О ГЕНЕЗИСЕ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРА	180
Тебенькова С.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА СНАБЖЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИЕЙ.....	190
Чуршина А.А. РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ.....	199

Научное издание

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Сборник статей

Редактор Л.М. Клименко
Компьютерная вёрстка А.С. Трусов

Подписано в печать 11.12.15. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ.12,6. Уч.- изд.л.9,8.

Тираж 100 экз. Заказ № 305.

Издательство «*Jus est*»

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г.Ижевск, ул.Университетская, 1, корп. 4, каб. 207